

ББК 63.3(2Р53)
Р 17

Составитель М. Е. Сорокин

Художник Н. В. Сидоркин

На первой странице обложки: клад монет, найденный в селе Балахнино

Фото И. Бассардинского

На четвертой странице обложки: В. Киселев — художник-оформитель музея в городе Киселевске

Фото А. Блотницкого

Разыскания. Историко-краеведческий альманах. / Сост. М. Е. Сорокин,
Р 17 Кемеровское кн. изд-во, 1990. — 112 с., илл.

ISBN 5—7550—0207—X

Первый выпуск альманаха объединил публикации ученых, краеведов-любителей, журналистов, рассказывающие об истории Кузбасса.

Р 1805080000—03

М 145(03)—90

90

ББК 63.3(2Р53)

© М. Е. Сорокин, состав., 1990

СОДЕРЖАНИЕ

К выходу первого выпуска	3
СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ	7
Евгения Кривошеина. «Настоящее открытие для Европы...»	12
Александр Берлин. Виктор Обнорский в Кузнецке	15
ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	17
Александр Шишигин. Алтайский просветитель	20
Отрывки из «Моей жизни» М. В. Чевалкова	21
Сергей Тивяков. Исследователь Горной Шории	28
Валерий Кимеев. Забытая страница истории шорцев	35
ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ	42
Николай Козубовский. Против колчаковской диктатуры	44
Григорий Артемов. Партизанский адъютант	50
«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»	59
Сталинские лагеря Западной Сибири	42
Борис Антонов. «Железный» порядок «железного» наркома.	44
Грант Аветисян. «Основная профессия — революционер»	50
Михаил Сорокин. Одиссея Арнольда Юргенсона	59
«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»	67
Виль Рудин. На Берлин!	67
ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ	81
Георгий Скакунов. Брусницинский пласт	81
Елена Лутовинова. О собирании и изучении фольклора Кузбасса	89
Юрий Ширин. Археологическое изучение Кузнецкого острога	91
Любовь Кузнецова. Экспозицию оценят посетители	97
Николай Хатюшин. Имени красного командира	98
Михаил Сорокин. Хранитель памяти	101
Владимир Пилипенко. Коллекционер	106
Любовь Кузнецова. Находка в селе Балахнино	107
Григорий Артемов. Лампочка Ильича	108
Сергей Тивяков. Весточка из прошлого	110

РАЗЫСКАНИЯ

Историко-краеведческий альманах

Составитель Михаил Ефимович Сорокин

Редактор Э. П. Дубровская

Художественный редактор В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манохина

Корректор С. А. Мазаева

ИБ № 1561

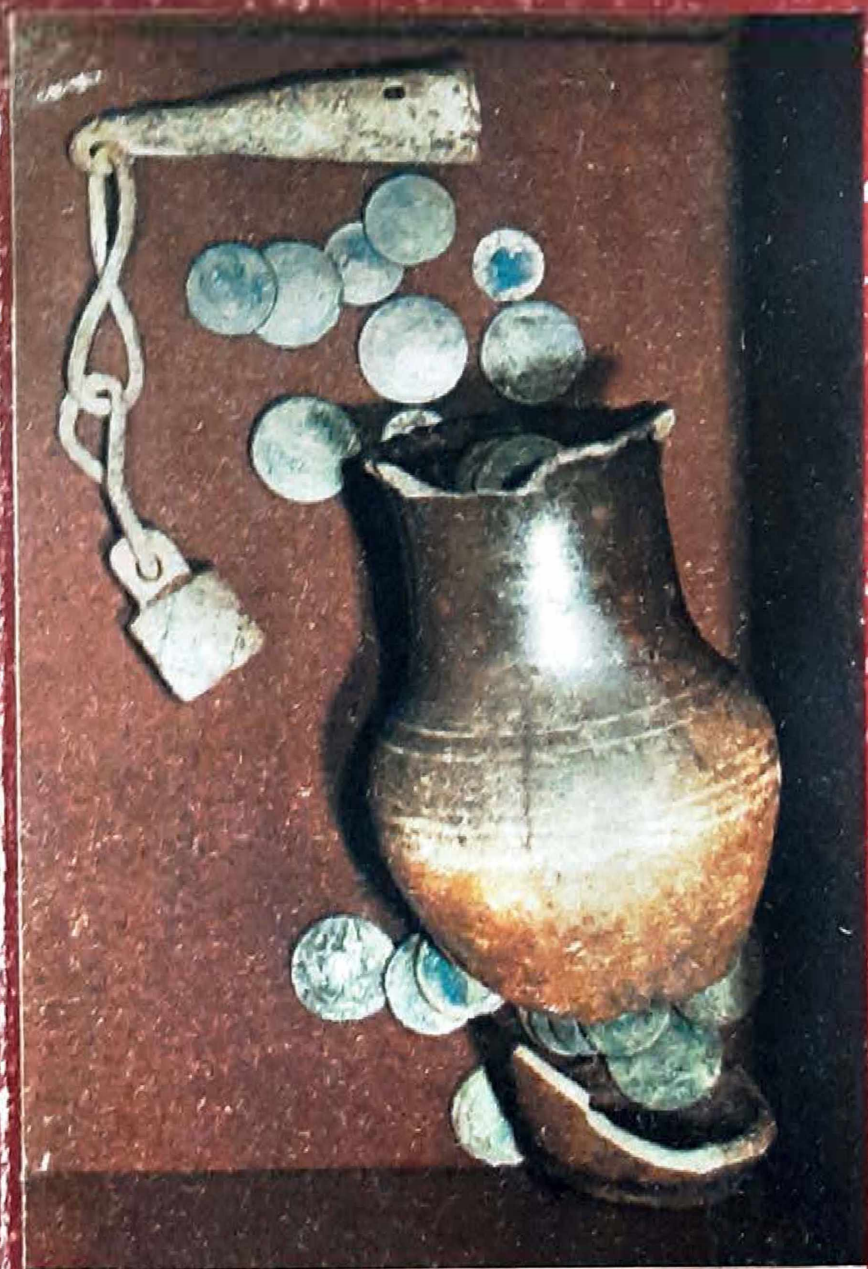
Сдано в набор 17.07.90. Подписано к печати 16.10.90. Формат 70X90^{1/8}. Бумага офсетная № 2.
 Гарнитура Обыкновенная новая. Печать шрифтом. Усл. печ. л. 8,19+0,585 вкл. усл. п. л. Усл.
 ир.-отт. 9,51. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 3000 экз. Заказ № 3163. Цена 45 к. Кемеровское книжное
 издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Ке-
 мерово, ул. Ногрэдская, 5

603
P-17

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

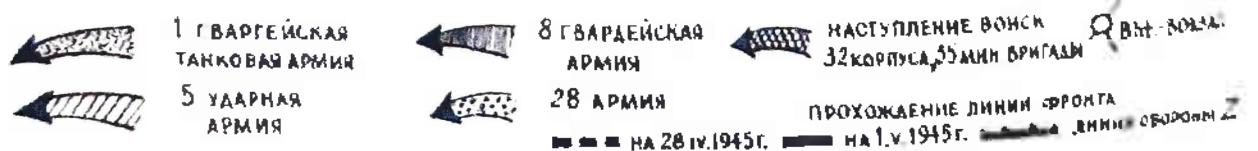
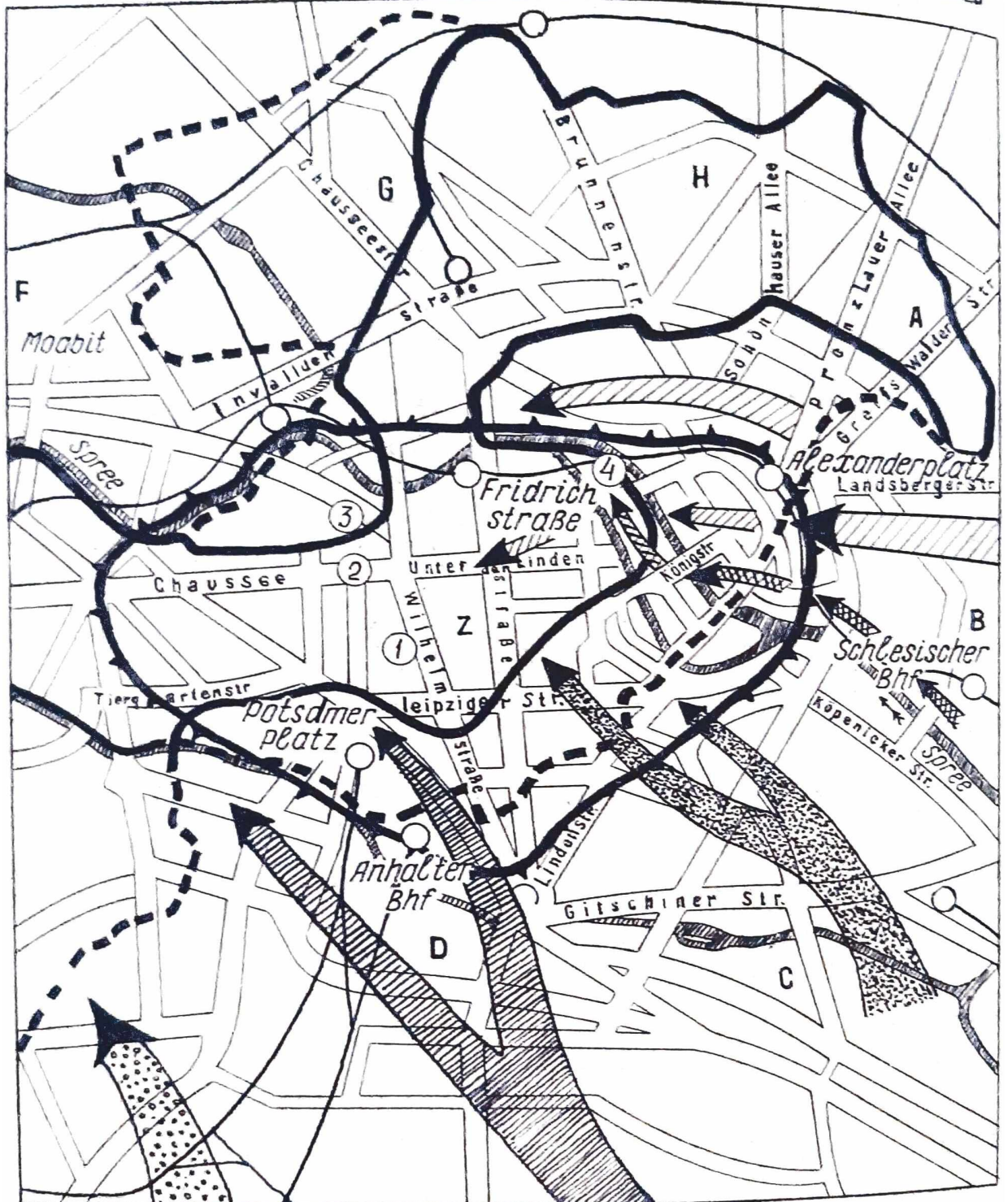
ПЯТЫЙ ЧЕРВЫЙ

Документы рассказывают.

В атласе Семена Ульяновича Ремезова, начертанном в 1701 году, на просторах томско-кузнецкого края показано около 90 русских селений. Седьме с середины лишь одиннадцать. В Кузнецком ведомстве — Ильинское (Красноярское тож), Атаманова, Крабулина, Шорохова, Калачикова, Верхотомский острог, Сидорово, Мокроусова, Антонова, Бедарева, Евтифеева, Карпова...

СХЕМА БОЕВ В ЦЕНТРЕ БЕРЛИНА (с 28 IV. по 2 V. 1945г.)

РАЗЫСКАНИЯ

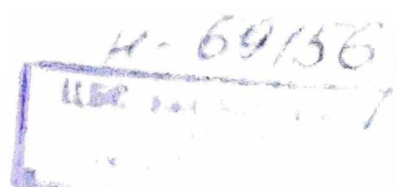
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Выпуск первый

МАУК "УИБС" г. Кемерово

159626

Кемеровское
АКЦИОННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 63.3(2Р53)

Р 17

Составитель **М. Е. Сорокин**

Художник **Н. В. Сидоркин**

На первой странице обложки: клад монет, найденный в селе Балахнино

Фото **И. Бассардинского**

На четвертой странице обложки: В. Киселев — художник-оформитель музея в городе Киселевске

Фото **А. Блотницкого**

Разыскания. Историко-краеведческий альманах. / Сост. М. Е. Сорокин, Р17 Кемеровское кн. изд-во, 1990. — 112 с., илл.

ISBN 5—7550—0207—X

Первый выпуск альманаха объединил публикации ученых, краеведов-любителей, журналистов, рассказывающие об истории Кузбасса.

Р 1805080000—03

М 145(03)—90

90

ББК 63.3(2Р53)

© М. Е. Сорокин, состав., 1990

К ВЫХОДУ ПЕРВОГО ВЫПУСКА

О содержании и задачах предлагаемого читателю историко-краеведческого альманаха высказались: заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, профессор, доктор исторических наук А. И. Мартынов, доцент университета, кандидат исторических наук Е. А. Кривошеева, член Союза писателей СССР В. Г. Рудин, доцент Кемеровского института культуры, кандидат исторических наук М. Е. Сорокин, заведующий кафедрой политической истории Кемеровского государственного университета, профессор, доктор исторических наук Н. П. Шуранов, заведующий кафедрой истории СССР университета, профессор, доктор исторических наук Г. Г. Халиулин.

Мартынов А. И.— краеведение Кузбасса — составная часть советского краеведения. Оно, как известно, прошло тернистый путь, накопило немалый опыт. 20-е — первая половина 30-х годов явились временем бурного подъема исторического краеведения. Повсюду возникали кружки, открывались общественные музеи, организовывались выставки, отправлялись поисковые экспедиции, выходило множество книг по истории не только городов, но и деревень. Однако этот нормальный, естественный процесс развития краеведения в середине 30-х годов был нарушен. Массовое, народное по сути своей движение стало загоняться, втискиваться в жесткие официальные рамки. Многие музеи были ликвидированы, краеведческие общества и кружки закрыты. Ныне вновь резко возрос интерес общества к отечественной истории, в том числе и к истории региональной, сибирской. Для развития краеведения, в частности, у нас в Кузбассе, сегодня созданы благоприятные предпосылки.

Сорокин М. Е.— что касается характеристики положения с краеведением в целом, то с нею можно согласиться. Другое дело — кузбасское краеведение. Пока рано говорить об успехах в этой области. Если и произошли некоторые позитивные перемены, то они, на мой взгляд, слишком незначительны. Мы еще в самом начале пути. Судите сами. Даже в гуманитарных вузах области работы по краеведению вовсе не разворачиваются, как это следовало бы ожидать, а фактически сворачиваются. Возможности этих вузов в развитии кузбасского краеведения используются далеко не в полной мере. Престиж краеведа, его авторитет у нас в области пока что невысок, возможности выхода с результатами своих изысканий к читателю весьма ограничены. Очень слабо представлена краеведческая проблематика в лекционной работе. К помощи краеведов редко обращаются наши идеологи.

Значительным явлением культурной жизни России стали бирюковские (Челябинск), макушинские (Новоси-

бирек), крашенинниковские (Петропавловск-Камчатский) чтения. Нам же еще предстоит найти свой, кузбасский, вариант подобной формы работы.

Рудин В. Г. — и все-таки, как говорится, лед тронулся. Как определенный успех следует рассматривать сам факт появления первого выпуска кузбасского историко-краеведческого альманаха. При Кемеровском отделении фонда культуры создана историко-архивная секция, в работе которой участвуют ученые — историки, обществоведы, музейные работники. Сейчас, в условиях гласности, когда раскрыты тысячи единиц хранения в государственных и ведомственных архивах, очень важно, я думаю, прикосновение к подлинным документам, отражающим наше прошлое.

При создании секции были обсуждены приоритетные направления в работе: освоение кузнецкой земли русскими землепроходцами, история церкви и церковных движений в крае, события революционные и послереволюционные, проблемы культуры.

Естественно, очень важно, чтобы в работе секции участвовали любители-краеведы, не только кемеровчане, но и всей области.

Если говорить о публикациях, то у нас есть возможность предложить свои разработки и в наш исторический альманах, и в организованный фондом культуры «Родник», и в альманах «Литературный Кузбасс», и в альманах «Провинция». Все зависит от качества разработки: общественной значимости проблемы, глубины проникновения, стиля изложения, читабельности материала.

Особо хочу подчеркнуть, что у нас слабо изучен начальный период освоения кузнецкой земли.

Мартынов А. И. — отставание краеведческой работы по дореволюционной истории у меня тоже вызывает

глубокую тревогу. Оно опасно тем, что приводит к забвению истоков, рождает массовое беспамятство, историческое невежество.

Слишком прочно утвердилось в сознании многих представление о Кузбассе как крае, рожденном сталинскими пятилетками. Мы оказались равнодушными и безразличными к интереснейшей истории наших сел и городов, многие из которых возникли свыше трех веков назад, к истории древнейших сибирских заводов и рудников. Это ли не манкуртство? Богатое, насыщенное значительными событиями дореволюционное прошлое нередко рассматривается бегло, поверхностно, схематично, не как самостоятельная глава в историческом повествовании, а лишь как введение, как необходимое предисловие в настоящую, современную историю.

Сорокин М. Е. — незамедлительного решения, на мой взгляд, требует проблема земледельческого освоения кузнецкой земли. Она представляется мне столь значимой и злободневной, что предложил бы ее рассматривать как составную часть программы социального возрождения кузбасского села. А как же иначе? Ведь народ, лишенный исторической памяти, растерявший свои традиции, мертв.

Думаю, что любой краевед назовет десятки белых пятен в истории Кузбасса. Мне, например, таковыми представляются проблемы народных движений, борьбы трудящихся против различных форм социального и духовного порабощения, проблемы общественного сознания, идеологии, культуры. Перед краеведами Кузбасса неопатченный край работы. И альманах наш как раз должен стать той небольшой отдушиной, через которую творческие изыски краеведов можно будет вынести на суд взыскательного читателя.

Кривошеева Е. А. — мне бы хотелось обратить внимание краеведов, любя-

телей истории Кузбасса на целый ряд других, пока что не названных в нашем разговоре проблем. Во-первых, мы в громадном долгу перед интеллигенцией, в частности, перед политическими ссыльными, все свои силы отдавшими делу просвещения народа. Рассказать кузбассовцам об этих людях — наш священный долг. Во-вторых, нельзя забывать, что край наш многонациональный, что населен он не только русскими. Замечание это носит принципиальный характер. Судьбы малых народов сегодня привлекают особое внимание, в частности, проблемы родного языка, письменности, культуры. И у шорцев, и у телеутов, несмотря на их относительную малочисленность, богатая, насыщенная драматическими событиями история, самобытный, на редкость интереснейший фольклор.

Шуранов Н. П. — нашу дискуссию мне бы хотелось повернуть к делам современным. Историкам Кузбасса, нашим краоведам еще предстоит обобщить опыт социалистических преобразований в крае, показать объективно, всесторонне самоотверженный труд людей, их жизнь и борьбу, их победы и неудачи, выявить общие закономерности и специфические особенности истории Кузбасса. Необходимо также достаточно полно и всесторонне дать объективную оценку роли партийных и комсомольских организаций. Выход в свет кузбасского историко-краеведческого альманаха — событие современное, идущее в ногу с требованиями времени, с происходящими в обществе процессами. Уверен, что альманах даст всем любителям истории Кузбасса дополнительные возможности для изучения родного края. В Кемеровском университете создана исследовательская группа. Она работает над «Хронологической партийной организацией Кузбасса», над историей кузбасского комсомола. Кропотливая работа в архивах позволила выявить массу интересней-

шего материала. Особо хочу подчеркнуть, что он позволяет по-новому оценить многие процессы развития нашего края. Естественно, что своими находками мы охотно поделимся с читателями альманаха.

Халиулин Г. Г. — альманаху предстоит сыграть немалую роль в деле пропаганды знаний о родном крае, что само по себе достаточно важно. Вместе с тем он мог бы оказать неоценимую услугу в деле подготовки будущей «Исторической энциклопедии Кузбасса». С этой целью, на мой взгляд, была бы полезна постоянная рубрика в альманахе. Она могла бы называться, к примеру, «Материалы «Исторической энциклопедии Кузбасса»». Многие публикации альманаха, при соответствующей доработке, могли бы войти в ее состав.

Что же касается тематики, то, на мой взгляд, она должна быть разнообразной, охватывать все стороны, все сферы жизни Кузбасса — народное хозяйство, общественно-политическую, социальную, национальную проблематику, науку, культуру. Крайне нужны публикации, посвященные истории отдельных городов, сел, деревень, заводов и фабрик. Внимания заслуживают и люди, которым довелось сыграть в истории Кузбасса выдающуюся роль. Хочу выразить надежду, что составители альманаха уделят должное внимание иллюстрациям. Вопрос этот очень важный. Общими усилиями мы смогли бы выявить наиболее интересные фотографии, рисунки, схемы, карты и т. д. В настоящее время редакция «Кузбасской исторической энциклопедии» работает над составлением «Словника», набора основных терминов, слов, которым предстоит дать расшифровку. Мы обращаемся ко всем краоведам, знатокам и любителям истории нашего края с просьбой принять участие в составлении такого «Словника». За этим должна последовать

дальнейшая работа по расшифровке самого понятия.

Рудин В. Г. — давайте вернемся к обсуждению главного, на мой взгляд, вопроса — проблематики историко-краеведческого альманаха. Темы индустриализации, коллективизации давно стали традиционными в нашей историографии. Однако сегодня мы гораздо яснее, чем вчера, понимаем, что освещались эти проблемы односторонне. Все отрицательное, что сопровождало эти процессы, замалчивалось. А как мало мы знаем о НЭПе в Кузбассе, о первых шагах кооперативного движения. Еще ждет своего исследователя тема раскулачивания, спецпереселенцев, тема сталинских репрессий. В истории Кузбасса очень много страниц, на которые пока не упал взгляд историка.

Кривошеева Е. А. — в истории Кузбасса, как и во всей отечественной исторической науке, долгое время царили абстрактные экономические, социологические схемы. В работах историков явно не хватало места живым людям. Не чувствовалось брения страстей, характеров. Очень слабо освещались быт, народные традиции, вопросы культуры, искусства. Надеюсь, что наш альманах хоть в некоторой степени сможет восполнить этот пробел. Надо полагать, что он привлечет

внимание литераторов, художников, работников культуры, положит начало тесному их содружеству с краеведами.

Сорокин М. Е. — уверен, что наш альманах объединит вокруг себя краеведов Кузбасса, станет их трибуной. Очень полезна могла бы оказаться постоянная рубрика, где бы публиковались рассказы об энтузиастах краеведческого поиска, о крупнейших представителях исторической науки в Кузбассе.

Особого внимания заслуживает рубрика «Наши публикации». В отделе рукописей и редких книг крупнейших библиотек Советского Союза хранятся немало редкостей, абсолютно недоступных массовому читателю, содержащих ценнейшие сведения об истории нашего края. Таких, например, как «Кузнецкая летопись» Ивана Конюхова или работа Николая Кострова «Кузбассецк». Полезна была бы, на мой взгляд, перепечатка отдельных отрывков из недоступных современному читателю книг, журналов, газет. Время покажет, насколько успешно нам удастся реализовать задуманное. Сегодня ясно одно — хозяйское использование такого солидного идейного потенциала, как знания и опыт краеведов, для нужд перестройки — задача большого общественного значения.

СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ

Евгения Кривошеева

«НАСТОЯЩЕЕ ОТКРЫТИЕ ДЛЯ ЕВРОПЫ...»

Города Сибири в XIX веке часто становились местом ссылки для тех, кто выступал против самодержавия, крепостничества, бесправия. Декабристы, петрашевцы, участники польского освободительного движения — сколько их было рассеяно по просторам Сибири от Тобольска до Забайкалья. Не было исключением и Кузнецк.

В 1864 году в Кузнецке появился новый политический ссыльный. Это был Василий Васильевич Берви.

Какие пути привели его в Кузнецк? В. В. Берви родился в 1829 году в Рязани. Вырос он в семье довольно консервативного профессора Казанского университета. В годы учебы в университете был связан с революционным студенчеством, политическими ссыльными. Окончив в 1849 году с отличием Казанский университет, он получает направление в Петербург, в Министерство юстиции. Казалось, что молодого юриста ждет блестящая карьера. Его заметили в ученых кругах. Открылась перспектива занять кафедру в университете, поехать для совершенствования образования в Гейдельберг.

Но он выбрал другой путь. За тринадцать лет работы в министерстве В. В. Берви глубоко узнал истинную правду о жизни России.

Здесь, в Петербурге, формируется его мировоззрение. В делах III Отделения появляется документ, где о В. В. Берви го-

ворится, что он «...сильно скомпрометировал себя в политическом отношении»¹.

Он выступает с протестом против расправы со студенческими волнениями. Его имя довольно широко известно среди передовой интеллигенции, в студенческих кругах. Л. Ф. Пантелеев, один из деятелей организации «Земля и воля», вспоминал, что в 1862 году в студенческом комитете Санкт-Петербургского университета возникло желание открыть цикл публичных лекций. На них предполагалось пригласить Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова и В. В. Берви. Уже тот факт, что имя Берви ставилось в ряд с именами признанных идеологов русского освободительного движения, свидетельствует о его популярности среди молодежи.

Однако выступить с лекциями ему не пришлось.

19 февраля 1861 года царским манифестом было объявлено «Положение» об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Своей ограниченностью оно вызвало протест среди крестьян, прогрессивных общественных деятелей. Группа тверских мировых посредников открыто заявила, что они отказываются признать «Положение». К несогласным были применены суровые меры: тринадцать чело-

¹ Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский (по материалам III Отделения), Л., «Колос», 1925, с. 3.

нек были арестованы. Эти действия властей вызвали протесты среди породовой интеллигенции. В том числе и у В. В. Берви. Он разослал письма в некоторые губернии, обратился через посольство к британской палате, написал личное письмо Александру II.

Правительство постаралось дискредитировать действия чиновника такого министерства! Берви был объявлен психически больным. Затем Василии Васильевича отправили в ссылку в Астрахань. Через некоторое время после попыток новых обвинений заключили в тюрьму в Казани, оттуда он был выслан в Сибирь. Вместе с женой В. В. Берви выехал в ссылку в январе 1864 года.

«Доехали до Томска,— пишет в своих воспоминаниях Э. Берви,— и в Томске узнаем: губернатор назначил два города на выбор: Кузнецк и Бийск»². Берви выбрали Кузнецк и пробыли в нем до июня 1865 года.

После Петербурга Кузнецк супругам показался не городом, а скорее большой деревней. Нашли квартиру. Берви знакомится с политическими ссыльными, среди которых было много участников польского освободительного движения. Часто Берви совершает прогулки по окрестностям. Позднее в одной из своих книг он напишет: «...Я уже в Кузнецке и разъезжаю по окрестностям, чтобы познакомиться с бытом крестьян. Первое, что меня поразило,— это обилие природных источников богатства; почва плодородная, покрытая богатой растительностью, душистые луга доставляют самый изобильный корм для скота; посевы дают самые разнообразные урожаи... Крестьянин должен жить так же богато, как американец Соединенных Штатов». Его поражают реки и озера, «наполненные рыбой всяких вкусных пород», он видит озера, леса, наполненные дичью. Его поражает

чистота воды — «как хрусталь»³, обилие по То: игод.

Он встречается с местными жителями. «Соко. подолгу беседует с ними. Из этих бесед Томь. из прочитанных книг он узнает, что ввиду. ра Кузнецкого края таят в себе «...значительных источников богатства: каменным уголь в таком изобилии, что местами оки. — дешевле простой осины, лодку угля можно д. по приобрести за шестьдесят копеек. Ж. чист: лезом и металлом природа так же не облегче: дела Кузнецкий округ»⁴.

Сочетание почти девственной природы и подаваемые богатства изумляют В. В. Берви. Он восклицает: «...Что еще требовать с от природы. Много ли стран так богаты и награждены ею?»⁵.

Но он не только совершает. Мысли гу: маниста глубже: «В такой обстановке мал: живет несчастное бедствующее население, боту Один из томских чиновников посоветов: Куз: вал ему посмотреть на богатство сибир: ского крестьянина на юге Сибири, в М: лов: вусинском, Бийском, Кузнецком и Бар: Бер: наульском округах.

Нет (пишет Берви ответ), и здесь бед: В: живет население. И снова задает себе во: лен: рос: «По многоземелью края, по богатству мес: источников благосостояния следовало бы: сы: встретить население, живущее в доволь: ви: стве, а в результате оказывается бед: Ку: ность и часто гнетущая, безысходная бед: «: нота»⁶. ств

Вместе с женой В. В. Берви совершает: ня: дальние прогулки за город. «Целыми ча: гов: сами,— пишет в своих воспоминаниях: ба: Э. Берви,— простаивали мы с мужем на: гу: берегу, любясь шугой и слушая этот не: ско: умолимый треск и шум...» Часто они под: го: нимались на гору близ крепости. Особен: в: по поразило их «волшебное сибирское ле: ми: то» с его многотравьем, буйством цве: Он: то: то: ния трав. Летом совершали они прогулки: пи: по: пе:

² Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Г. Флеровского. СПб, изд. Полякова Н. А., 1869, с. 38.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 35.

² Флеровская Е. Из воспоминаний. Голос минувшего, № 6, 1915.

по Томи. Любимым местом было подножье «Соколиных гор», где Кондома впадала в Томь. Здесь часто беседовал В. В. Берви с местными жителями, приходившими по воду. Слушали рассказы о целебных свойствах хрустально-чистых вод ее. Неважная реченька, — так говорили хозяйки. — У кого золотуха — покупать недельки две-три — как рукой снимет. Вода — чистая бирюза, а приятность вкуса, а легкость...

Возвращаясь в город, они часто заходили на Кузнецкий базар. Там можно было встретить купцов, привезших свои товары с российских ярмарок, увидеть бочонки с медом, рыбу. Но мало было ремесленных товаров. А от своих знакомых он знал, что работники здесь зарабатывают мало, потому что возможности найти работу очень ограничены. Возможно, здесь в Кузнецке он многое узнал о приисковых рабочих, их заработках, тяжелейших условиях жизни. Может быть, тогда у В. В. Берви зарождался замысел книги, которая впоследствии прославит его имя.

В Кузнецке у В. В. Берви был определенный круг знакомых: представители местной интеллигенции, политические ссыльные. В своих воспоминаниях Берви указывает, что в момент приезда в Кузнецк там было около 150 ссыльных.

«Скоро узнали в окрестностях о существовании необычайного русского, и у меня не было недостатка в собеседниках. Я говорил с ними не стесняясь, публично на базаре, на перевозах, в поле во время прогулок»⁸. Такая общительность политического ссыльного была не по душе «отцам города». Они пытались донести на Берви в Томск. Но выручил один из знакомых — мировой посредник поляк Энгельфельд. Он убедил недоброжелателей Берви, что тот говорит вещи, о которых свободно пишут в журналах. Устыдились ли своей необразованности кузнецкие чиновники, действительно ли поверили в отсутствие

крамольного? Так или иначе — донесение в Томск послано не было. А вскоре представился случай, и Берви помог одному из ссыльных поляков, который был арестован за революционную пропаганду. Берви писал для него прошение и помог избежать наказания.

Берви много общался со ссыльными поляками. Идя навстречу их интересу к России, читал им лекции о русском общественном движении, его идеях.

Пытливый ум и наблюдательность позволили ему многое понять в судьбе этих людей. Он знал, что вражда между русскими и поляками сеялась царями Николаем I, Александром II, царскими чиновниками. В Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ. К русским они ненависти не имели и прекрасно уживались с рабочим народом...»⁹.

Среди знакомых Берви — солдаты — участники восстания, офицеры, польские крестьяне, интеллигенты. Он видит, как они живут. Как стремятся в нужде сохранить свое достоинство. «...они предпочитали идти в работу к ремесленникам и крестьянам», учились ремеслу у кузнецов, плотников, плохо питались, плохо одевались, но предпочитали такую жизнь должности писца в канцелярии...»¹⁰. Берви с интересом наблюдал их попытки создания ассоциации труда, различных товариществ по огородничеству, рыболовству.

Все это откладывалось в памяти, копилось, чтобы потом выйти на страницы книг. Об этом скажет он сам: «Знакомство с их жизнью имело большое влияние на мои социальные и экономические воззрения»¹¹.

В Кузнецке В. В. Берви прожил до лета 1865 года. Стало очевидно, что работу здесь найти трудно. А иных средств к существованию не было. Здоровье расстро-

⁸ Флеровская Е. Из воспоминаний. Голос минувшего, № 7—8, 1915, с. 139—141.

⁹ Берви-Флеровский В. В. Воспоминания. Голос минувшего, № 7—8, 1915, с. 121.

¹⁰ Там же, с. 119.

¹¹ Там же, с. 124.

ено: сказались душевное напряжение, тюрьма, дальняя дорога в Сибирь.

В письме к Томскому губернатору он пишет: «Совершенно расстроенное свое здоровье я, по удостоверению врачей, могу излечить, по воспреещению мне выезда из Томской губернии, только в городе Томске. По сему имею честь просить разрешить... мне переезд в г. Томск для излечения...»¹². К прошению была приложена справка о бедности.

Переписка длилась несколько месяцев, и наконец 29 марта 1865 года было получено разрешение. В. В. Берви разрешалось по этапу выехать в Томск, «с продолжением за ним полицейского надзора».

Здесь он познакомился с П. А. Ивановым, человеком передовых взглядов. Иванов помог ему получить место у богатого томского золотопромышленника и купца Б. Л. Хотимского. Должность эта включала в себя обязанности адвоката, приказчика, бухгалтера. Жалованье низкое, но выбирать не приходилось. Да и радовало Берви то, что новая должность давала ему возможность ездить по Томской губернии. Уже будучи в этой должности, он вновь побывал в Кузнецке, Мариинске, близлежащих деревнях, приисках. Он вел записи своих бесед с владельцами приисков, рабочими, в его распоряжении были бухгалтерские отчеты приказчиков. От внимания Берви не ускользало ничего: ни махинации с зарплатой, ни бесправное положение рабочих, ни отсутствие каких-либо форм защиты их интересов. Сделав попытку исчислить бюджет приискового рабочего, он приходит к выводу, что... не хватит заработка даже на то, чтобы прокормить с нуждой себя, о семействе же и говорить нечего»¹³.

¹² Цит. по Рабинович Г. Х. В. В. Берви-Флеровский в Томске // Томску 375 лет. Изд. ТГУ, Томск, 1979, с. 70.

¹³ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения, т. 1, М., 1958, с. 383.

Он улавливал то недовольство, которое достаточно накопилось в рабочей среде: жалобы, побеги, поджоги хозяйского имущества...

В Томске он сохраняет свои связи ссыльными поляками. Томские ссыльные поляки о В. В. Берви уже знали. Один из них при встрече сказал ему: «...Я вас хорошо знаю, даже с философскими взглядами вашими знаком; кузнецкие поляки просветили меня. Они много писали своих письмах по поводу ваших идей, ваших лекций»¹⁴.

В Томске окончательно созрел у Берви план его будущей книги «Положение рабочего класса в России». К тому времени, он обладал уже обширным фактическим материалом, собирать который начал еще в Кузнецке. Теперь к этому материалу добавился новый.

Интерес к положению рабочего класса был у Берви не случаен. Пореформенная Сибирь переходила на путь капиталистического развития. Вопросы, которые интересовали Берви еще в Петербурге, и здесь давали себя знать: каков путь страны, какими средствами надо бороться за ее экономическое развитие, новые социальные условия, за освобождение труженика от эксплуатации.

Об этом часто говорили в кружке, который сформировался вокруг Берви, Иванова, студента политссыльного Леона Самарина. В кружке много об этом спорили, мечтали о будущем России, а иногда играли в карты. В квартире Берви нередко слышались песни, которую пели ссыльные поляки: «...на буй на криварный, тенжский, немцев правый...» В Томске ссыльный Берви находился под пристальным надзором полиции. Обыск, угрозы, преследования не останавливали его деятельности. Он вступил в конфликт с Томским губернатором Лерхе, известным своей жестокостью и тупостью, вступался за незаслуженно —

¹⁴ Флеровская Э. Из воспоминаний. Минувшие годы, 1915, № 9, с. 178.

преследуемых, выступал в защиту поляков.

15 апреля 1866 года Берви получил разрешение вернуться в европейскую часть страны. Нелегким был путь — губернатор не простил Берви и не только задержал его отъезд, но и отпирал его по этапу: от Тюмени до Казани Берви прошел пешком. Впереди были годы странствий под полицейским надзором по городам России: Вологда, Тверь. Все это время Берви работал над книгой. В 1869 году, с трудом найдя издателя, он издает ее: «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского». (Так появился псевдоним, который впоследствии стал частью фамилии.)

Большая часть книги посвящена Сибири. На ее страницах нашли отражение материалы, собранные в Кузнецке и Кузнецком уезде. Вот один из ее разделов «Работник-бродяга». И строки о Томском, Кузнецком округах. В Томском округе «...крестьянин оплакивает свою горькую участь, «здесь земли легкие, не плодородные, зима суровая, ничего не родится. Вот в Кузнецком и Бийском округах... Добрался я до Кузнецкого округа — и что же?... хотя бы я встретил тень довольствия своего судьбою...»¹⁵.

А вот страницы о жизни сибирского ремесленника. Он описывает мастерскую сапожника, вопиющую бедность.

На одной из страниц — разговор с рабочим-кочегаром: ужасающие условия труда, впереди болезни, немощь и никакой помощи.

Книга сразу же привлекла к себе внимание. Она не случайно была замечена III Отделением. Его чиновники считали, что в книге приведены «...социалистические тенденции, составляющие программу Интернационального Общества» (I Интернационал — Е. К.), а сам автор стоит «в центре социалистов»¹⁶.

¹⁵ Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России... с. 3.

¹⁶ Аптекман О. В. Василий Васильевич Флеровский... с. 57.

Во взглядах на социально-экономическое развитие у Берви-Флеровского было много от народников, не было у него и четкого понятия «рабочий класс». Но не это привлекало внимание к книге Берви-Флеровского. Во-первых, это была одна из первых попыток рассказать о новых явлениях в жизни пореформенной России, и рассказать на основе материала «из первых рук», т. е. всего того, что было увидено и изучено автором, с чем он соприкасался в сибирской ссылке. Это-то и привлекло К. Маркса к книге Берви-Флеровского.

В письме к П. и Л. Лафарг 5 марта 1870 года он, обращая внимание на солидность собранного фактического материала, пишет: «...это добросовестный труд», его задача «...изучить факты и разоблачить традиционную ложь»¹⁷. В письме к Ф. Энгельсу 10 февраля К. Маркс отмечает не только значимость фактического материала («сообщается правда об экономическом положении России»), но и жгучую ненависть автора к помещикам, капиталистам, чиновникам. Маркс сравнивал книги Берви-Флеровского с книгой Ф. Энгельса «О положении рабочего класса Англии». Маркса больше всего интересовал именно фактический материал, собранный в Сибири. Он обратился к Н. Даниэльсону с просьбой рассказать об источниках книги. Берви-Флеровский сам ответил К. Марксу. В очень подробном письме 11/23 мая 1871 года по каждому разделу он дал пояснения К. Марксу. Берви-Флеровский писал: «Часть первая. Глава I. Работник-бродяга. Я был приказчиком у одного богатого заводчика в Томске. У него было большое дело (винокуренные заводы в Восточной и Западной Сибири, золотые прииски и т. д.). При этом я изучал все сам, что рассказываю в этой главе о жизни работников. Работники и хозяева, которых я описал, были мне либо

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1957, с. 191—192.

лично знакомы, либо я собирал о них сведения путем опросов устных и письменных... Глава II... путь от Томска на восток я в качестве приказчика проделал несколько раз. Я был в Мариинске, Ачинске, Красноярске, Енисейске... Затем я прожил свыше года в Кузнецке в политической ссылке...»¹⁸.

Он пишет о своих беседах с населением, дает характеристику литературе о Сибири.

Видимо, книга и письмо Берви-Флеровского убедили К. Маркса в большой достоверности книги, значимости собранного материала. Он возвращался не раз к изучению книги, писал о ней своим друзьям, единомышленникам.

В одном из писем к членам I Интернационала К. Маркс писал: «Несколько месяцев назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабо-

чего класса в России». Это настоящее крытие для Европы. Это труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного дождика и, прежде всего, человека, мужественного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего страдания и стремления пролетарского класса. Такие труды, как Флеровский и вашего учителя Чернышевского, лауреаты действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже имеет участвовать в общем движении нашего века»¹⁹.

Шли годы. Берви-Флеровский снова вергался арестам, преследованиям. Но под его пером выходили новые обличительные книги. И не раз он вновь и вновь возвращался к своему сибирскому периоду.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 549.

¹⁸ Там же, с. 191—194.

Александр Берлин

ВИКТОР ОБНОРСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ

В середине 70-х годов прошлого века возникла рабочая организация «Федерация рабочих». По замыслу этой организации 6 декабря 1876 года у Казанского собора в Петербурге рабочие впервые подняли красный флаг — символ свободы российского пролетариата. Они провозгласили лозунг «Да здравствует социалистическая революция!» К месту демонстрации были стянуты войска, рабочих разогнали. Одним из руководителей «Федерации рабочих» был Виктор Обнорский...

Мечта о создании единой рабочей организации из разрозненных кружков была мечтой всей жизни Обнорского.

В истории революционного движения в России заметное место занимает одна из

самых первых рабочих организаций «Северный союз русских рабочих». Руководителями этого союза были В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин. О программе деятельности «Северного союза русских рабочих» было сказано, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада. Основной целью союза становилось проведение социалистической революции — «ниспровержение существующего политического и экономического строя, как строя, крайне несправедливого».

В. И. Ленин в своей известной работе «Протест российских социал-демократов» отметил, что еще Северо-русский рабочий союз, основанный в 1876 году «...выста-

лял в своей программе требования политической свободы» (Ленин, ПСС, т. 4, с. 172).

Виктор Павлович Обнорский родился в небольшом городке Грязовце Вологодской губернии, на Московско-Архангельском тракте. С ранней юности Виктор работал в железнодорожных мастерских. Семнадцатилетним юношей Обнорский отправился в Петербург. Ему удалось устроиться слесарем на Патронный завод. Именно в это время в Петербурге уже были созданы первые рабочие кружки. Позже они объединились в «Северный союз русских рабочих».

По настоянию товарищей в 1873 году Обнорский под фамилией Третьяков уезжает в Одессу.

В конце 1873 года Обнорский устроился на пароход, делающий заграничный рейс. Так во время первого своего пребывания за границей Обнорский на несколько дней остановился в Париже, потом переехал в Женеву, которая была в то время центром эмиграции русских революционеров.

Во второй половине 1874 года Обнорский снова вернулся в Петербург. Он работал на заводе Нобеля и жил на квартире рабочего. Прошло немного времени с тех пор, как он уехал из этого города, но изменения произошли большие. Рабочая группа, которую разгромили год назад, вновь развернула свою деятельность, оживало революционное движение.

Давно Обнорский понял необходимость объединения рабочих и призывал их к объединению. Он говорил: «Надо согласиться всем рабочим и уничтожить правительство и занять всякую власть и устроить новый порядок, при котором у всех были бы равные достоинства».

У организаторов «Северного Союза», работающих над упрочением и расширением организации, возникла мысль создать свою рабочую газету. С этой целью, главным образом за типографскими принадлежностями, в августе 1878 года Обнорский выезжал за границу. Ему все уда-

лось как нельзя лучше, и он вернулся со всеми средствами для создания пролетарской газеты. Первый номер первой рабочей газеты «Рабочая Заря» был напечатан в феврале 1879 года, когда Обнорский уже был арестован.

В январе 1879 года рабочий-революционер был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Суд над Обнорским состоялся в 1880 году 11 июня. Несмотря на отсутствие прямых улик против него, был вынесен очень суровый приговор: Виктора Обнорского осудили на отбывание каторжных работ сроком на 10 лет. Он был отправлен в Сибирь.

По воспоминаниям, которые находятся в Новокузнецком городском краеведческом музее (в т. ч. Ганькина П. Д., Кобелева К. А., Николаева Ф. А. и др.), известно, что в Кузнецке Обнорский поселился в 1909 году на Базарской улице, в домике, в котором открыл слесарную мастерскую и работал в ней один, живя на этот заработок. С 1914 по 1919 годы он жил у своего лучшего друга Н. Н. Станкева. Имеется описание внешности Обнорского в Кузнецкий период его жизни: роста среднего, очень широк в плечах, высокая грудь, коренастый, что указывает на большую физическую силу, носил усы и седую окладистую бороду, был лысым с опущкой волос по затылку и вискам. Большие серо-голубые глаза под нависшими бровями казались темными, лицо чистое, с розовым оттенком, имело глубокие морщины от крыльев носа до концов губ и глубокие борозды-морщины на высоком лбу. Улыбался или смеялся Обнорский очень редко. Взгляд у него был внимательный, пронзительный, в котором чувствовалась большая духовная сила.

Семьи у Обнорского не было, жил он одиноко. Когда у него спрашивали, есть ли у него семья, он отвечал: «Моя семья весь рабочий класс!»

С. М. Сурнин вспоминает: «С В. П. Обнорским я познакомился в 1915 году, когда меня сослали в город Кузнецк. Дру-

жил с ним до самой его смерти. По рассказам Виктора Павловича, он сам прибыл в Кузнецк в 1909 году из Благовещенска, снимал весь верхний этаж, состоящий из двух комнат и маленькой кухни. Одна из комнат служила ему спальней, другая — мастерской. Зарабатывал он мало и не имел никаких сбережений. Зимой Обнорский одевался в полушубок и рабочие ботинки. Летом ходил в рабочей блузе и брюках из самого дешевого сукна или хлопчатобумажной ткани. Спиртных напитков не употреблял. Обеды для себя Виктор Павлович всегда готовил сам. Любил мясной суп и молоко. Изредка готовил гречневую кашу. Бороду никогда не брил. Обнорский терпеть не мог неуважения к рабочим и к себе».

Научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея К. А. Воронин записал воспоминания жены местного фельдшера К. С. Борисенко. Вот что она говорит об Обнорском:

«Дом, деревянный (двухэтажный), в котором жил в городе Кузнецке В. П. Обнорский, принадлежал Станкеевой Фектисте Николаевне. В верхнем этаже жил Виктор Павлович, а в нижнем — хозяйка дома и приехавший в 1911 году фельдшер Борисенко, позднее мой муж. Я тоже жила в этом доме. Обнорский при мне прожил 10 дней, а потом уехал в Томск.

Мне приходилось прибирать в его квар-

тире. Обстановка у Обнорского была скромная и бедная: кровать, плохой столик. Два окна в доме были забиты перой или картоном. Одет Обнорский очень скромно: рубашка бордовая из тина, брюки носил в сапоги, а дома ходил в тапках, пальто у него было старое и трепанное.

Со мной Обнорский оживленно разговаривал и производил впечатление общительного человека».

Старожилы города отмечают, что до Февральской революции, которую Обнорский встретил восторженно, он выступал на митингах и собраниях, вел активную переписку с кем-то из рабочих Петрограда.

В 1918 году Обнорский часто болел, участия в общественной жизни города не принимал.

В ряде публикаций до сих пор неправильно отмечается дата смерти В. П. Обнорского. Сохранился документ, который вносит в этот вопрос определенную ясность. Документ этот — справка Томской губернской больницы: «Гражданин Обнорский Виктор Павлович находился на лечении в терапевтическом отделении Томской губернской больницы с 21 марта и 17 апреля с. г. скончался».

Эту справку нашел А. И. Полосухин, много сделавший для увековечивания памяти В. Обнорского.

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Александр Шишигин

АЛТАЙСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Имя телеута Михаила Васильевича Чевалкова (Чебелькова) — основоположника алтайского литературного языка, просветителя, миссионера — мало известно не только русскоязычному кузбасскому читателю, но и аборигенам Кемеровской области. Тяжелая длань культа личности наложила табу и на определенные периоды дореволюционной истории Сибири, из-за чего поневоле складывалось впечатление, что в нашей дооктябрьской сибирской культуре не было ничего путного.

Михаил Чевалков родился в 1817 году в селе Карасук под Бийском. Через семь лет отец его переехал в только что основанное селение Улалу, которое после революции стало городом Ойрот-Турой (Горно-Алтайском) — столицей Горно-Алтайской автономной области. В далекие тридцатые годы прошлого века в Улале насчитывалось всего четыре двора. Через пару лет в этот аул переселилась первая русская семья — мещанка Каньшина с детьми. Маленький Михаил подружился с ее старшим сыном Яковом и у него выучился русскому языку.

Недолгим было детство старшего сына Василия Чевалкова: ему исполнилось 13 лет, когда умерла мать. Крестьянское хозяйство требовало неустанныго труда, и, чтобы занять в доме еще пару рабочих рук, отец женил своего сына Михаила.

К тому времени в Улале начала свою деятельность Алтайская духовная миссия,

целью которой было обращение «инородцев» в православие. Миссионеры издавали буквари и религиозную литературу на разработанной ими алтайской азбуке, строили начальные школы, основным предметом в которых был закон божий. Тем не менее русская вера внедрялась с трудом. Миссионеры наиболее упорствующих в «идолопоклонстве» высылали туда, где почти все аборигены придерживались шаманизма. Среди непреклонных оказался и Василий Чевалков, который, чтобы не крестить своего сына Михаила, отправил его вместе с семьей и сватом в Бачатскую волость.

Но там случилось то, чего боялся отец: во время одного из богослужений в церкви св. Николая, что была в 10 верстах от деревни Шанды (ныне Гурьевский район), Михаил бесповоротно решил перейти в христианство.

Когда осенью к Михаилу приехал отец, сын убедил его, свою жену и тестя принять русскую веру, и Чевалковы в Улалу вернулись уже крещеными.

Младший сын В. Чевалкова, Андриан, той же осенью пошел в миссионерскую школу, и Михаил, тайком от отца, по букварю брата выучил алтайский алфавит. Сметливого молодого телеута заметил один из основателей миссии, Макарий Глухарев. Он привлек Михаила к переводу церковных книг. Так М. Чевалков стал толмачом, принял церковный сан и посте-

пленно стал одним из активнейших аборигенов-миссионеров. Первая переведенная им книга называлась «Житие св. Иосифа».

Но жизнь Михаила от этого легче не стала — за толмачество платили скудно. К тому же отец, озлившись за то, что сын днями пропадал у М. Глухарева, выгнал его из дома. Пришлось Михаилу жить какое-то время с семьей в амбаре свояка, пока миссия не купила ему дом, лошадь и дала денег на обзаведение. Позже подаренный дом снесло наводнением, и миссия купила ему еще одну избу. Семья Чевалкова жила скромно: в год жалованье выдавали по 40 рублей серебром. Через несколько лет добавили еще 2,5 рубля.

Рамки деятельности на церковном поприще были тесны для молодого священника: он стал собирать фольклор своего народа, переводил на телеутский язык басни И. А. Крылова, писал и свои стихи-пригитчи. Сюжеты его басен были таковы: «Пахарь и Охотник» — о пользе хлебопашества, «Водка и Чай» — о вреде пьянства, насаждаемого царской администрацией среди коренных жителей, «Звери Алтая» — о засилье богатей-баев, вождей-зайсанов, албанчи — сборщиков налогов и судей — темичи...

Чевалков стал знаменитым: его знали сибирские просветители Г. И. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. И. Ананин, профессора Казанского университета Н. И. Ильминский и А. Казамбек.

В 1860 году у него гостил преподаватель Барнаульского горного училища Василий Васильевич (Фридрих-Вильгельм) Радлов (1837—1918) — выпускник Берлинского университета, будущий первый российский академик-тюрколог, посвятивший свой талант служению России, нашедший вечный покой в русской земле.

Радлов прожил у Чевалкова целых три месяца, он был в восторге от знаний и ума миссионера-телеута, попросил его написать свою биографию. Осенью или зимой того же года, когда не надо было ездить с проповедями по отдаленным аулам, Че-

валков решился выполнить просьбу того немца. И под пером Михаила Радлова случилось чудо: первая повесть на телеутском языке — «Моя жизнь» (в оригинале «Жизнь Чевалкова» или «Житие Чевалкова»). В ней излагалось не житие какого-либо страстотерпца или пророка, а жизнь до сих пор обычно повествовали церковные книги, переводимые миссией. В ней описывалась жизнь обыкновенного сорокалетнего «иногородца», который «выси небеса не узнал, шири земной не измерил». Когда в 1866 году Радлов издавал в Петербурге первый том своих «Образцов народной литературы тюркских племен», он поместил туда и материалы, собранные или написанные Чевалковым, не премув упомянуть в предисловии: «Доставлением текстов пословиц, биографии Чевалкова, некоторых из легенд, переводов русского басен и части песен импровизированных обязан я Чевалкову».

«Моя жизнь» с приложенными к ней баснями, неоднократно издавалась в Горном Алтае. Эту книгу и поныне читают с упоением его коренное население. К сожалению, до сих пор нет ее русского перевода.

В 1869 году Казанский университет выпустил знаменитую «Грамматику алтайского языка». Таким образом, в основе литературного алтайского языка был основательно положен телеутский диалект, в котором преподавал и писал М. В. Чевалков. Эта диалектная база обслуживала алтайский язык до 1922 года.

А впереди были еще 30 лет жизни. Чевалков с достоинством прожил эти годы: он не только распространял православие в южных уездах Томской губернии, но также придумал плуг для вспахивания горных склонов (земли в долинах захватили богачи), построил водяную мельницу, в совершенстве познал плотничье, кузнечное и кожевенное ремесла, занимался торговлей (одним толмачеством прожить было трудно), бесплатно привозил беднякам оспу, обучал грамоте, помогал бороться с предрассудками.

Прославился и его младший брат Андриян, также миссионер. Он занимался врачеванием, освоил, подобно брату, много ремесел, увлекался музыкой. Но талант таких людей не мог найти должного применения. Тогдашний глава Алтайской миссии Макарий Невский, позднее прославившийся черносотенными погромами в Томске, пекся больше о прирастании числа обращенных в православие, чем приобщением «инородцев» к культуре или получением ими светского образования. Не зря Н. М. Ядринцев с глубокой горечью писал в конце прошлого века: «Из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые.» Деятельность миссии не способствовала рождению сибирских Ломоносовых...

Всю свою жизнь, памятуя о родине своих предков, М. В. Чевалков называл себя «пайатом», то есть бачатским телеутом, и посвятил себя просвещению «белых телеутов» — народа, черного плотью, носящего кожаные ремни и платящего «черный ясак», а также алтайцев и шорцев.

Михаил Васильевич Чевалков скончался 23 августа 1901 года в селе Онгудай (Горный Алтай) и был погребен благодарными прихожанами во дворе местной церкви.

Но свет его просветительства не угас. Развитие заложенных им основ литературного языка продолжили первые алтайские советские писатели А. Чевалков, М. В. Мундус-Эдоков и П. А. Чагат-Стро-

ев. Ныне же имена горно-алтайских литераторов известны и за рубежом.

К своей статье я прилагаю два отрывка из «Моей жизни». В первом излагается краткая история телеутов в том виде, как ее рассказывали писателю старики-соплеменники. В этом сказании число подданных хана Тёрбёт-Ойрота сильно преувеличено, это обычная фольклорная гипербола, известная и русским летописям. Второй отрывок посвящен миссионерской деятельности просветителя на юге нынешнего Кузбасса. Читатель заметит, что «русская вера» превосходно уживалась с шаманизмом. Из записок других миссионеров известно, что аборигены южных уездов Томской губернии при этом просто-душно говаривали: «Русский бог — высоко, а Ульгень (бог подземного царства — А. Ш.) и Эрлик (бог небес — А. Ш.) — близко, а шаманы — слуги Эрлика.» Кроме того, коренным жителям был совершенно непонятен суровый триединный христианский бог, и они отдавали предпочтение более человечному и душевному св. Николаю, а св. Илью связывали со своим богом Эрликом. При этом св. Николай стал как бы покровителем и домашним богом охотников: перед выходом на промысел иконе этого святого приносили символические жертвы, при удачной охоте икону благодарили, а при неудаче — наказывали, переворачивая образ вниз головой, или даже выбрасывая его во двор. Если священник обнаруживал такое святотатство, то «инородческая» семья necessarily штрафовалась.

ОТРЫВКИ ИЗ «МОЕЙ ЖИЗНИ» М. В. ЧЕВАЛКОВА

I

...Итак, я хочу рассказать тебе (В. В. Радлову — А. Ш.) о том, что я слышал от стариков о своих предках. Когда дав-

ным-давно 60 туменов (тумен — 10000 воинов — А. Ш.) жили в тиши и спокойствии среди Золотой Орды, владыкой четырех племен был хан Тёрбёт-Ойрот. Но эти четыре племени распались, и хан бе-

жал в Джунгарию. Сыновья же хана—султаны и сыновья баев—мурзы стали враждовать между собой и рассеялись по всему свету—одни ушли на северо-восток, другие—на запад, а третьи—на юг. Остальные телеуты разбили свои юрты в верховьях Оби—на равнинах Иртыша. Но и там они нападали друг на друга, и когда телеутов осталось мало, на них пошли войною монголы и киргизы. Из-за этого два телеутских князя, Мамыг и Балык, увели свой народ к Кузнецку и поклялись добровольно платить дань Белому Царю. Так вот, моего предка, прикочевавшего в то время вместе со всеми, звали Чебелёк. Затем телеуты переселились на Бачат... Место рождения моего отца—Бачат. Отсюда мой отец на 8 году своей жизни перебрался в Карасук, что расположен примерно в 30 верстах от Бийска. Там я и родился.

II

...Однажды послал меня отец Стефаний вместе с отцом Арсентием (миссионеры из Улалы—А. III.) в Кузнецк к телеутам и шорцам. На пятые сутки мы добрались до шорского аула, лежавшего выше Кузнецка. Я заметил, что тамошние шорцы живут по-русски: дома и одежда у них были русские, только женщины одевались по-своему. В избах я видел иконы, но в некоторых семьях были и шаманские бубны. Увидев бубны, я спросил:

— Разве вы не крещеные?

— Нет, крещеные, но зачем изгонять шаманов и запрещать им камлать?

— А вы разве не молитесь русскому богу?

— Конечно, молимся!

— А как зовут русского бога?

— Микола-батюшка и Илья-пророк.

— Единственный бог,—сказал я,—Иисус Христос, а других богов нет! Николай не бог, и Илья-пророк не бог. Они были людьми, угодными богу, и сейчас живут в божьей светлой и счастливой стране.

Если кто-нибудь попросит их о помощи, то они помогут.

— Мы, однако, слышали, что настоящий бог—Иисус Христос, но мы его мало почитаем.

Я долго рассказывал им о святой вере в бога; они слушали меня молча и не споря. Я вновь спросил их:

— А вы все крещеные?

— Да, все крещеные.

— А вас священник обучает слову божьему?

— Обучает.

— А чему он вас учит?

— Он учит нас кланяться богу.

— И только этому?

— А чему еще учить надо? Ведь мы совсем не знаем русского языка. А некоторые женщины и дети совсем не понимают по-русски.

В тот день мы заночевали в этой деревне, а наутро поехали верхом вверх по Мрассу... Когда мы приехали в Мыски, я стал расспрашивать шорцев, живущих там:

— Вы крещеные или нет?

— Мы все крещеные,—отвечали мне.

— Вы знаете, как зовут бога?

— Конечно, знаем.

— А как зовут бога?

— Иисус Христос,—отвечали одни, другие говорили:—Микола.

Тогда я рассказал им о Христе и св. Николае, и мы отправились дальше, вверх по Мрассу, в другую деревню, название которой я забыл.

Селение с двух сторон окружала густая тайга. В этом ауле жил мастеровой, который отвозил на лошадях почту на рубо-ник. Когда мы остановились у него, нам пришли двое мужчин. Я спросил их:

— А что, у вас негде пахать? Чем кормитесь?

— Летом мы рыбачим,—отвечали те, и отвозим рыбу в Кузнецк на продажу. На вырученные деньги мы покупаем хлеб и живем. Некоторые из нас бортичат в тайге и меняют мед на хлеб.

Поговорив так со мной, они отпра-

лись по домам. Отец Арсентий сказал мне:

— Обойди деревню! Если найдешь некрещеных, уговори их принять крещение, а как это сделать — сам знаешь.

Я пошел по домам, был в пяти-шести избах: в одних семьях были только образа, а в других — еще и бубны. Увидев бубны, я спросил:

— Ведь у вас висят иконы! Зачем еще держите бубны?

— Мы ведь не русские, у которых нет шаманов. Если сильно заболеешь, а шаманы не будут камлать, то каково придется?

Я сообщил им десять заповедей господних и кое-что о святой вере и вышел на улицу. Там четверо пилили доски. Я уселся рядом с ними. Они подсади ко мне и стали расспрашивать, откуда я родом. Когда мы так беседовали, вокруг нас собралось человек двадцать. Я спросил их:

— Вы крещенные?

— Мы все крещенные.

— А вы знаете, как зовут бога?

— Конечно, знаем.

— А как зовут бога, которому вы молитесь?

— Мы молимся Миколу-батюшке и Ильи-пророку.

— А Иисусу Христу разве не молитесь?

— Мы, конечно, слышали, что бога зовут Иисусом Христом, но мы его плохо знаем.

— А к вам приезжает священник?

— Приезжает, но надолго не задерживается и, собрав ясака, уезжает домой.

— А разве он не обучает вас слову божьему?

— Как же, обучает, но мы плохо понимаем по-русски.

Тогда я рассказал им все, начиная с Адама и рождения Христова и кончая Вторым Пришествием. Мне сказали:

— наших отцов насильно крестил один священник, с солдатами, но потом они уехали. Мы дети крещенных, но сами мало

чего знаем и темпы. Кто бы обучил нас слову божьему, у кого будем креститься? Поэтому-то нам камлают шаманы.

— Не верьте словам шаманов! — отвечал я. — Их слова — ложь! Они сами не верят в истинного бога! Они верят в черта и поклоняются ему!

— Но мы издавна почитаем землю, воды и небо. Как же нам не приносить им дары и не бояться шаманов?

Я рассказал им о вере в истинного бога, как бог лечил страждущих и воскрешал мертвых, и мы поплыли вниз по Мрассу. Там мы увидели человек тридцать рыбаков. Первым неводом они вытянули на берег окуней, чебаков, щук и восемь тайменей. Других рыб я не разглядел.

В тот же день мы вновь отправились вниз по Мрассу и остановились в улусе, что был выше Кузнецка. Там нам запрягли в телегу лошадей, и мы поехали в Кузнецк. В нем мы переночевали, а наутро были у телеутов, живших по Бачату.

Среди них были люди, родившиеся от крещенных... Мы их не знали, но их знал один мужчина, нареченный еще отцом Стефанием Александром и живший в деревне Улус. Он рассказал нам следующее:

— Среди местных телеутов есть родившиеся от крещенных. У некоторых из них уже есть дети, которые, однако, женаты на некрещенных.

— Если ваших родителей крестили, то почему остальные некрещенные?

— Когда к нам раньше приезжал священник, чтобы крестить детей, то он почему-то их забыл окрестить. А если кого и окрестил, то не обучил слову божьему. А поскольку они не знали слова божьего, то не стали крестить своих детей...

Тогда я преподал им слово божие. На третий день все приняли крещение. Всего в деревне было 32 человека, но крестился только 31, а один сбежал. Прожив здесь некоторое время и обучив их слову божьему, мы вернулись на родину...

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОРНОЙ ШОРИИ

Двадцатипятилетний учитель Василий Вербицкий отправился в 1853 году с Волги в Сибирь, отнюдь не с научными целями. Былший выпускник Нижегородской семинарии был определен в Алтайскую миссию священником Кузнецкого отделения. С походной церковью он прибыл сначала в улус Калтанский, а затем в 1857 году обосновался в улусе Кузедеевском. Сфера деятельности этого отделения охватывала территорию Кузнецкого уезда, равнину Бельгия и Швейцарии вместе взятых.

Имея такую обширную вотчину, миссионер, конечно, не мог долго сидеть на месте. Десятки маршрутов проложил Василий Иванович за 37 лет, он преодолел 36 тысяч километров по таежным урманам. Все свое свободное время Вербицкий отдавал наблюдению за природой, изучал быт местного населения, записывал легенды шорцев, алтайцев, исследовал их обряды. Путевые заметки, воспоминания этого исследователя рассказывают о горно-шорской тайге, о быстрых реках, о встречах с коренными жителями края, их обычаях.

Вот какими были, по его описаниям, места, где ныне раскинулся город Ташта-гол. Проехав Азра-даш (раздвоенный лагерь) и подкрепившись на берегу Ковдомы уходом на хариусов, предложенных нам гостеприимным есаулом, мы достигли реки Таш-у, взяли вправо до дороги, ведущей на Александровский прииск. День был жаркий, стрелы так накалялись, что едва можно было держать в них ногу, и мы спешко ны кренились, а поворачивая себе назад в реку Шилелы (соседей), хотя знали, что стоит один только шаг назад на ходу, тогда каждый рукой уже будет позывать к себе для утоления жажды. Чтобы не слезать с коней, мы запаслись трехаршинными дудка-

ми из одного безколенного растения, подобного дягилю, и посре-
вом этих дудок из каждого ручья та-
воду.

Повыше впадения р. Кузулук в реку Кондомую, то водою, то берегом, сто встречая преграды из нанесенных сеницею водою лесия, там и здесь тощих над рекою и заставлявших нас зать с коней и вязнуть в илу. После хода через р. Тугум дорога пошла нее, только была опасность измочиться р. Камнаги (камнаги — выдра), которую мы перебродили в трех верстах дну раз. Вероятно, здесь водились прежде ры, ибо река многоводна и с мягким дном.

Путешествия по дебрям Горной Шории были нелегкими. Однако путь с многими слепыми бродами через порожистые реки, почовками в тайге не пугал мужественного исследователя. Из года в год должен был он накапливать материалы этнографии шорского народа. Многие легенды, записанные В. И. Вербицким, почти с исторической достоверностью проливают свет на происхождение названий отдельных мест родного края. Таково, например, предание о происхождении названия села Кузедеево и горы неподалеку от него: «Ог-Аттыг таи (Стрельный мост) находится на правом берегу р. Кондомы, в 55 верстах от города Кузнецка. Назван во времена отдаленные, когда в Алтае жила беспокойная Чудь и делала набеги на острог Кузнецкий. Во время первого нападения своего Чудь, дошедшая до юрты татарина Кузедем (отсюда уличен Кузедеевский), в 60 верстах от г. Кузнецка, на левом берегу р. Кондомы, кочевавшими со своими стадами в 7 верстах от острожечной отвесной скалы, привлекла его быть вожатым до острога Кузнецкого».

Кузедов уступил силе и против же-...

ния своего повел многочисленную Чудь.

Поравнявшись со скалами, он похвалился перед Чудью своею ловкостью стрелять из лука: пущенная им стрела воткнулась в самую вершину скалы, отчего последняя и наименована Стрельным камнем (по-шорски Ог-Аттыг таш). На этом камне произрастают, между прочим, ревень, болдырьян, каменный зверобой, казакский можжевельник и особый вид лилии, красивый и более в Алтае мне нигде не встречавшийся. За этим утесом и до сих пор видна глубоко выбитая конскими копытами тропа: это по преданию путь Чуди».

В. И. Вербицкий на протяжении нескольких десятков лет вел фенологические наблюдения, отчеты о которых регулярно публиковал в «Томских губернских ведомостях». Много внимания он уделял хозяйственному развитию края. Путешествуя в 1865 году по долинам Кондомы и Антропа, он сделал вывод: «Местность благоприятствует пчеловодству. Гари, покрытые кустарниками: таволгой, акацией, малиной и сочными, в рост человека травами, преимущественно кипреем, — дают много белого ароматного меда».

Однако самый большой вклад, который внес В. И. Вербицкий в изучение нашего края, — это ряд его трудов по этнографии, по изучению местных наречий тюркского языка, мифологии и опромная просветительная деятельность. Результатом его многолетних исследований явились работы: «Краткая грамматика алтайского и аладагского наречий тюркского языка», «Кочевья инородцев Кузнецкого округа», «Алтайские инородцы» и другие. Кроме того, неутомимым исследователем написан ряд статей об образе жизни шорцев и телеутов.

Заслуги Василия Ивановича Вербицкого в изучении отсталого в прошлом края — природы Горной Шории, быта шорского и алтайского народов — нашли признание в ученом мире. Он был избран действительным членом Русского Общества акклиматизации животных и растений, членом-сотрудником Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества.

Умер В. И. Вербицкий в 1890 году в поселке Улала (ныне город Горно-Алтайск).

Валерий Кимеев

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ ШОРЦЕВ

Впервые вопрос о выделении кузнецких татар-шорцев в самостоятельную национальную единицу был поднят в 1924 году, когда по инициативе Сибревкома в селе Кузедеево был проведен «Татаро-Шорцевский горно-районный съезд». До этого, по многим проектам, выдвигавшимся с 1917 года областниками, а затем и лидерами алтайской национальной интеллигенции различные группы кузнецких татар-шорцев должны были быть включены в общей массе «инородческого» населения в Ойрот-Хакаскую республику, а затем по другому варианту в республику Ойрот.

Еще на съезде уполномоченных айлов в июле 1917 года был создан Кузнецкий отдел Алтайской Горной Думы — первый национально-государственный орган шорцев, возглавляемый одним из представителей национальной интеллигенции — Сарысеп Конзычаковым. В четырех «национально-обособленных» волостях — Мрасской, Кондомской, Верхнекондомской и Томской — вводились: самообложение на нужды самоуправления и запрет на заселение волостей русскими крестьянами.

Однако фактически только после восстановления Советской власти на юге Сибири появились реальные условия для

национального самоопределения шорцев. Весной 1920 года создается при Сибревкоме отдел по делам национальностей, а 22 ноября 1920 года соответственно Томский губернский подотдел. В его составе 18 января 1921 года образуется Кузнецкий уездный подотдел с секцией «татар-шорцев» во главе с Побызиковым (ГАТО, р. 317, оп. 1, д. 16, № 1).

В августе-октябре 1921 года по решению Нацотдела Сибревкома на юг Томской губернии была отправлена специальная экономическая экспедиция для обследования жизни шорцев. По ее рекомендациям было решено возвратить всем шорцам-охотникам их промысловые ружья, изъятые под предлогом военного положения в 1920 году. Открылись Мрасская и Кондомская фабрики, началось регулярное снабжение боеприпасами, заводскими ружьями, продуктами и промышленными товарами более 2,5 тысяч шорских охотничьих хозяйств. Отменены были все долги скупщикам, национализированы промысловые угодья. Стали пропагандироваться передовые методы ведения хозяйства, создаваться первые промысловые и лесосплавные артели.

Уже в июле 1921 года Сибнацотдел созвал в Томске совещание коренного населения Горно-Алтайского, Бийского и Ачинского уездов, которое высказалось за создание республики Ойрот. Вопрос объединения Горно-Алтайского, Бийского, Кузнецкого, Минусинского и Ачинского уездов в единую Ойротскую автономную республику, затем неоднократно обсуждался в Наркомнаце (дело дошло до создания специальной комиссии), Сиббюро ЦК РКП(б) и ЦК РКП(б). В конечном итоге Оргбюро ЦК РКП(б), обсудив заключение Сиббюро ЦК РКП(б) и предложения комиссии Наркомнаца, отвергло проект создания Ойротской автономной республики, куда планировалось включить и шорцев.

При экономическом районировании юга Томской губернии в 1923—1924 годах учитывались организационные формы хозяй-

ства и экономические связи, этническая и социальная однородность коренного населения. В результате районирования образован новый Кондомский район из 8 сельсоветов, объединивших Кондомскую, Верхнекондомскую и Кузнецкую волости, где преобладало шорское население (6 тыс. из 7,7 тыс., 77%). Три другие волости: Кузнецкая, Кузедеевская сведены в Кузнецкий район. Оба района вошли в Кузнецкий округ. По постановлению Президиума Томского губисполкома от 1924 года, в селе Кузедеево 5-го октября этого года состоялся «Татаро-Шорский горно-районный» съезд Кузнецкого уезда с представительством учителей, волостных исполкомов и только что созданных сельсоветов. На съезде принято решение организовать «Татаро-Шорцевский горный район» с правами и привилегиями округа. В районе должны были войти Кондомский район полностью, Томская и Кузедеевская волости Кузнецкого района. Было решено также организовать три волостных подрайисполкома: в Осини, Кондоме, Верх-Кондоме с правами волостных РИКов.

25 августа 1925 года Сибревком, на руках материалы Татаро-Шорского съезда, принял решение ускорить образование в южной части Томской губернии национального района и избрать для этой цели Ревком в составе 3 человек: председателя Ф. К. Тельгерекова, членов Л. А. Иванова, Ф. Н. Токмакова. Под их руководством с 1—8 октября 1925 года в улусе Мыски прошел Первичный съезд Советов Горной Шории. На нем избран Горно-Шорцевский райисполком (председатель Ф. К. Тельгереков, секретарь Н. П. Кадымаев) и выработаны программа национального строительства, программа социалистического переустройства социально-экономической и культурной жизни района.

Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета «Об образовании в составе

нецкого округа Сибкрая национального Горно-Шорского района» от 12 апреля 1926 года законодательно было закреплено и национальное самоопределение шорского народа (Собрание Указаний Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1926, № 23, ст. 179, отд. 1). Не будет лишним полностью привести этот редкий, впервые публикуемый в открытой печати документ. Тем более что в газетных статьях не раз публиковался весьма сомнительный документ «Постановление ВЦИК» от 1924 года (Тельгереков, 1972). По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни подлинный текст, ни даже намеков на него в Сборнике Указов ВЦИК за 1925 год.

Президиум ВЦИК постановил:

1. Организовать в составе Кузнецкого округа Сибкрая национальный Татаро-Шорцевский район с центром в улусе Томазак (Мыски), присвоив этому району наименование «Горно-Шорцевский».

2. В состав Горно-Шорцевского района включить Кондомский район полностью и юго-восточную часть Кузнецкого района.

3. Суронаш-Байгольский сельсовет Горно-Шорского района перечислить в состав Ойротской автономной области.

4. Границу Горно-Шорцевского района провести нижеследующим образом: от существующей границы между Ойротской областью и Кузнецким округом по реке Чумыш, реке Учуглену, затем в северо-восточном направлении района. Дойдя до меридиана, который определяет положение улуса Часовниковского, граница направляется на юго-восток, обходя территорию сельсовета Калтанского, остающегося в составе Кузнецкого района, дальше идет к улусу Проточному, который передается в состав Горно-Шорского района. От улуса Проточного граница в северном направлении выходит на реку Томь, между селениями Боровка и Безруковское. Далее граница направляется по течению реки Томь до улуса Абашевского, обходя который, идет по водоразделам рек: Абашева и Верх--Терсь с их притоками с одной

стороны и руслу Белой Усы с их притоками с другой, выйдя таким образом на границу Кузнецкого округа верстах в двух от горы Средний Каным. Восточной границей Горно-Шорцевского района является граница самого Кузнецкого округа.

Председатель ВЦИК М. Калинин, секретарь А. Киселев. (Сб. Указов ВЦИК — 1926 г. от 30.04.26; § 23, ст. 179, отд. 1)».

Общая площадь образованного района составила 30 тыс. кв. км, численность входящего в него населения — 23 тыс. чел., из них 16 тыс. шорцев, 5 тыс. русских, 2 тыс. мордвы. (ГАКО, ф. 22, оп. 1, д. 13, № 342). По своей сути этот национальный район был одной из первичных форм советской национальной государственности малых народностей РСФСР, имеющих свою единую этническую территорию, компактность в расселении, экономическую целостность хозяйства и формирующийся единый шорский язык.

5 ноября 1925 года проведена первая партийная конференция Горно-Шорцевского района, а 14 мая 1926 года в улусе Мыски — вторая, на которой и был образован Горно-Шорцевский РК ВКП(б). Под непосредственным руководством райкома партии было создано 13 ячеек ВЛКСМ, 5 пионерских и 2 профсоюзных организации. В 1927 году председателем райисполкома становится Ф. Н. Токмашев, создается народный суд под председательством А. Кусургашева и секретаря Н. А. Топалова. Руководство текущей работой по координации деятельности всех подведомственных исполкому предприятий осуществлял избранный исполкомом из своего состава Президиум.

В 1928 году Постановлением Кузнецкого окрисполкома от 26 октября 1928 года было решено организовать в Горно-Шорском районе два «аймачных» исполнительных комитета: Усть-Кабырзинский — из 7 сельсоветов с населением 4726 человек и Кондомский — из 7 сельсоветов с населением 5630 человек, с правами волостных исполкомов и с непосредственным

подчинением их Горно-Шорскому горисполкому. В 1939 году планировалась передача Кузнецкому району территории Горно-Шорского района от улуса Мыски до села Кузедеево с 12 сельсоветами, где преобладало русское население. По другому варианту, принятому Третьим Пленумом Горно-Шорского райисполкома в 1929 году предполагалось разделить Горно-Шорский район на два района: собственно Горно-Шорский из 16, в основном шорских, сельсоветов с центром в Мысках и Тельбесский — из 14 сельсоветов с центром в селе Кузедеево. В среде алтайской и хакасской интеллигенции продолжал дискутироваться вопрос о присоединении Шории к Ойротии или к Хакасии. Поступали подобные предложения, имевшие цель укрепить национальную государственность шорцев, и в Сибкрайисполком, однако поддержки не получили. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 7, л. 249).

В закреплении за национальным районом названия — Шорский, а за коренным тюркоязычным населением — шорцы, важную роль сыграла Комиссия по изучению племенного состава народов СССР, Сибирский отдел которого возглавлял этнограф Штернберг, ученик академика В. Радлова. Именно академик В. Радлов в 1865 году впервые предложил назвать мрасских и кондомских татар — шорцами, по названию одного из их родов — Шор.

В истории Горно-Шорского национального района можно выделить два периода социалистических преобразований:

1. (1925—1929 гг.) — внедрение кооперативных форм потребления и сбыта и начало культурной революции.

2. (1930—1938 гг.) — коллективизация хозяйства, интенсивное промышленное освоение лесных и горно-рудных богатств, сложение основных форм общешорской национальной культуры.

В первый период руководство Горно-Шорского района прилагало огромные усилия для поднятия социально-экономического и культурного уровня населения. В первую очередь была налажена работа

33 сельсоветов, с которыми устанавливалась постоянная радиосвязь. Стали возмещаться в родные улусы учителя, в результате чего количество школ за 10 лет увеличилось почти втрое. Началась подготовка к созданию шорской письменности и национальной ратурного языка. Еще в 1924 году Колхозаидиумом Томского облисполкома принята постановление о создании перешорского букваря. Он был составлен шорским учителем Я. К. Тельгерековым и опубликован в 1927 году. Создавались читальни, ликбезы, клубы. Были открыты фельдшерские пункты в Усть-Кабы (1927), Челиссу-Аназасе (1929), Мыске (1929), Усть-Аназасе (1933). Большую роль в подъеме культурно-просветительской работы оказали шорцы-рабфаковцы.

Заметную помощь неокрепшему району оказал созданный при Кузнецком полконе Совет национальных меньшинств. На их первом совещании в г. Щегловске 25 сентября 1927 года среди прочих присутствовало 8 делегатов от Горно-Шорского района. Большое внимание на совещании уделялось подготовке национальных кадров, для чего планировалось открытие краевого педтехникума для обучения шорцев, хакасов, ойрот-алтайцев.

За артелями, объединенными в кооперативный союз, были закреплены охотничьи угодья. Однако из-за резкого их сокращения в связи с расширением лесозаготовок и уменьшением промыслового зверя более интенсивно стали развиваться скотоводство, земледелие. Часть населения была занята сплавом леса, извозом добычей золота. Сохранялись и традиционные промыслы — сбор кедрового ореха, урожайные годы, заготовка хмеля и др. дана. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 296).

Второй период существования Горно-Шорского района начался с коллективизации. К 1931 году было кооперировано более 75,5% хозяйств, при этом оставшиеся 25% так называемые «кулацкие» хозяйства разграблены, а сами хозяева выславлены. К 1936 году число колхозов по району достигло 220. Причем с самого начала

создавались не по национальному, а по территориальному принципу. В одно хозяйство входили представители всех национальностей, проживающих в данном населенном пункте. Наибольшее развитие в колхозах лесостепных районов получила новая отрасль хозяйства — полеводство. Посевные площади увеличились с момента образования колхозов в несколько раз и составили к 1938 году — 4774 га. Только в северной, лесостепной части района обработка пашни производилась тракторами, применялись жатки, молотилки.

В южной горно-таежной части района техническая оснащенность полеводства оставалась на низком уровне. Урожайность из-за условий местности, истощения земли без чистых паров и удобрений была незначительна. С момента своего образования и до ликвидации большинства колхозов Горной Шории были нерентабельными. Основное развитие в этих местах получили более прибыльное животноводство и пчеловодство. В урожайные годы из числа колхозников создавались специальные бригады по сбору кедрового ореха. Продолжал сохранять свое значение охотничий промысел, выполнявший теперь, главным образом, запросы импорта. Специальное единое охотхозяйство распределяло охотничьи угодья между 56 шорскими промысловыми бригадами, объединявшими 840 колхозников. Для снабжения охотников были открыты 27 пунктов Сибпушнина. Стали появляться первые заповедники площадью 4000 га, на некоторых ценных пушных зверей был запрещен промысел. 50 процентов заготовленной пушнины приходилось на шкурки крота и бурундука. (Дыренкова Н. П. Архив Ленчасти Ин-та этнографии АН СССР, ф. 3, оп. 2, д. 2, с. 146).

Самая значительная роль Горно-Шорского района — в культурном развитии населения. Это особо подчеркивалось на юбилейных торжествах 17—19 июля 1936 года по случаю 10-летия района. Количество школ выросло к 1936 году до 109 начальных (из них 33 национальных),

14 средних (из них 2 национальных). В 1932 году в с. Кузедеево был открыт подтехникум на 300 мест, 70 из них стабильно занимали шорцы. Во всех крупных улусах появились избы-читальни, клубы, в которых работало более 100 шорцев, открыты 9 больниц и 18 фельдшерских пунктов. К 1939 году в целом по району функционировало уже 209 школ, из которых 41 была национальная. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 78, л. 12).

Постепенно создавалась своя национальная интеллигенция — учителя, врачи, писатели, ученые, работники советских и партийных органов, журналисты. А. Е. Кушаков из улуса Усть-Кабырзинского сельсовета, будучи секретарем Горно-Шорского РК ВКП(б), в 1939 году избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. На шорском языке стала выходить газета «Кызыл Шор» тиражом 4 тыс. экземпляров, кроме того, выходили еще две газеты на русском — «Красная Шория» и «Колхозная правда». Появились в печати оригинальные переводы русской классики, повести, сборник шорских народных песен, новые издания учебников шорского языка. Частью общешорской культуры становятся шорский героический эпос, обычными становятся слеты сказителей. В этот период окончательно сложилось общешорское национальное самосознание и закрепилось их общее самоназвание — шорцы.

К середине 30-х годов из-за промышленного освоения края все активнее стали протекать процессы этнической ассимиляции шорцев. Численность их значительно уменьшилась относительно всего населения района. Если к началу 30-х годов в планируемом Тельбесском районе шорцев было 5,5 тыс. человек из 26 тыс. человек (21%) общего числа населения, в Горно-Шорском соответственно 9 тыс. чел. из 13 тыс. (70%), то к 1949 году в целом по всему национальному району шорцев оставалось немногим более 10%. Большой урон в эти годы понесла сложившаяся шорская национальная интеллигенция в

результате необоснованных репрессий 1936—1937 годов. По обвинению в контрреволюционном националистическом заговоре были уничтожены почти все их наиболее видные представители. Эти обстоятельства, а также необходимость изменения административных границ в связи с промышленным освоением и нарушением экономической целостности района послужили причиной реорганизации национального района в три чисто административных (Кузедеевский, Мысковский, Таштагольский) решением Новосибирского облисполкома от 29 сентября 1938 года. Это было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1939 года (Административно-территориальное деление Сибири. Новосиб. 1966, с. 92).

После ликвидации национального района этническое развитие их стало замедляться и принимать новые формы. Без поддержки со стороны в форме национальной государственности, эта еще неокрепшая малая народность самостоятельно развиваться не могла.

Во время Великой Отечественной войны уцелевшие после репрессий шорские учителя и другие представители интеллигенции большей частью погибли на фронте, что явилось невосполнимой утратой для этой маленькой народности. В послевоенный период главной задачей Горной Шории было развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития сельских районов Горной Шории отошли на второй план.

Постановлением Совмина РСФСР от 8.06.1960 года и решением Кемеровского облисполкома от 20 июня 1960 года «О ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» окончательно были уничтожены все организационные формы хозяйства в сельских районах Горной Шории. Причем в южных районах взамен ничего другого не было предусмотрено и создано, что резко осложнило социально-экономическую ситуацию, особенно в Таштагольском районе.

В результате необоснованных хищнических вырубок леса резко сократилось количество кедровников и промысловых пород. На год по Горной Шории установлен фантастический план заготовки древесины — до 1,4 млн. куб. м. К настоящему времени вырублено подчистую 3 тыс. кв. км лесных угодий. Полностью уничтожены леса Амзасского, Чугуйского, Алтамашского, Шалымского лесничества, оголены берега рек Мунжа, ратнабань, Калтарак, Сагала, Шерек и др. Осталась только 60 штатных охотников (для охотничества в 1920 г. — 2,5 тыс.).

В последние два года Таштагольский горисполком наметил и осуществляет мероприятия по улучшению сложившейся ситуации. 21.05.86 года горисполком работал и утвердил «Комплексную программу развития сельских Советов родных депутатов». Развитие экономики сельских районов осуществляется посредством создания кооперативов, поощрения индивидуальной трудовой деятельности, расширением традиционных для данной местности народных промыслов.

11.02.88 года было принято решение облисполкома «О мерах по улучшению социально-экономического развития Таштагольского района». Намечено строительство автомобильных дорог до п. Белка чепос. Ключевой, дороги до пос. Кабырза подсобного хозяйства Шерегешского рудоправления в устье реки Малая Суе. Одновременно силами мехлесхоза и Шерегешского рудоуправления строя подсобные хозяйства на 50 лошадей, пчелосемей, столовая на 25 мест.

Очень перспективным станет предложение Горной Шории в туристическом центре, для чего достаточно будет открыть 5—7 конно-водных маршрутов, построенных на реке Мрассу у пос. Кабырза, Усть-Засс, Малая Суега туристские кемпинги в пос. Шерегеш комфортабельную турбазу для горнолыжников и туристов.

В области образования с осени 1988 года намечено открытие при средних и

лах кружков по изучению шорского языка, издание учебников, подготовка преподавателей-шорцев в Новокузнецком пединституте. Главную роль в возрождении национальной культуры играет Талтагольский фольклорно-этнографический ансамбль «Чылтыс», созданный в 1985 году.

Национальной интеллигенцией неоднократно высказывались предложения о восстановлении Горно-Шорского национального района, так как без опоры на какую-либо форму государственности

проведение всех намеченных мероприятий по возрождению языка, культуры, социально-экономическому подъему края практически невозможно. Этот же вопрос поднимался на заседании специальной комиссии облисполкома по рассмотрению вопросов жителей области шорской национальности, на различных научно-практических конференциях.

Вероятно, в этом и есть залог успеха в возрождении этого удивительного по своей красоте и богатству края — Горной Шории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО — Государственный архив Томской области, р. 317, оп. 1, 8, 10, 16.
2. ГАКО — Государственный архив Кемеровской обл., ф. 22, оп. 1, д. 13, ф. 64, оп. 2, д. 7, с. 78, 296.
3. Архив ЛЧИЗ АН СССР — Архив Ленчасти Ин-та этнографии АН СССР, ф. 3, д. 2.
4. Административно-территориальное деление Сибири. Новосиb., 1966, с. 92.
5. Собрание узаконений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1926, № 2, ст. 179, отд. 1.

6. Тельгереков Ф. В. В братской семье народов. Красная Шория, 1972, 18 июля.
7. Кимеев В. М. Из истории национального строительства у шорцев. — В кн.: Молодые ученые Кузбасса — 60-летию образования СССР. Кемерово, 1982, с. 86—88.
8. Дергачев О. В., Кимеев В. М. Из истории социалистического строительства в Горной Шории. — В кн.: Молодые ученые Кузбасса — 60-летию образования СССР. Кемерово, 1982, с. 88—90.

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

Николай Козубовский

ПРОТИВ КОЛЧАКОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ

К ИСТОРИИ 5-й АРМИИ

На Восточном фронте сложная обстановка. Пала Казань. Врагу открылся путь на Москву. По указанию В. И. Ленина сюда было направлено до 80 отдельных красногвардейских отрядов, батальонов и других воинских частей. Они и составили основу 5-й армии.

В разное время ею командовали П. А. Славен, Ж. К. Блюмберг, М. Н. Тухачевский, Г. Х. Эйхе, М. С. Матиясевич. В ее рядах сражались будущие Маршалы Советского Союза В. К. Блюхер, Р. Я. Малиновский, И. С. Конев, Л. А. Говоров, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, Ф. И. Голиков, В. И. Чуйков, Ф. А. Астахов.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

13 августа 1919 года командующий войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе отдал приказ «...продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть Западной Сибирью». 5-я Красная Армия действовала в направлении главного удара.

Разбита Тобольско-Ишимская группировка врага. Дальнейшее организованное сопротивление колчаковцев сломлено. 14 ноября Омск стал советским. Боевые действия в Сибири вела одна 5-я армия, остальные четыре были спяты с Восточного фронта.

14 декабря 5-я армия вышла на Барнауль-Новониколаевск. Здесь она получила новую задачу — преследовать противника на широком фронте, выйти к рубеж Кузнецк—Тайга—Томск. Главным удар наносить вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. В последующем выйти на рубеж Минусинск—Канск—Новосибирск. Наступление вести по пяти направлениям. Операция получила название Красноярской.

На Южном направлении 26-я стрелковая дивизия (начдив Я. П. Гайлит) получила задачу наступать к Бийску и на Западный Алтай с целью отрезать колчаковским войскам путь отступления на юг, к границам Китая и Семиречья.

35-я стрелковая дивизия (начдив К. Н. Нейман) — наступать на Кузбасс, разбить 3-ю армию Колчака.

27-я стрелковая дивизия (начдив В. П. Путько) — наступать в полосе Сибири вдоль железнодорожной магистрали — уничтожать 1 и 2-ю армии белогвардейцев.

30-я стрелковая дивизия (начдив А. Л. Лапин) — 3-й бригадой усилить 27-ю дивизию, 2-й бригадой — действовать севернее железной дороги в направлении Тобольска.

51-я стрелковая дивизия (начдив В. К. Блюхер) — резерв армии, размещаться в Новониколаевске.

Возглавил боевые действия 26-летним командующий 5-й армией Г. Х. Эйхе.

Генрих Христофорович Эйхе (1893—1938) — штабс-капитан старой армии. Активный участник Октябрьской революции, большевик. Командир 1-го революционно-го полка в 1918 году. В гражданскую войну в 5-й армии возглавлял бригаду, начальник 26-й дивизии, с декабря 1919 года — командующий 5-й армией. После разгрома Колчака был назначен главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики. Награжден орденом Красного Знамени, именными золотыми часами. С 1922 года на советской работе, автор исторических трудов и монографий по гражданской войне.

В СТАНЕ ПРОТИВНИКА

Колчаковцев преследовали неудачи. Они потеряли управление войсками и тактически отступали в глубь Сибири. Армию лихорадило, началось ее разложение. Целыми подразделениями дезертировали солдаты, не повиновались командирам. Свирепствовал тиф — больных бросали на произвол судьбы. Тылы армии охватило народное восстание. Партизаны вели открытые боевые действия.

Однако Колчак располагал тремя армиями, несколькими дивизиями войск интервентов, десятком бронепоездов, полевой артиллерией. После потери Омска колчаковское командование предприняло еще одну попытку изменить ход событий. Новым главнокомандующим был назначен генерал Каппель. Он предлагал отвести войска в район Новониколаевск—Тайга—Томск, провести перегруппировку. Дать возможность 1-й армии генерала Пепеляева отойти в район Ачинска и создать второй эшелон. В первом эшелоне, действуя 2-й и 3-й армиями, нанести сокрушающий удар по наступающим частям Красной Армии, сбросить их с Транссибирской магистрали на юг, восстановить положение и вновь начать активные боевые действия против молодой республики Советов.

КРАСНЫЕ ПОЛКИ В КУЗБАССЕ

Начдив 35-й стрелковой дивизии К. А. Нейман получил задачу действовать южнее Транссибирской магистрали, разбить 3-ю армию колчаковского генерала Войцеховского в районе Кольчугино—Топки—Щегловск, не допустить отхода противника на Мариинск.

Константин Августович Нейман. Большевик, герой гражданской войны. После разгрома Колчака входил в командование Народной революционной армией Дальневосточной республики. Первый командир экспедиционного корпуса по разгрому белых банд барона Унгерна на территории Монголии. Дважды награждался орденом Красного Знамени.

12—14 декабря войска пересекли Обь и Барнаульскую ветку железной дороги. Полки держали невероятно высокий темп, преодолевая за сутки от 50 до 100 километров. Короткий ночной отдых и снова марш. Жители радушно встречали освободителей: согревали бойцов на остановках, кормили, на лошадях и повозках везли красную пехоту кратчайшими дорогами наперерез противнику. 17 декабря красные полки вступили в бой.

Колчаковские части 7, 11 и 16-й дивизий встретили в районе Белова, Гусельникова, станции Медведское. Отважно сражались с ними красногвардейцы 309-го стрелкового полка, стремительными ударами, неожиданными выходами в фланг и тыл они наносили удары. Колчаковцы отступили, оставляя обозы и артиллерию.

18 декабря, убедившись, что колчаковцы отступают к Мариинску, начдив Нейман приказал:

1-й бригаде (комбриг С. Д. Павлов) в составе трех стрелковых полков и трех батарей наступать через Тыхту, Топки, перейти Томь у Верхотомского — Подъяково и 23 декабря выйти на Мариинский тракт.

2-й бригаде (комбриг Н. И. Татаринцев) в составе 310, 311-го и Крепостного полков наступать через Тихово, Ципино,

Ягуново и 23 декабря овладеть Щегловском.

312-му полку (командир П. В. Болонкин) с двумя эскадронами наступать на Кузнецк.

20—21 декабря полки 35-й дивизии перешли реку Иню. Стояли ясные морозные дни. По дорогам в сторону Щегловска тянулись обозы колчаковцев. Для них оставался единственный путь спасения через тайгу на Мариинск.

23 декабря на подступах к Щегловску части Красной Армии вступили в бой. Наступлением руководил комбриг Н. И. Татаринцев.

Николай Иванович Татаринцев. Опытный большевик. На Восточном фронте с 1918 года. Военный комиссар 27-й дивизии. С отрядом красноармейцев был захвачен колчаковцами, бежал из-под расстрела.

310-й полк (командир Б. А. Гудко-Портненко) наступал в обход города с севера через Боровое, Крепостной полк (командир А. Я. Бук) наступал с юга через Кобелево, 311-й полк (командир П. Ф. Зелепугин) наступал со стороны Ягуново.

Петр Федорович Зелепугин. В прошлом учитель, прапорщик старой армии. В первую мировую войну командовал взводом, большевик. На восточном фронте с 1918 года. Возглавил полк с момента формирования в Туле. Награжден орденом Красного Знамени. Участвовал в разгроме семеновцев, банды Унгерна в Монголии, участник боев на КВЖД. Его мирная специальность — строитель. В годы Великой Отечественной войны заместитель командира дивизии. Погиб в августе 1942 года.

Противник огнем всех средств отражал атаки красноармейцев, еще не все обозы противника покинули город, и их сопротивление было ожесточенным. Лишь к вечеру красные полки подошли к городу. С утра 24 декабря бой разгорелся с новой силой. К полудню город был наш.

12 декабря Колчак вынужден был телеграфировать генералу Каппелю: «...Срочно ликвидируйте очаги партизанских вы-

ступлений в тылу армии». Но сделать либо колчаковцы были бессильны.

Был захвачен штаб колчаковской дивизии, свыше тысячи солдат и офицеров, 600 повозок, десятки орудий и пулеметов.

Бригада Татаринцева не задерживалась в Щегловске. Оставив передотряды политорганов, небольшой отряд красноармейцев для охраны и свою армию, полки продолжили преследование противника.

ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

1-я бригада 35-й дивизии 23 декабря перешла на восточный берег Томи и шла в Мариинскую тайгу. Боевыми действиями руководил 22-летний комсомолец С. Д. Павлов.

Сергей Дмитриевич Павлов. Прапорщик старой армии, активный участник январской революции, большевик с 1917 года. Агитатор с августа 1918 года на Восточном фронте. Комиссар 27-й дивизии, комбриг 35-й дивизии, после смерти Колчака — начальник стрелковой дивизии имени III Интернационала. Трижды ранен. Последнее ранение получил в Мариинской тайге. Контузен, награжден двумя орденами Красного Знамени.

Нелегко войскам было захватить восточный берег. Артиллерия противника открыла плотный огонь. Еще труднее оказалось овладеть трактом. Колчаковцы сжигали свои обозы, артиллерию, строили в каждой деревне оборонительные укрепления, охраняли мосты. Нужны были решительные меры. К вечеру 24 декабря под руководством полков второй бригады вели перегруппировку сил. Посоветовавшись, командиры приняли решение использовать добровольцев создать группы захвата на Мариинском тракте, ночью совершить переход врага и неожиданными ударами уничтожить обозы колчаковцев от главных и уничтожить. В ночь по глубокому снегу и чащобе красноармейцы выходили на ударные позиции. С утра разгорелись

Ожесточенное сопротивление оказали колчаковцы 311-му полку у деревни Латыши. Они развернули несколько оборонительных рубежей. Их пулеметный огонь не давал приблизиться. Такие же заслоны были у Кедровки. Двое суток длился бой. Усилиями нескольких полков противника удалось разбить.

Недобитые вражьи группировки после боев за Щегловск, оттесненные в район Щербак—Кобылино, перешли Томь и пробивались к Мариинску, по старому Казачьему (Осиновскому) тракту. Узнав об этом, командир 311-го полка организовал преследование. На переправе через речку Промышленновская красноармейцы перехватили и внезапным ударом разбили эти части. В плен был взят штаб колчаковского генерала Лебедева.

Так, обходя деревни с флангов, красные полки наносили внезапные удары, расчленили и уничтожали третью армию Колчака.

25 декабря первым преследовал колчаковцев 307-й полк. Командовал им Безродных. Трудным был бой у деревни Дмитриевка. Все подступы и мост к деревне прикрывали пулеметы. Взять деревню казалось делом безнадежным. В бою отличился командир пулеметной команды И. Я. Смирнов. Это огонь пулеметов его подразделения прикрывал действия командира первого батальона Я. И. Королева, когда он поднял своих бойцов в рукопашную схватку.

Иван Яковлевич Смирнов, 1895 года рождения, коммунист с 1925 года. В составе 35-й дивизии прошел путь от рядового до командира пулеметной команды. Награжден орденом Красного Знамени за героизм в бою за Петропавловск. Вел бои с отрядом Рогова и Новоселова в Кузбассе, бандой барона Унгерна в Монголии. Награжден монгольским орденом «Полярная Звезда», медалью за Халхин-Гол, активный участник Великой Отечественной войны.

Остатки белой армии отходили на Красноярский Яр. На каждом километре Мариин-

ского тракта красноармейцы и партизаны преследовали и добивали их. 3-я армия Колчака прекратила свое существование.

За массовый героизм приказом Реввоенсовета Республики 35-я дивизия была награждена почетным Красным знаменем. Ей присвоили наименование «Сибирская». Многие командиры и бойцы были удостоены наград Родины. Сотни бойцов отдали свои жизни в этих боях. Они шли под пулеметный огонь, поднимались в штыковые атаки. В память об их героизме стоят на земле Кузбассаobelisks. Народ говорит «Вечная память вам — герои революции».

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Главные сражения против первой армии генерала Пеняева и белополяков развернулись вдоль Транссибирской магистрали. Боевые действия вела 27-я стрелковая дивизия, усиленная бригадой 30-й дивизии. Возглавил наступление начдив В. К. Путьга.

Витовт Казимирович Путьга — прапорщик старой армии, член большевистской партии с 1917 года, человек высокой культуры, талантливый военачальник. На Восточном фронте с 1918 года. Назначался военкомом, командиром полка, бригады. Начдив 27-й дивизии. После гражданской войны — начальник и комиссар 2-й Московской пехотной школы. Военный атташе в Японии, Финляндии, Германии, Великобритании.

С утра 19 декабря части дивизии вышли к станции Поломное. Здесь они настигли три эшелона с белополяками, которые стремились выйти на станцию Тайга. Завязался бой. Атаки красноармейцев встречал плотный пулеметный огонь. Несмотря на большие потери, врага выбили. Целым взяли и мост через Томь. Открылся путь до станции Арлюк. К вечеру 20 декабря полки второй бригады захватили и эту станцию. Преследуя противника, красноармейцы использова-

ли все средства — на санях и на отбитых у врага паровозах от станции к станции, от разъезда к разъезду спешили красные части.

Новое яростное сопротивление наши войска встретили у станции Литвиново. Здесь первая бригада В. А. Степанова настигла пятую дивизию польских легионеров. Они встретили красноармейцев с подготовленных оборонительных позиций. Путь преграждали окопы и пулеметные точки, стрелков поддерживал огонь артиллерии и огонь пулеметов двух бронепоездов. Завязался упорный бой. На помощь подоспели полки 3-й дивизии. Ударами с флангов удалось прорваться к станции. В этом бою примеры героизма показывали командир Новиков, военком Волков. Они увлекали бойцов на новые и новые атаки. Несмотря на значительный перевес в силах, поляки отступили, оставив на поле боя сотни человек убитыми и ранеными. Красноармейцы отбили у белых бронепоезд и 18 орудий.

Справка. Важным пунктом для противника была станция Тайга. Она была переполнена эшелонами с награбленными ценностями, войсками. Оставалась единственная возможность отхода на восток. Но для этого нужно время. Такого времени у колчаковцев не было. Приближались красные полки.

В двух километрах западнее станции недобитые части белополяков организовали оборону. Бой начался в 10 часов утра 23 декабря. Несколько раз красные части шли в атаку. Все было безуспешно. Слишком сильным был огонь двух бронепоездов. Они постоянно перемещались, выезжали вперед, врезались в цепи наших полков. Кроме того, беляки установили десять пулеметных точек, подавляя все плотным огнем. Видя безуспешность атак, начдив Путьна приказал провести перегруппировку сил и наносить удары не только с запада, но и в обход противника с юго-запада.

Активно действовали бойцы. Заняли по-

вые позиции артиллеристы. Командир артиллерийского дивизиона Н. И. В. удачно и быстро развернул орудия в новом месте. С новых позиций артиллерия подавила огонь противника, и вновь ринулась в атаку. Удар, нанесенный с двух сторон, был успешным. В бою отважно действовал командир роты Оршанского полка М. Я. Саначин. Рота незаметно зашла в тыл противника. Неожиданно они ворвались на станцию. Бойцам удалось взорвать бронепоезд. Героизм в бою Саначин был награжден орденом Красного Знамени.

Большую помощь красноармейцам дали и железнодорожники станции. Доточившись в железнодорожном складе, мастерских, они вели огонь противнику с тыла.

Участник этих боев маршал Р. Л. Калинин, служивший тогда пулеметчиком, вспоминал: «Жарковато было в бою за станцией Тайга — нам пришлось не подражаться с поляками и вотки беляками». Шесть часов длился бой за станцию. Героизм и упорство в бою командиров и красноармейцев привели к важной и важной победе частям 5-й Красной Армии. В результате боев были уничтожены основные силы белополяков в этой зоне и 1-й армии Колчака. Захвачен плен до 6000 человек, два бронепоезда, более 20 орудий и несколько эшелонов материальных ценностей.

НА МАРИЙНСК

Взятие Марийнска командарм Г. С. Ворошилов возложил на 30-ю дивизию. 24 декабря ее 1-я Красноуфимская бригада под командованием 23-летнего командира Ивана Грязнова начала наступление. Части взяли высокий темп. 25 декабря дивизия в этот же день вступила в город. Освобождение Анжеро-Судженских железных дорог. Два полка польских легионеров и сибирский добровольческий отряд белых охраняли этот район, в их задачу в-

взорвать и вывести из строя шахтное оборудование.

В короткой схватке красноармейцы разбили польских легионеров и колчаковцев. Не снижая темпа, 27-я дивизия продолжала преследование. Освобождая станцию за станцией, утром 28 декабря части 27-й дивизии и первой бригады 30-й дивизии совместно с партизанами захватили Мариинск. Колчаковцы, не успевшие отойти ранее, попали в «мешок». С запада и с севера действовала Красная Армия, с востока — партизаны. Сопротивление было бесполезным. Более 5 тысяч колчаковцев сдались в плен, 6 орудий и 20 пулеметов, большое количество имущества составили трофеи. Целым захватили и железнодорожный мост через реку Кня.

27-я дивизия осталась в Мариинске на отдыхе. Вскоре состоялся парад частей дивизии. За успешно проведенную операцию на Транссибирской магистрали дивизия была удостоена Почетного боевого знамени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, состоялось награждение бойцов и командиров. Комдив В. К. Путна был награжден вторым орденом Красного Знамени.

После освобождения Мариинска дальнейшее преследование было возложено на 30 и 35-ю дивизии. 27 декабря Колчак из Нижнеудинска приказал генералу Каппелю отводить войска за Енисей и оставшиеся части свести в одну группу и обеспечить ее отход. Под Красноярском были разбиты остатки колчаковских войск, и только отдельным отрядам удалось уйти на восток. 7 февраля в 5 часов утра на берегу Ангара бывшего верховного правителя расстреляли. Пятая Красная Армия выполнила свое предназначение. Хотя армию расформировали, ее дивизии с честью продолжали свой боевой путь.

35-я дивизия громила белые банды барона Унгерна. 27-я дивизия била белополяков на Западном фронте, подавляла мятеж в Кронштадте. На борьбу против Врангеля выступила 30-я дивизия, на Южном фронте сражалась 51-я дивизия.

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Есть люди, для которых дело партии становится делом самой жизни. Таким человеком был Тимофей Феогниевиич Путилов-Смердин. Вся его жизнь — это борьба, сознательная, активная, за светлую и счастливую жизнь народа-труженика.

О себе Т. Ф. Путилов писал: «Родился в бедной и большой крестьянской семье. Было все: и нужда, и лишения. В 1914 году призвали в армию. В Новониколаевске прошел подготовку унтер-офицера. Три года командовал взводом на фронтах первой мировой войны. Награжден Георгиевским крестом. В родное село Салтымаково вернулся после демобилизации в декабре 1917 года. В селе, как и прежде, хозяйничали богатей. На существующую власть смотреть не хотелось, а о новой — советской — крестьяне еще не знали. Тогда-то, в глухом сибирском селе мы, бывшие фронтовики, объединились в партячейку, а в январе собрали бедняков, выбрали Совет. Нужно было противостоять кулакам».

Вспыхнул белочешский мятеж. Карательные отряды обрушились на большевиков. Началась кровавая расправа — расстрелы, порка. Оставаться безучастным к несправедливости и жестокости нового сибирского правительства Колчака организаторы Советов не могли, поднялись на борьбу.

Большевики Салтымаково из подпольной партячейки создали партизанский отряд. На вооруженную борьбу их воодушевило апрельское восстание шахтеров Колчугина. В июне товарищи по борьбе: Ефим Котлубовский, Михаил Милюков, Георгий Аредаков, Николай Симонов, Степан Огнев и другие избрали Тимофея Смердина своим командиром. Он принял фамилию Путилова, отряд стал называться «Путиловским».

Первая схватка отряда Путилова с врагом произошла на кордоне выше деревни Ажандарово. Тогда они уничтожили небольшой отряд белочехов.

В октябре предприняли наступление на Крапивино, но неудачно. Отступили. В атаке на кулацкую дружину в Атукташе был убит друг Путилова Ефим Котлубовский. Активные действия партизан вынудили колчаковцев стянуть дополнительные силы в Крапивино. Карательный отряд в 400 конников стал преследовать отряд Путилова. Они отступили в Ивановку, за Томь, потеряли многих бойцов.

Пришлось путиловцам устанавливать контакты с другими партизанскими отрядами. Стали готовить восстание крестьян в деревнях. В начале декабря в составе объединенных сил партизаны выступили на Крапивино и 12 декабря освободили село от колчаковцев. За эти дни отряд вырос до 400 человек.

Из Щегловска срочно направили карательный отряд, однако, видя превосходство партизан, в бой он не вступил. Партизанский отряд направился в Кольчугино, разбив беляков в деревнях Сарапки и Шевели. Это уже был конец колчаковщины. В Кузбасс вступили части 5-й Красной Армии.

Но гражданская война не окончена. Тимофея Путилова направили в Томск, на Сибирские курсы красных командиров, приняли в ряды Коммунистической партии. Курсы окончить не пришлось. 12 марта 1920 года весь личный состав курсов бросили на борьбу с белобандитами. Более года Путилов не расставался с оружием в изнурительной «Кулундинской экспедиции» по уничтожению белобандитов. Томское губчека поручает ему сложные задания по ликвидации банд в Кузнецком уезде.

Новое время — новые задачи. Коммунист Путилов организует коммуну, возглавляет колхоз «Большевик» в селе Крапивино.

Началась Великая Отечественная война. И снова красный командир Путилов встает в строй защитников Родины.

Сибирские партизаны — ветераны гражданской войны — обратились в Новосибирский крайком партии с просьбой на-

править их в ряды народных мстителей. Их числе был и Путилов.

В августе 1942 года Тимофей Путилов получил вызов из крайкома. Остались дочери, жена. Его сыновья Марк и Алексей были уже на фронте.

В октябре, после специальной подготовки, 110 ветеранов гражданской войны приняли присягу красных партизан — коммунисты. Были среди комсомольцы, тщательно отобраны множества добровольцев. Получили дивизионы, финки, бинокли, автоматы. Выехали в Москву, в распоряжение штаба партизанского движения.

В Москве оказалось, что подготовка партизан еще не закончена. Впереди два месяца занятий. В группе Путилова были и земляки: боец отряда Щетинин из Прокопьевска Николай Евсеевич Пронькин, Леопид Федорович Ковалев, Николай Николаевич Симоненко, Татьяна из поселка Мундыбаш молка Варя Николашина.

3 декабря 1942 года. Строки из письма Путилова жене:

«Дорогая Еля! Наконец я окончу курсы, назначен командиром. 5—6 декабря вылетаем на фронт. Симоненко вместе со мной. Тебе, Еля, ясно, что я буду мало. Привет колхозникам. Крепко-крепко руку. Ваш Путилов».

В Палибокскую пуцу, близ Милославска, отряд Путилова выпел ранней весной. Задачей оставалось 700 километров до тыла врага. Отряд увеличился до 100 человек. Был открыт боевой счет мстителям.

Домой Путилов вернулся в июле 1944 года. Орденом Красной Звезды и двумя медалями отметила его Родина.

Но не отдых ждал дома Путилова. Уже 10 лет проработал он председателем Салтымаковского сельсовета. Вышел на пенсию, но продолжал работать объездчиком по району.

Оборвался жизненный путь командира в 1952 году. Памятник ему установлен в селе Салтымаково.

ПАРТИЗАНСКИЙ АДЪЮТАНТ

Только в конце марта 1918-го года, на десятый день пути, Николай Васильевич Буинцев добрался до села Горскино, что в Брюхановской волости Кузнецкого уезда. Страшно подумать, как далеко осталась его Чувашия, родная деревня Турмыши!

Встреча с сестрой Марфой и ее мужем Андреем Ильиным, которые уже шесть лет прожили в Сибири, была радостной. До позднего вечера в доме Ильиных горел свет. Пришли односельчане, с интересом расспрашивали о новостях в Турмышах, задавали вопросы, что теперь ожидать от революции.

Николай рассказал, что землю местного помещика разделили между крестьянами, что он сам принимал участие в установлении Советской власти и переделе земли, что в отместку враги подожгли усадьбу.

— Земельные паделы получились маленькими, — грустно закончил свой рассказ Николай, — люди уезжают из села в поисках лучших мест. Многие едут в Сибирь...

— В Сибири-то не сладко, — перебил его Андрей. — У нас, брат, земельку тоже перекраивать надо. За годы войны многие солдатские семьи обнищали. Пустующие участки захватили кулаки. Теперь солдаты вернулись и требуют передела земли. Кроме того, по новым советским законам все переселенцы имеют право на земельные паделы. Так что драка у нас только начинается. Совден избрали две недели назад.

Николай Буинцев — парень веселый, хороший гармонист, стал душой сельских молодежных вечеринок. Через неделю Николай вызвал к себе, в сельскую управу, председатель Совдена Федот Дудко. Здесь же находились большевики-совдеповцы

Иван Цыганков, Иосиф Половинкин. Федот спросил парня:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Грамотный?

— Кончил церковно-приходскую и двухклассное городское училище.

— Ого! Да ты грамотей! Нам такие нужны. Делать будем важное дело — наделять крестьян землей, — весело поставил в разговоре точку Дудко.

Каждый день с саженью в руках, окруженный друзьями и недругами, он отмерял десятины. Приближалось время сева, и крестьяне торопили совдеповцев.

Но вскоре новые события неожиданно вторглись в жизнь сибиряков, еще более разделили жителей деревни на два враждебных лагеря. Глубокой ночью 28 мая в Горскино из Брюханово прискакал всадник. Остановился у дома Федота Дудко, тихо постучал в окно:

— Выходи, срочное дело!

А через два часа все члены Совдепа и активисты собрались в сельской управе, слушали гонца из Брюханова. Тамашинне кулаки совместно с бывшими офицерами вторично подняли восстание. Во главе мятежников стал бывший капитан Зеленков, а купцы Пьянков и Скороделов спрятанным оружием вооружили отряд — около сотни человек, члены волостного Совдепа арестованы. Горскинцы возбужденно обсуждали создавшееся положение. Предложение посланца уходить в тайгу не приняли. Остановились на том, чтобы послать в Брюханово своего человека, подробно узнать обстановку.

На разведку отправился Иван Цыганков. А через день он рассказал неутешительные новости — в Марининске восстали белочехи. К ним примкнули кулацкие элементы. Их отряды расползаются по крупным селам, творят расправу над Со-

петской властью. Объединенные красногвардейские отряды Кузнецка, Щегловска, Кольчугино и других потерпели поражения под Юргой. Часть из них ушли в лес, часть в горы. Отряд кольчугинских шахтеров под командованием Петра Сухомырова под командованием Петра Сухомырова ушел на Барнаул. В Щегловске, Кольчугино, Кузнецке, Гурьевске, Бачатах и окрестных селах хозяйничают белогвардейцы. В Брюханово большевики ушли в подполье. Вероятно, белогвардейцы скоро будут в Горскино.

— Надо уходить в тайгу, — предложил Иков Половинкин.

Федот Дудко, Иван Цыганков высказались за то, чтобы остаться и продолжать борьбу в подполье. На этом и остановились. На другой день в Горскино прибыла группа вооруженных людей из волости. Собрали сход, объявили, что Советская власть низвергается, и избрали старосту. В селе была создана кулацкая дружина самообороны. А через неделю были арестованы горскинские большевики Федот Дудко, Иван Цыганков, Самко. Их повезли в Брюханово. По дороге Федот был убит якобы при попытке к бегству, судьба других большевиков неизвестна до сих пор. Правда, доходили до села слухи, что Цыганков и Самко сидели в тюрьме близ Иркутска, которая называлась Александровский централ, и погибли во время известного восстания летом 1919 года.

Прошло несколько дней после ареста свидетелей. Поздним вечером к Ильиным пришел сельский писарь Григорий Батурица и предупредил Николая:

— Тебе надо уходить из села немедленно. Я узнал, что завтра тебя арестуют и отправят в Брюханово. Торопись.

Этой же ночью Буинцев выехал в Кольчугино. Пошел в рабочие, устроился откатчиком на шахту «Ижуринка». Независимость в суждениях, трудолюбие, агитация о необходимости бороться за улучшение своей жизни помогли Николаю стать среди рабочих своим человеком. Он близко сходитесь с большевиком Роликовым (Виноградовым), создавшим в

июле 1918 года на шахте партийную организацию. В конце этой ячейки объединилась с другой, которой руководил Демьян Погребной.

Осенью 1918 года Николай окончил школу и оформляется членом партии, получает членский билет. «Выдан тов. Буинцеву Николаю Васильевичу в том, что в 1918 году 5 октября вступил в организацию партии большевиков — комитет, в чем и удостоверяем его передано по отношению в работе нелегального комитета Кольчугинского района».

Партийный комитет, куда были избраны Демьян Погребной, Роликов-Виндов и другие, принял решение организовать рабочих Кольчугино к восстанию.

Руководители большевиков поняли, что без поддержки крестьян восстания не будут иметь успеха. Капитан подпольщик получил задание вести агитационную работу среди крестьян. Буинцеву было поручено вести агитационную работу в селах Брюхановской волости. Особенно близко он сближался с семьей Федора Михайловича Кушова, руководителя группы коммунистов в селе Мусохраново. В группу входили два его сына Василий и Леонтий, Беляев и другие.

Конец марта 1919 года на запад от Красной Армии отбивались от давшей армии Колчака. Шахтеры вели восстание, чтобы поддержать новую Армию. Оно еще не было полностью подготовлено, но прибывший представитель от Томского губкома Госторопкин, настаивал изменить сроки. Было создано несколько боевых групп. Каждой группе определено задание. Одной группе определено задание одержать победу со всеми братьями вокзал, казначейство белых.

Около 11 часов вечера в ночь с 24 марта (ст. стиля) группа из 14 человек, в которой находился и Николай Буинцев, тайно собралась недалеко от белогвардейского гарнизона в каменном недостроенном бараке из дикого камня. На всех было две или три винтовки,

те револьверов, у остальных ножи и калы.

Этот вечер начальство рудника и офицеры праздновали благовещение в поселке и клубе. Крепко сжимая рукоятку сабля, Николай бежал к штабу вместе с арищами.

которые часовые штаба были на сто-восставших. Ворвавшись в помеще-штаба, Буинцев выхватил из рук го попавшегося солдата винтовку. го убил дежурного офицера. На вы-ты из клуба выбежали офицеры, за-лась перестрелка. К утру власть в-ке была в руках восставших.

Такое восстание не поддерживали в дру-городах. Из Щегловска, Бийска и Но-колаевска двинулись в Кольчугино-гельные отряды. Восставшие решили к партизанам. Одни направились на-д через Мусохраново и Ваганово,-е через Гурьевск, Салаир, на Ал-а большой отряд шахтеров, среди-ых был Николай Буинцев, под ко-ованием Голикова двинулся к Кара-в надежде соединиться с партиза-Шевелева-Лубкова.

до сказать, что на восстание в Коль-ю откликнулись крестьяне в селе-храново. Едва до них дошла весть о-уплении кольчугинцев, как 8 апреля-йшая группа большевиков под ру-дством Федора Михайловича Конд-ва и его сыновей Василия и Леон-обезоружила колчаковского милицио-разогнала сельскую управу. Вместе-збывшими красногвардейцами в этот-на сельском сходе был избран Совет-гатов. Через день в Мусохраново-ыли каратели. Начальник ми-и 4-го участка Щегловского-Истюшкин и начальник ка-го карательного отряда прапорщик-нов докладывали об этом уезд-начальству: «...по полученным све-ям, после восстания красногвардей-с. Кольчугино 8 сего апреля в-Мусохранову, Торопову, Шабанову,олаевску, Камышино приезжали из

Кольчугино красногвардейцы для агита-ции восстановления Советской власти, в-д. Мусохраново прибыло 8 красногвар-дейцев, где собрали сход и объявили о-восстановлении повсеместно в городах и-селах Советской власти».

Федора Михайловича и его сына Ва-силия высекли плетью на сельской пло-щади, а Леонтий вместе с Павлом Беля-евым успели уйти к партизанам Ивана-Сизикова.

Группа шахтеров, которую вел Голи-ков, встретила с отрядом Шевелева-Лубкова в Каракане. Партизаны шли на-помощь восставшим, но не успели. Здесь-Николай Буинцев впервые встретился с-Шевелевым-Лубковым, о котором был на-слышан как о храбром командире парти-занского отряда.

Долгие годы жизнь Николая Василье-вича Буинцева проходила рядом с этим-замечательным человеком.

После радостной встречи наступило-тревожное время. Разведчики отряда за-хватили в плен колчаковского милиционе-ра. У него нашли документы, из которых-партизаны узнали, что на поимку повстан-цев, ушедших в Каракан, спешат отряды-карателей из Кузнецка, Кольчугино и-Щегловска. Надо было уходить.

Мобилизовав около 30 подвод, партиза-ны в спешном порядке направились в-Пермяки, а к ночи прибыли в Новохудя-ки. Отряды противника объединились в-Пермяках. Попытка окружения партизан-в Каракане и Пермяках провалилась. Из-боязни попасть в засаду ночью белые-прекратили преследование партизан. На-чальник 5-го отделения милиции Щеглов-жаловался по этому поводу начальнику-Щегловской уездной милиции на началь-ников отрядов карателей Изака и прапор-щика Слесивцева, обвиняя их в трусости-и паникёрстве.

Тем временем на свежих лошадях глу-бокой ночью партизаны прибыли в-Инюшку. Люди валились с ног от уста-лости и голода. Все ожидали, что в Инюш-ке будет дан хотя бы небольшой отдых,

по Василий Павлович, посоветовавшись с Голиковым, дал команду двигаться дальше. К утру партизаны вышли к большому волостному селу Аилу. Километра за полтора до села остановились, прислушались. Сомнение вызвал тревожный собачий лай. Несколько конников поскакали в село на разведку, но быстро вернулись. Командир Яков Старовойтов коротко доложил Шевелеву:

— В селе белые. Хозяин дома рассказал, что вчера вечером из Крапивино прибыл отряд карателей с полсотни человек под командованием прапорщика Кузеванова. Кузеванов с помощниками остановился в поповском доме, остальные — в волостном правлении.

Совещались командиры недолго. Решили прорываться. Понимали, что белые готовят ловушку отряду здесь, у Аила.

Выстрелы в утренней тишине были громopodobны. Перепуганные каратели в паническом страхе разбежались.

Путь к Томи, до которой оставалось около 15 километров, был свободен. Река еще не стала. У Симоновской заимки отряд перешел на правый берег и углубился в тайгу, где были партизанские землянки.

Едва добравшись до нар, пахнувших хвоей, Буинцев забылся долгим крепким сном. Так для него началась партизанская жизнь, трудная, полная опасностей и лишений.

Через несколько дней Николая вызвал к себе в землянку командир Шевелев. Поглядев с любопытством на Николая, он проговорил:

— Товарищи из Кольчугина хорошо о тебе отзываются. Они мне сказали, что ты парень грамотный, хорошо разбираешься в политике. Так вот, назначаю тебя своим адъютантом.

Для сугубо штатского Николая эта должность была загадкой.

— А что делать-то?

— Будешь заниматься штабной работой, вести документацию. Кроме того,

возьмешь на себя отрядную кассу, продуктов.

Командир согласия не спрашивая был приказ. Николай страшился никакой работы. Однако страхи оказались напрасными. Василий Павлович действительно и умело направлял деятельность молодого помощника, а его расторопность и настойчивость сделали свое дело — пару недель он чувствовал себя на месте.

Боевая слава отряда вызывала уважение со стороны большинства населения. Крестьяне поддерживали партизан продуктами, одеждой. В Чебуле крестьяне не передали отряду лошадей, предназначенных для белой армии.

Не зная поражений, отряд громил врага. Партизаны нападали смело и так же молниеносно исчезали. Известном для врага направлении чачковцы бросались в панику, едва узнав о партизанах. Вот телеграмма, пришедшая из Томского горного управления: «Сегодня ночью центральной шахты обнаружена и обстреляна разведка врага. По сведениям прибывающих партизан, в этой тайге много. Новое нападение на Центральную шахту неизбежно. Немедленно усилить отряд для захвата шахты».

В июле 1919 года колчаковское правительство приняло решение одним ударом покончить с партизанами Томской губернии. Было сформировано несколько отрядов вооруженных карателей. Одним из таких отрядов было поручено уничтожить «банду» Шевелева. Однако благодаря военному таланту командира, мужеству партизан, успешная экспедиция потерпела поражение. Вот как об этом говорилось в сообщении отдела департамента милиции: «2 июля из заимки Ярлы получены сведения о местонахождении крупной шайки до 150 человек и названной заимки под начальством

лия Шевелева. 150 чехов с четырьмя пулеметами при восьми офицерах были направлены на ликвидацию отряда». Хотя белогвардейцы напали на следы партизан, гонялись за ними, но успеха не добились. «Дальнейшее преследование шайки оказалось невозможным из-за отсутствия продовольствия и сильным утомлением людей».

Через неделю белогвардейское командование убеждается в бесполезности принимаемых мер в борьбе с партизанами губернии. В последующей сводке сообщалось: «...В Томской губернии банды красных по-прежнему бродят в Мариинском, Кузнецком и Канском уездах, и, видимо, окончательная их ликвидация будет не скоро».

Осенью 1919 года отряд уходил от наседавшего врага. После трудного пути вышел к прииску Троицкие Вершины. Местные рабочие сообщили Василию Павловичу, что в доме управляющего прииском Лукьяновича хранится оружие, которое тот получил для вооружения контрреволюционной дружины.

Взяв с собой около пяти партизан, Василий Павлович должен был произвести обыск в доме Лукьяновича.

Николай Буинцев возглавил обыск, в тайнике под полом было найдено оружие.

Николай поспешил к Шевелеву, который вел допрос Лукьяновича в одной из комнат. Вдруг за дверью послышался один выстрел, второй. Николай вбежал в комнату. Командир стоял, прижимая руку к левому плечу.

Николай выстрелил в Лукьяновича дважды. Тот упал замертво. Все это произошло в считанные секунды. Прибежавшие партизаны вынесли на улицу тяжело раненого командира.

Для отряда наступили тяжелейшие дни. Преследуемые карателями, голодные партизаны вынуждены были отходить. Раненого командира несли на руках. Уходили на свою старую базу у Салтымаковской заимки. Однако из Салтымакова при-

шлось уходить в Позас. Николай заботился о командире. Ему удалось найти врача, достать лекарства. Через три недели Шевелев мог встать.

После излечения Шевелева отряд ведет активную борьбу с белогвардейцами. В деревне Ичменюхе была разгромлена крупная кулацкая дружина. Это ее руками в 1918 году были замучены несколько членов Кузнецкого Совдепа. Отряд почувствовал такую силу, что дважды пытался овладеть Кузнецком. После Кузнецка партизаны захватили прииск Троицкие Вершины. Затем бои под деревнями Ивановской, Солдаткиной и другие.

Долгое время Василия Павловича Шевелева-Лубкова одолевала идея — разработать «Устав партизанского отряда». Коммунисты отряда поддерживали идею командира, они выступали против партизанщины. Нередко в отряд попадали анархисты, которые дисциплину не признавали. Разработка «Устава» была поручена Буинцеву. В октябре 1919 года он составил проект. Его обсуждали среди командиров и партизан. Предложения вносили все члены отряда. Наконец «Устав» был готов и первого ноября подписан командиром отряда, его адъютантом и начальником разведки Муравьевым-Старовойтовым. Каждый вступающий в отряд теперь давал клятву безоговорочного соблюдения требований «Устава».

В отряде было запрещено употребление спиртного. Винового за нарушение этого правила разоружали и предлагали шагать пешком 30 верст за отрядом. Дисциплинированный, обученный военному делу отряд Шевелева-Лубкова громил значительно превосходящих его по численности белогвардейцев и кулацкие дружины. Слава об отряде доходила до самых глухих уголков Щегловского, Мариинского и Кузнецкого уездов.

Колчаковщине в Сибири приходил конец. В ноябре части Красной Армии освободили Омск. В ночь с 5 на 6 декабря партизаны отряда Ивана Сизикова освободили Бачаты.

Из глухой тайги в Крапивино спешно двинулся отряд Шенделова-Лубкова, в котором числилось около 150 человек. У деревни Змеинки — вспоминает Василий Иванович — встретили полную к нам организованную отряд Хмелева-Кузнецова. Они сообщили, что их отряд занял с боем Крапивино, захватив в плен 60 человек и кооперативцев. В Крапивино мы встретили отряд Хмелева-Кузнецова. Начальником штаба у них был Павел Николаевич Филарет, хороший организатор, в политическом плане ему помогала его жена Тоня Голосенкова.

Еще ранее в отряде Хмелева-Кузнецова присоединились партизаны Шукалова-Нежинова. Все три отряда соединились и образовали полк, продолжает вспоминать Шенделов-Лубков. — Общее командование было поручено мне. В объединенном отряде было большое число коммунистов. Все они вошли теперь в одну партийную организацию. Во главе ее был избран Николай Буинцев.

Подготовленным 5-й Красной Армии были организованы комиссары по окончательному оформлению в партию бывших подпольщиков и партизан. Их принимали без каких-либо стеснений и вызвали единые партийные билеты. В составе комиссии тогда же работал Николай Буинцев. Объединенные партизанские силы двинулись в Колмаури. 17 декабря 1919 года они вошли в Колмаури, где соединились с частями Красной Армии. Молодой командир в отряде Шенделов тех кому удалось избежать расстрела по дороге.

В то время шла борьба с крапивинскими бандами. Борьба с крапивинскими бандами не закончилась. Подполковник Шенделов-Лубков, банды мешали мирному труду. Вскоре по просьбе Шенделова-Лубкова он вступает в части особого назначения и борется с контрреволюцией. Командующим северной группой войск был назначен Шенделов-Лубков. В отделе и введённой мушкетёрской ударной группе. В 1920 году, в котором говорится

что товарищ Буинцев является только помощником командующего северной группой. Имеет право входить для служебных надобностей в мим проводом и подавать телеграммы за счет кредита военного ведомства.

Весной 1920 года при Томском комитете был образован штаб формирования добровольцев на вражеский фронт. Николай Васильевич был назначен на представителей от штаба по формированию добровольцев в Щегловском. И снова встречи со многими боевыми товарищами по партизанской борьбе, которые первыми записывались добровольцами на фронт.

Подняла голову местная контрреволюция. В феврале 1921 года в Коан под Новоиколаевском, произошел революционный мятеж, во главе которого стоял колчаковский полковник Оли. Под напором красноармейских частей Новоиколаевска восставшие двинулись в Мариинскую тайгу, а через нее пытались уйти в Монголию. Двигаясь по Коанскому уезду, они зверски расправлялись с коммунистами и активистами Советской власти.

В районе Крапивино много было банд (по некоторым источникам, было около 2 тысяч человек) во главе части особого назначения под командованием Шенделова. При поддержке наших красноармейских отрядов были разгромлены. Остаткам банды удалось уйти в Монголию.

В апреле 1922 года Николай Васильевич переходит на гражданскую работу, становится заведующим отделом социального уездного Совета, затем в Томском губисполкоме.

В 1924 году Николай Васильевич переезжает в Красноярск по приглашению Павловича Шенделова. В это время работал там начальником отдела хлебных продуктов Красноярского губернского Совета. В 1930 году боевые товарищи

стованы. Их обвинили в связи с троцкистами. Была арестована и жена Николая Васильевича Анна Михайловна. Ее сослали на Колыму.

Анна Михайловна вернулась из ссылки после войны. В августе 1957 года она на свой запрос получила справку о том, что приговор военной коллегии от 1938 года в отношении Буинцева отменен, за

отсутствием состава преступления. Но Николай Васильевича уже не было в живых. Он умер в октябре 1939 года. Немного позднее в местах отбывания «наказания» умер легендарный командир партизанского отряда В. П. Шевелев-Лубков. Так трагически закончилась судьба двух людей, беззаветно преданных делу партии, веривших ее идеям.

МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...

СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Алтай — лагерь, на границе Омской обл. и Казахской ССР (более точное местоположение неизвестно).

2. Асино, пос. — Томско-Аспинское управление лагерей.

3. Березово — лагерь. Точное местоположение неизвестно (предположительно — в низовьях р. Оби, около параллели с широтой 64°, или в Кемеровской обл.).

4. Омлаг — лагерь, примерно в 5 км вверх по р. Иртыш от Омска.

5. Омск — управление лагерей.

6. Салехард, пос. — лагерь (?) (сведения недостоверны).

7. Стройка 501 — строительство ж/д Салехард — Игарка. Дорога не построена — «Мертвая дорога».

8. Тавда — лагерь, предназначен для погрузки и сплавки леса. Дно нижнего течения р. Тавды покрыто затонувшей древесиной (по данным 1964 г.).

9. Тайга — лагерь, Кемеровская обл.

10. Тобольск — лагерь. Политический изолатор.

11. Тура — лагерь. Точное местоположение неизвестно (Нижняя Тунгуска? Свердловская обл. — Богословлаг, Туринские рудники?).

11а. Тюмень — лагерь.

12. Дзержинский, пос. — лагерь. Новосибирская обл., Искитимский р-н.

13. Колпашево, пос. — лагерь. При ликвидации лагеря заключенных расстреляли. Расстрелы проводились в овраге, при-

мыкающем к берегу р. Оби. См. публикации в газетах «Молодость Сибири» (апреля 1989) и «Правда» (11 мая 1989).

14. Колывань, пос. — женский лагерь. Сотрудники Колыванского краеведческого музея провели очень результативный поиск.

15. Кривошеиновские лагеря № 5. Не использовались для строительства бережной части Новосибирска.

16. Куеста — лагерь, примерно в западной окраине Барнаула. Первый пункт.

17. Ложок, пос. — отдельный пункт № 4 (ОЛП). Новосибирская обл., Искитимский р-н.

18. Нарым — место ссылки кулаков Западно-Сибирского края (Томской, Кемеровской и Кемеровской обл. и Алтайского края), за период 1930—1933 гг.

19. Остров — на р. Оби около пос. Сандровское. На этом острове найдено очень много человеческих костей. Местные жители называют его островом смерти. Из разговоров предполагается, что осенью (год не установлен) была на полная баржа совершенно мертвых людей, которые в одну зиму скончались.

20. Пихтовка, пос. — лагерь на территории Новосибирской обл.

21. Саллаг — лагерь, Новосибирская обл., Искитимский р-н.

22. Томсклаг — лагерь женского рода.

23. Бекет — лагерь.
24. Воскресенка — лагерь.
25. Горно-шорские лагеря — строительство ж/д до ст. Таштагол, Кемеровской обл.

26. Кемерлаг — исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) в Кемерове, использован на строительстве химкомбината.

27. Кольгон — лагерь-высел. Для заключенных были и специальные высылки, где они могли работать без конвоя — «расконвойка».

28. Котовский — женский лагерь. Совместное содержание политических и уголовников.

29. Кузнецлаг — лагерь. Использован для строительства металлургического комбината в г. Сталинске (ныне Новокузнецк).

30. Майск-1. Майск-2 — лагеря.

31. Мариинск — Сибирское управление лагерей особого назначения (СибУЛОН). В этом управлении был ИТЛ для инвалидов.

32. Новоивановка — лагерь.

33. Новый свет — лагерь.

34. Прокопьевск — места расстрелов.

35. Сосновка — места расстрелов.

36. Снасек, пос. — лагерь золоторудного прииска.

37. Сталинск (ныне Новокузнецк) — трудовая толстовская колония «Жизнь и труд».

38. Тисуль, пос. — места расстрелов.

39. Чумай — места расстрелов.

40. Южкзбасслаг — управление лагерей в Сталинске.

41. Юрга — пересыльный лагерь. Места расстрелов.

42. Игуновка, пос. — места расстрелов.

43. Яялаг — женский ИТЛ. Использован на лесозаготовительных работах. Существовал уже в 1931 г. Управление размещалось в пос. Яя.

44. Яя — управление лагерей. Алтайский край.

45. Аламбай, пос. — лагерь. Алтайский край.

46. Боровлянка (или Сосновка), пос. — лагерь. Алтайский край.

47. Кызыл-Озек — пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске.

48. Письяново, пос. — лагерь, Алтайский край.

49. Сектелет — лагерь на реке Белая, Алтайский край. Точное местоположение неизвестно.

50. Чудиновка, пос. — лагерь образован еще в 1931—1933 гг. Новосибирская обл.

Примечания:

— Сведения по пунктам 1—11а получены из архива Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал» (Москва) и его Новосибирской областной организации.

— Сведения по пунктам 12—22 получены из архива Новосибирского областного общества «Мемориал».

— Сведения по пунктам 23—44 получены из архивов Всесоюзного, Кемеровского и Новосибирского областных обществ «Мемориал».

— Сведения по пунктам 45—50 получены из архива Алтайского краевого общества «Мемориал».

Список пунктов составил
Новосибирское областное
общество «Мемориал»

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» ПОРЯДОК «ЖЕЛЕЗНОГО» НАРКОМА

Он не был профессиональным чекистом, как утверждают некоторые западные авторы, никогда не работал в НКВД, но его роль в годы сталинского террора была столь же злободневной, как и Ягоды, Ежова и Берии.

Его недобрый словом вспоминают на Северном Кавказе, откуда были выселены на Север и Восток жители 16 станиц, клянут в Белоруссии, где не без его участия более чем наполовину была разгромлена партийная организация республики, и в Иваново. Из Иванова Лазарь Моисеевич Каганович по нескольку раз в день докладывал Сталину о количестве арестованных и ходе следствия. Когда руководители УНКВД пожаловались на нехватку тюрем, Каганович тут же распорядился незамедлительно расширить тюремную сеть Ивановской области. Рвение испуганного начальства было таким, что под тюрьму отдали даже один из больших детдомов.

Бюсты и портреты Кагановича красовались в вокзалах и на станционных перронах. Его именем назывались многие шахты Донбасса, Воркуты, Караганды и Кузбасса.

Наркомом тяжелой промышленности он стал после загадочной смерти Серго Орджоникидзе. После смены хозяина одного из могущественных ведомств круто меняется характер приказов. Л. Каганович не только обязывает, предупреждает и загромождает, но чаще, чем прежний руководитель, снимает людей с должности и от прямых угроз переходит к делу.

Прочитав или услышав о фактах бесхозяйственности и разгильдяйства, многие из ветеранов участливо качают головой: и наши, мол, легендарные дни о таких

вещах слыхом не слыхивали. Во всемирный железный порядок был.

Но если был порядок, зачем тогда то было Совнаркому СССР, ЦК ВКП(с) ВЦСПС принимать постановления о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле?

Этот грозный документ, принятый 28 декабря 1938 года, развешивался по всей стране, словно о добрых старых временах, якобы везде и во всем с веселой улыбкой и бодрой песней люди творили великие дела.

Свой ответ это постановление отдало и на приказы наркома. Одним из первых он четко формулирует: «...снять работы и отдать под суд».

Под суд... Под суд... Под суд...

В расчет не принимались никакие объяснения: ни болезнь ближних, ни явное недомогание от вечного недостатка хлеба, ни многокилометровая дорога от дома до шахты.

Были, разумеется, и заядлые наркомовцы дисциплины. Из тех, кто дошел до этого, у себя в деревне считался героем. Их хлебом не корми, дай руки чесать, дурью помаяться. Но таких два и обчелся. Большинство же из настоятельных, из тех, кто себе на работе: и в поле умело за плугом шло с разной домашней живностью сплелось. При нужде лес валили, дома

А тут новое дело, непривычное. Со стороны камень, уголь, темная воргулякая пустота. Сразу и не привыкаешь к таким условиям, а начальство бует, строжится, парторг на про

скую сознательность нажимает, пионеры к классовой совести вызывают.

Давай план — и все тут! А план что чуднее из сказки: чем больше даешь, тем больше становится. Не мудрено и сорваться, не то слово ближайшему начальнику сказать. Вот и попал в нарушители. А уж если, не дай бог, на смену опоздал, то не жди пощады. Тут же в приказе вслед за твоей фамилией появятся слова: «снять с работы и отдать под суд».

В нарушителях ходить — полбеда. Беда — когда вредителем назовут. Тут уж другая статья. Считай, политическая. Им, вредителям, специальный приказ посвящен.

«На основании проверки и докладов работников треста и шахт устанавливаю, что трест Прокопьевскуголь план добычи угля за 8 месяцев выполнил только на 64 процента и в результате недодал государству почти 365 тыс. т большей частью ценных коксующихся углей, что отразилось на работе коксохимических и металлургических предприятий. Из 6 шахт треста за 8 месяцев план выполнила только одна шахта Зиминка. В августе и сентябре эта шахта также перевыполнила план. В то же время крупнейшая шахта треста им. Ворошилова, дающая около 45 процентов всей добычи треста, план систематически не выполняет. За 8 месяцев эта шахта дала 85 процентов плана, в августе — 89 и за 20 дней сентября — 82,4 процента.

Троцкистско-бухаринские вредители (Строилов, Маер, Овсянников и др.) нанесли шахтам треста большой ущерб своей подлой шпионско-диверсионной работой. Они внедряли на шахтах хищнические способы выемки угля, вызвавшие огромные потери угля и подземные пожары, вредительски застраивали жилыми домами участки, подрабатываемые шахтными полями, скрывали пласты угля, суживали фронт работ. Охвостя этих вредителей проводили свою гнусную работу до последнего времени, организовывали затопления и аварии, повлекшие

человеческие жертвы (шахта Зиминка), разрушали вентиляцию, отравляли рабочих, ломали механизмы и организовывали аварии горных выработок (шахта им. Ворошилова)».

Прервем на минуту чтение наркомовского приказа от 2 октября 1937 года, чтобы обратиться к другому документу, «Судебному отчету по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 января 1937 года».

Здесь имя инженера Строилова государственный обвинитель Вышинский не раз называет среди других имен кузбасовцев, угодивших под пресс беспощадного механизма репрессий.

«В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов, по указанию Пятакова и Муралова, проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазовывания забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации, по заданию Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих...»

Бывший работник шахты А. Ваниток вспоминает: «ГПУ арестовало почти всю администрацию шахты и рудника по обвинению во вредительстве: директора шахты Ивана Юрьевича Прейкшаса, бывшего аиковца, оставшегося в Советской России строить социализм, технического руководителя шахты Андреева, помощника техрука Коваленко, начальника участка Николая Семеновича Леоненко, нашего техникумовского Паташона. Газеты известили, что Леоненко продан за фотоаппарат, и еще корову обещали...

Какова была их вина, да и была ли — судить мы не могли.

Брали и рядовых рабочих. Трудно было установить «закономерность» такой «мобилизации». Все работали честно, знали их как порядочных людей, грамотных специалистов.

Сегодняшнему поколению, наверное, трудно понять: как можно было в обстановке террора жить, работать, ходить в кино, влюбляться, растить детей.

В 1937 году я работал на «Центральной». Начальники участков имели в своем распоряжении конный транспорт. Каждое утро заезжал кучер и докладывал: сегодня того-то взяли. Кучера все встречались на утреннем наряде и узнавали друг от друга последние новости. И хотя информация передавалась шепотом, с оглядкой по сторонам — знал об этом весь город.

Операция проходила таким образом. Неожиданно вызывали человека, имярек, к 10 часам вечера в кабинет начальника планового отдела треста «Кемеровоуголь» Александра Прокопьевича Погодина. Не берусь судить о его роли, но так было...

Приходили люди в его кабинет. Он о чем-то беседовал с каждым. Потом его собеседник выходил в коридор и ждал. В два часа ночи приезжали подводы, и людей увозили на законсервированную строительством шахту «Ягуновская». С «Ягуновский», как правило, никто не возвращался...

Вредители, вредители, вредители.

Откуда они? Чью злую волю исполняют? Может, сами скажут, «расколются»? И говорили. И «раскалывались».

«...Моими личными признаниями, а также истерпывающим анализом, который в своей речи сделал государственный обвинитель, полностью представлены и доказаны мои преступления и вся тяжесть моей вины, которым нет оправдания. Изменив родине первый раз в небольших делах, я покатился вниз, сделавшись агентом германской разведки, и выполнял ее гнусные задания. Вместе с этим, не будучи никогда в партии, не будучи ни-

когда троцкистом, я сделался и агентом троцкистов, задания которых никогда не отличались, а часто превышали задания германской разведки.

Хотя вся моя преступная работа в результате этого двойного пресса на меня, я не могу ни в какой мере уменьшить мои преступления и тяжесть моей вины, которая перед страной очень велика, еще увеличивается и усиливается тем, что партия и правительство относились ко мне очень хорошо. Это выражалось в общественном положении, это выражалось и в поощрениях, и в предоставлении привилегий.

...Я не буду перечислять всех моих преступлений по вредительской работе. Они велики и обширны, им и на предельном следствии, и прокурором поставлена черта. Я вижу за этой чертой окончательный итог моих преступлений, вижу окончательный счет, который предъявляет Советская страна...»

Так говорил на суде уже знакомый по наркомовскому приказу Михаил Иванович Строилов.

Сам говорил.

Но правду ли?!

Нам уже хорошо известно, как vychивались нужные следователям, а также, большим и малым вождям знания. Ломались не только новички, ломались многие мужественные люди, те, кто прошел через царские тюрьмы и каторгу.

Строилов не был исключением в отношении на себя и на своих товарищей. Проходил по одному делу с такими известными стране людьми, как Ю. Л. Такер, К. Б. Радек, Г. Я. Соколов, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов. Все обвиняли в измене родине, шпионаже, в версиях, вредительстве и подготовке террористических актов. Все они признаны в предъявленном обвинении.

Было сделано все возможное, чтобы защитить общественность, в том числе и мою, в предельной объективности следствия, в независимости судей и под-

или их только закону. Только спустя четверть века стало ясно, чего стоила эта «объективность». Ночные изнурительные допросы и насилие, угрозы и угрозы, «корректировка» протоколов, лжесвидетельства.

Вышинский оперировал на суде материалами экспертизы. Тоже для «объективности». Но как они составлялись, видно из такого примера.

В 1960 году участвовавшие в работе экспертной комиссии эксперты Б. Покровский и П. Трофименко показали: в течение двух недель они вместе с другими экспертами находились в помещении НКВД Кемерова без права выхода из него и по требованию работников этих органов составляли и подписывали угодные следствию заключения о злоумышленном характере взрывов...

Строилов меньше всего старался ввязываться в политику. Знал, чем это грозит интеллигенту. Для него стихия — техническое творчество. Он написал несколько книг и одним из первых в стране издал их. Пусть и другие учатся, пусть перенимают опыт. На шахтах внедряют его изобретения. Они увеличивают экономический эффект, обеспечивают безопасность шахтеров. Но парадокс, видимо, заключался в том, что шахтеры, в массе своей люди малограмотные, туго осваивали новшества, слабо овладевали новой техникой и технологией, видели в чудачествах инженеров покушение на их личную свободу. Еще не выветрилась «Дубинушка», не забылось привычное «авось». К тому же — планы, ударные темпы, соц-обязательства. Даже металл, как известно, имеет предел прочности. Отсюда авария за аварией, под которые легко подводили политическую подоплеку.

Генеральный прокурор Вышинский, как бы стараясь сгладить свои прошлые меньшевистские грехи, всю клеймил очередную «банду преступников».

«С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босняков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд под откос. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих.»

Административно-командная система с ее карательным режимом не терпела размытых формулировок. Во всем должна быть четкость и ясность, как в ритмических строчках: «Тот, кто не с нами, тот против нас» и — «Если враг не сдается, его уничтожают». Варианты не предусматривались. Руководитель не должен быть мягкотелым интеллигентом. Он должен быть твердым и настойчивым в достижении целей.

Чьих? Имеется ввиду — народных, а на самом деле ЕГО, «отца народов».

Свои цели он осуществлял через верных помощников: Молотова, Ворошилова, Маленкова, Кагановича.

Александр Иванович Мильчаков, бывший в 1928—31 гг. Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, пишет в своих воспоминаниях: «В 1937—1938 гг. я работал начальником Главзолота Наркомтяжпрома. Л. Каганович был тогда наркомом. Он вел себя невероятно развязно, постоянно подчеркивал при встречах с работниками: «Я не только нарком, я — секретарь ЦК партии».

Излюбленным методом «руководства» Л. Кагановича были воли о вредительстве, сеяние недоверия к советским людям, запугивание работников угрозой ареста. Он не стеснялся высказывать такие мысли: «Уж если мы (то есть он, Каганович) лишим работника своего доверия, мы его передадим в НКВД, а там его следовательно быстро прихлопнут...» Каганович, конечно, знал, как это делается.

Раздувая формулу Сталина об обостре-

Раздувая формулу Сталина об обостре-

пли классовой борьбы, Л. Каганович «сконкретизировал» это положение своим «теоретическим» перлом: «Каждая авария на производстве имеет свое имя, отчество, фамилию. Это — вредительство.»

В архивах судебных учреждений немало списков лиц, арест и уничтожение которых санкционировал Л. Каганович. В списках этих ни в чем не повинных людей тысячи фамилий.

Упиваясь своей властью над людьми, Каганович безжалостно и преступно играл судьбами людей и их семей, отдавая тысячами невинных на растерзание бандам Ежова и Берии...

26 мая 1938 года в «Правде» выступил А. Вышинский со статьей «Задачи советской прокуратуры». В ней, в частности, говорится: «Исключительно велика роль прокурора в судебных процессах в качестве представителя государственного обвинения. К сожалению, значительное количество судебных процессов проходит почти без прокурорского участия... В прошлом году через суды СССР прошло пять с лишним миллионов гражданских дел. Но прокуроры участвовали в разборе лишь нескольких десятков тысяч дел...»

Пять с половиной миллионов и... несколько десятков тысяч!

Уж если сам генеральный прокурор беспомощно разводит руками, то что же было на самом деле?!

По подсчетам историка Роя Медведева, в 1937—38 гг. было арестовано около 1 миллиона членов партии и 4—5 миллионов беспартийных.

Л. Каганович принимал активнейшее участие в этой «селекции» и в Наркомате путей сообщения, и в Наркомате тяжпрома, и как секретарь ЦК.

Когда угроза нависла над его родными братьями, он побоялся замолвить за них слово.

Л. Кагановичу посчастливилось (то ли слово?) пережить всех из ближайшего окружения Сталина, чьим послушным орудием он был до последнего выдоха вождя. Можно представить выражение его

лица, когда он узнал о реабилитации его бывшего сотрудника, верноподданного, Александра Мильчакова, который по клеветническому шестнадцатилетнему проведению в лагерях ГУЛАГа и вернулся в Москву в 1954 году.

Упоминавшийся ранее ниже илов реабилитирован значительно спустя 50 лет после грандиозного процесса над Пятаковым, Радеком, Диким, Серебряковым, Муромовыми, другими видными деятелями партии и государства, в которых люди типа вины видели соперников.

Спустя полвека возвращается имя тысячам рядовых угольной и портной армии «железного» наркомата.

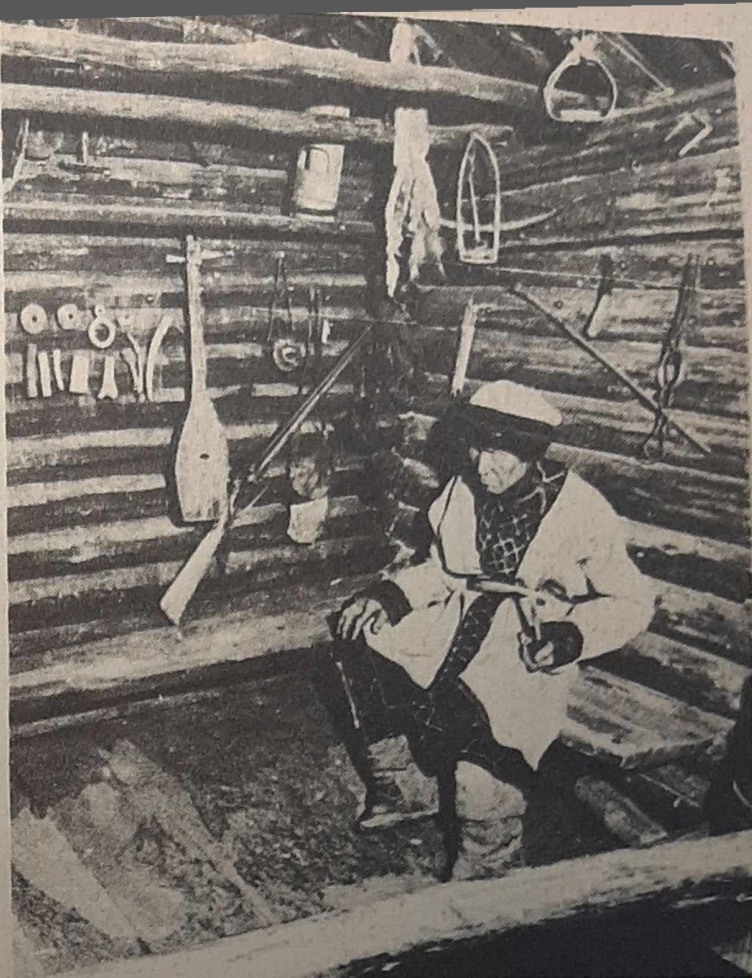
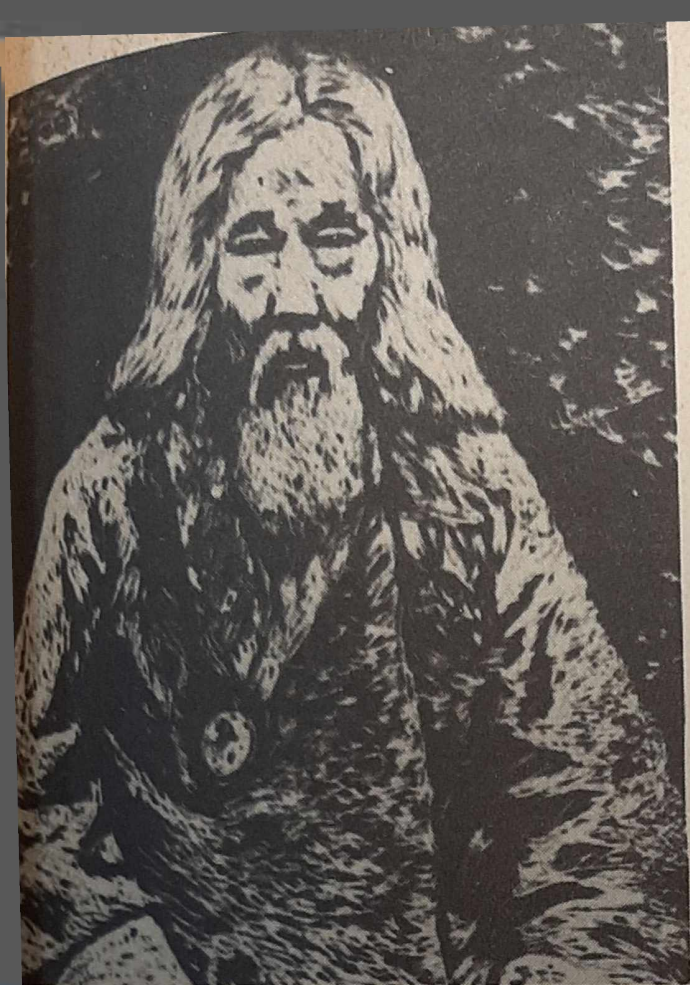
Пересматривая дела необоснованно репрессированных, члены комиссии не могут найти логику в действиях следователей, обвинителей и судей.

А надо ли ее искать?

Была ли она вообще во времена, когда одно слово «вождя всех народов» перечеркивало все законы и становилось законом?! Его гнев ливался на ближних и дальних, а в помощниках недостатка не было. Они стрехонько рассовывали послушные «тишки» по своим местам. И все делалось во имя великой цели, во имя социализма, который должен быть испечен по левским рецептам, словно пирог, в самые короткие сроки.

Горькая шутка «Дальние Сибири шлют, глубже шахты не загонят» и да успокаивала. Посылали и дальних. Там оказались электрик Шаров, римов из Белова, забойщик Александр Юровский из Ленинска-Кузнецкого, мощник забойщика Гандалиф Асадулов из Анжиро-Судженска, откатчик Анатолий Татаршикова из Кемерово и многие другие.

В чем они провинились перед Советской властью? За какие грехи приняли потерю своего доброго имени и обрели новую кличку «враг народа».

Ихана́л Васи́льевич Чева́лков (к статье А. Ши-
шигина «Алтайский просветитель»)

Из экспозиции Кемеровского краеведческого му-
зея. Зимнее жилище шорцев

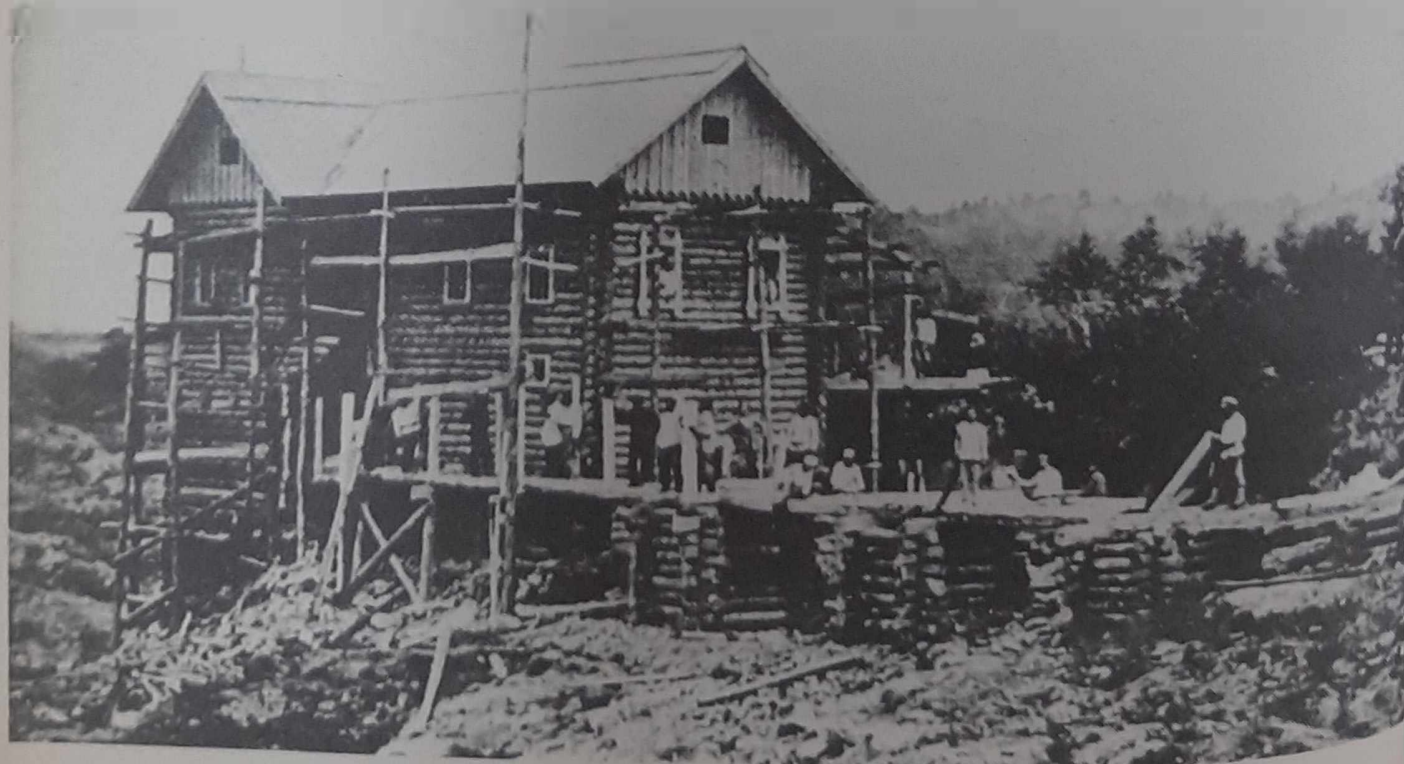
фрагмент Писаной скалы (из экспозиции Кемеровского краеведческого музея)

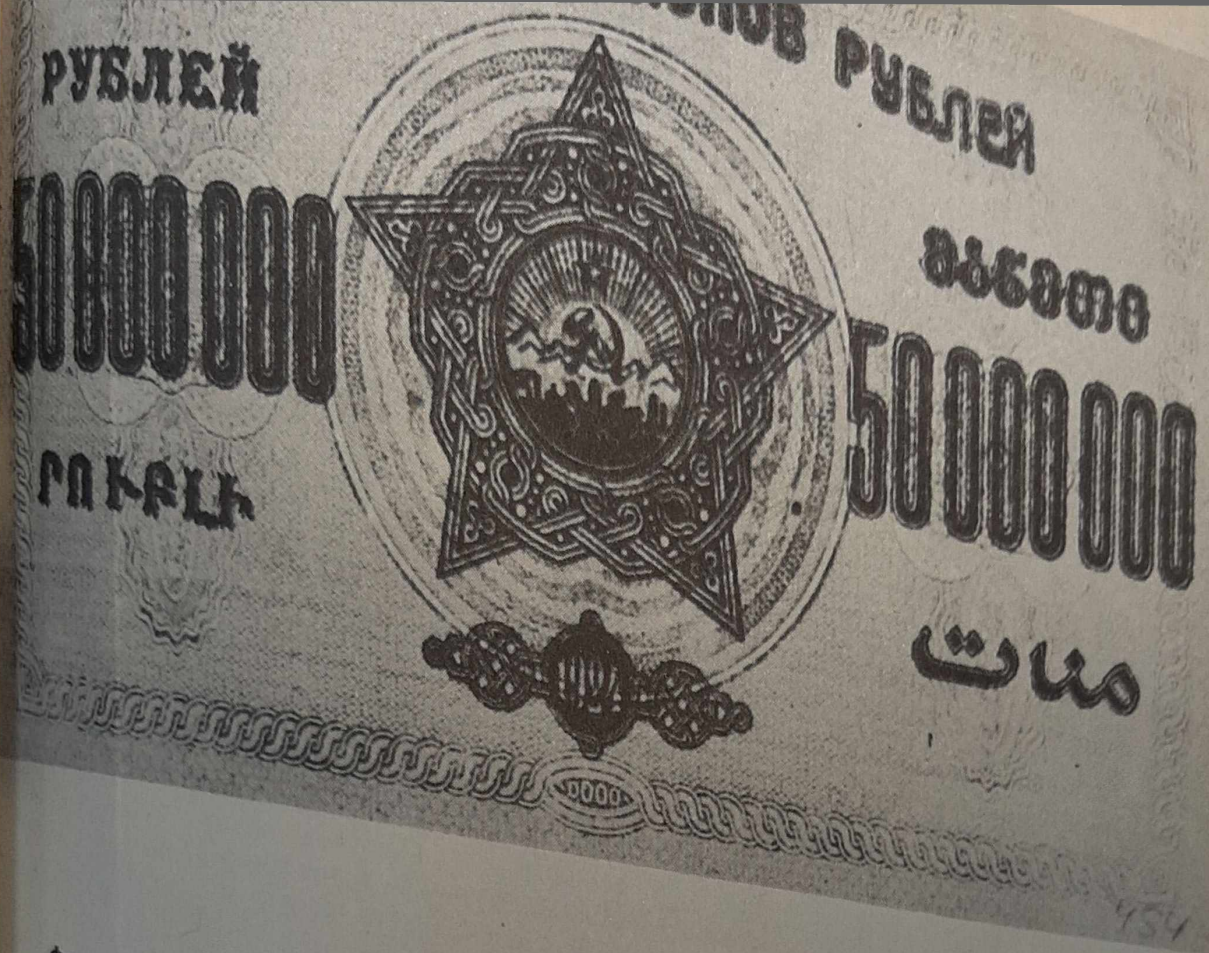

Зарисовки Ф. П. Брусницына (к статье Г. Скакунова «Брусницынский пласт

На строительстве первой сельской электростанции в с. Горскино, 1924 год

Фотокопии денежных знаков из хранилища Кемеровского краеведческого музея

Серия 21. № 300
K4006965

1923 г.

ТРАНСПОРТНЫЙ СЕРТИФИКАТ

ПЯТЬ
РУБЛЕЙ ЗОЛОТОМ
по ОБЪЕДИНЕННОМУ КУРСУ

Серия 21.

K4006965

Настоящее беспроцентное заемное обязательство НКПС действительно
до 1 го мая 1924 года.

Платежне заемных ТРАНСПОРТНЫХ СЕРТИФИКАТОВ обеспечивается
всеми доходами железных дорог и водного транспорта и гарантией
Народного Комиссариата Финансов.

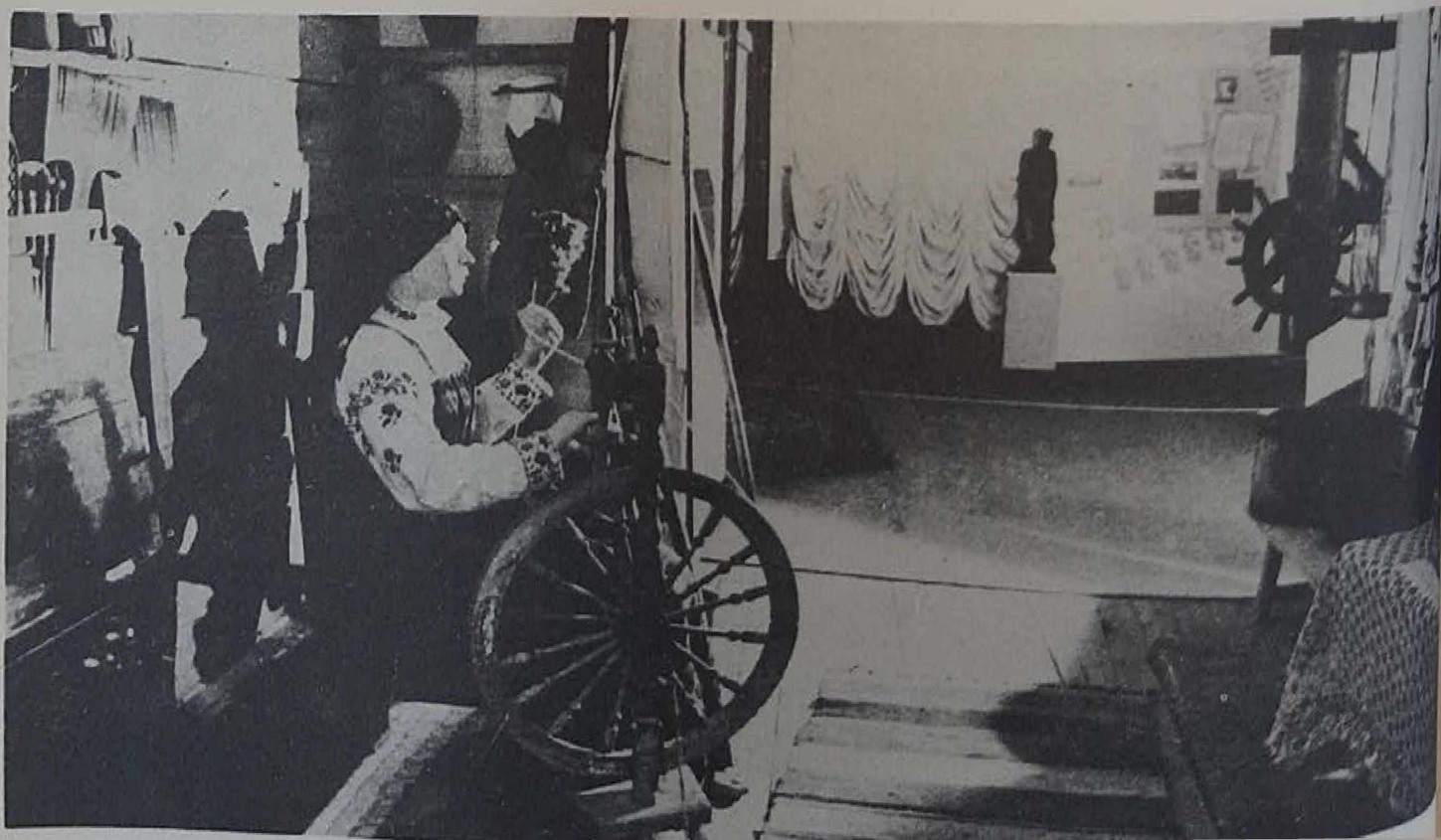
Народный Комиссар
Путей Сообщения

Народный Комиссар
Финансов

Фрагменты экспозиции
 Московского краеведческого музея
 Московского тракта с вер-
 столбом, шлагбаумом, по-
 лым двором... (верхний сним-
 (Снимок внизу). Диорама «
 переселенца»

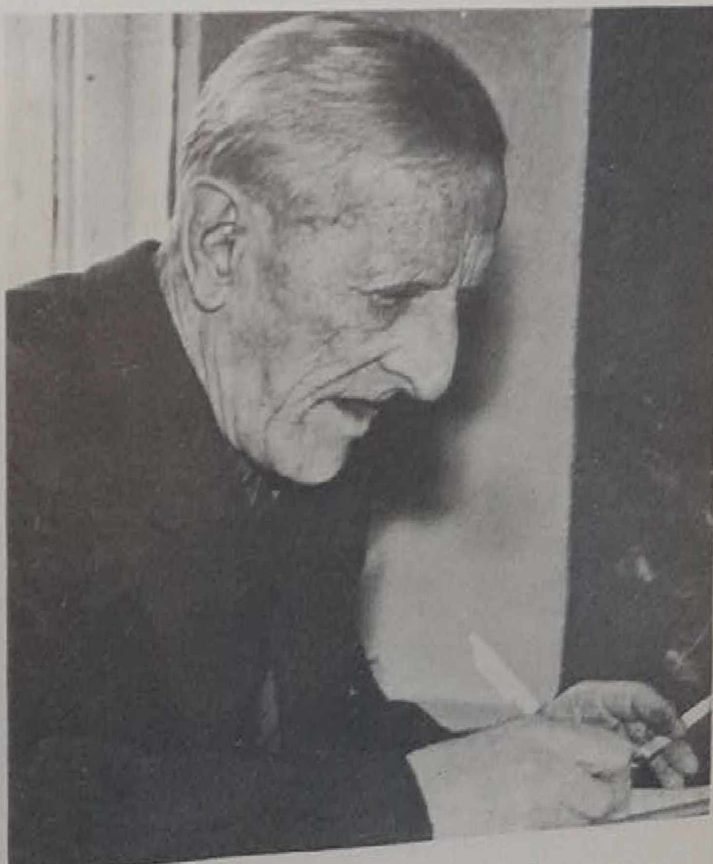
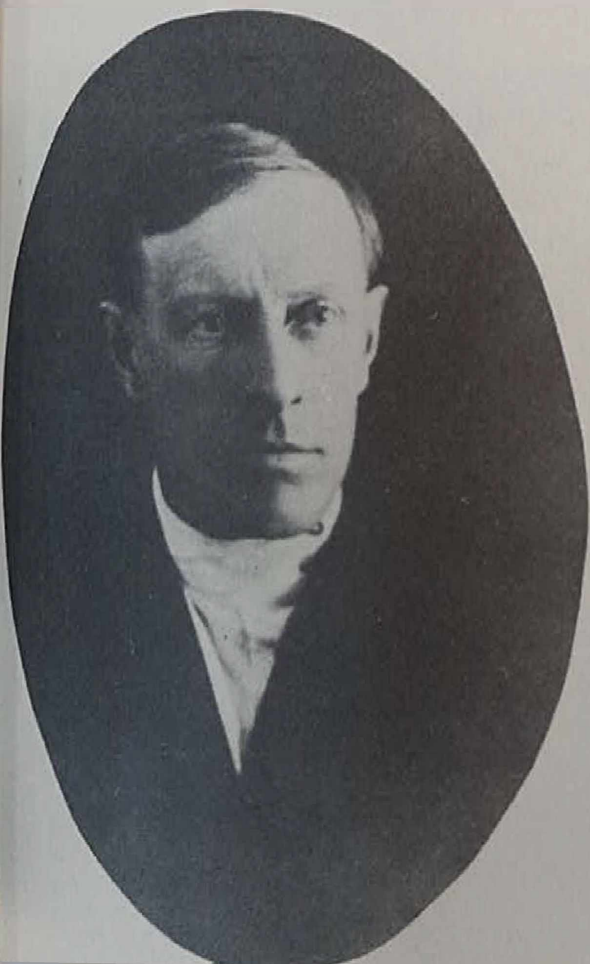

Актив Кузнецкой окружной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции (Кемерово, 1930 г.). В центре второго ряда Ф. И. Александров. К статье М. Сорокина «Хранитель памяти»

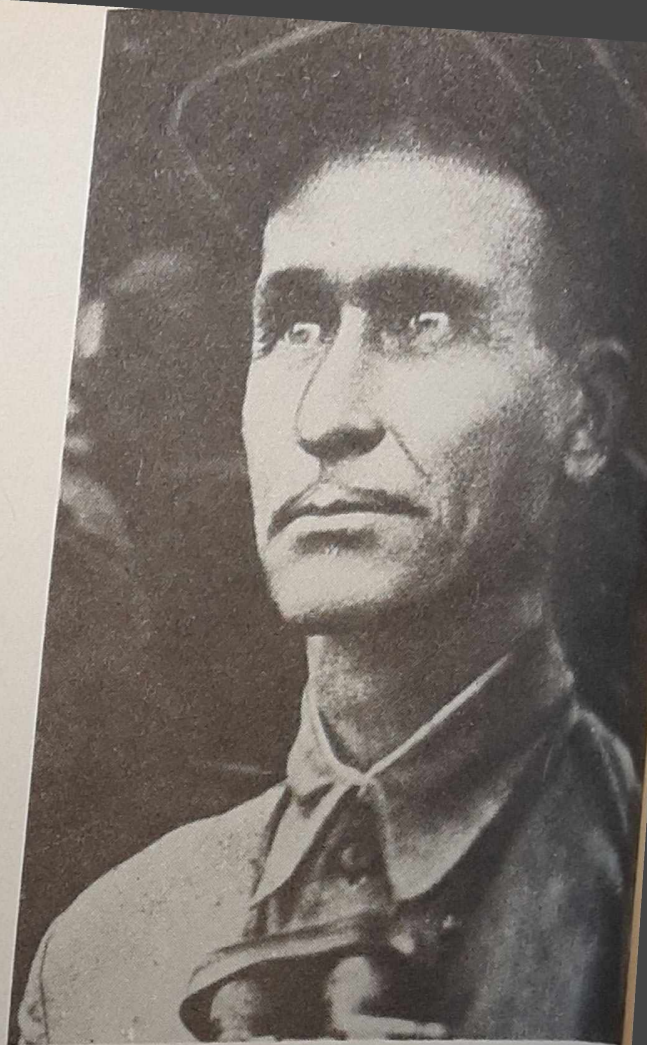
Ф. И. Александров. Фото 1930 г.

Снимок 1975 года

Тимофей Смердин, командир партизанского отряда

Тимофей Феогниевич Путилов-Смердин, командир партизанского отряда, год 1941

Бойцы партизанской бригады «Вперед»

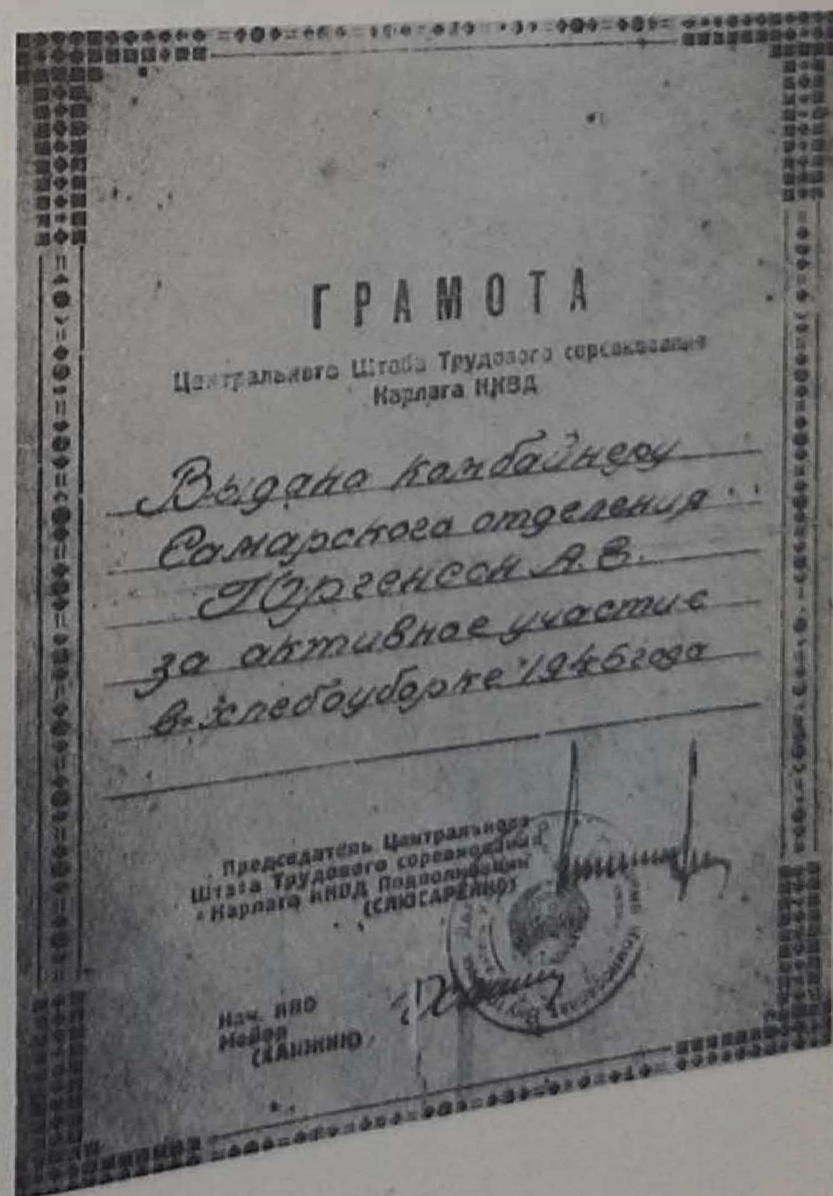

Этот снимок сделан на «целинных землях» Карлага

Фотография Арнольда Юргенсона (1937 год)

Грамота А. Юргенсону, выданная Центральным штабом Трудового соревнования Карлага НКВД

Трудно понять, а еще труднее объяснить. Скорее всего, они стали той вязанкой измороста, которую бросил в жертвенный костер услужливый Лазарь Моисеевич. Обращаясь сегодня к ведомственным документам той поры, невольно ловишь себя на мысли, что прикасаешься к чему-то непотребному, скользкому, гадкому. А что может быть гадче доноса, формы которого оттачивались в те времена до иде-

«Созданная вредителями теория о том, что в условиях Кузбасса невозможно разделение труда и применение стахановских методов,— грозно пишется в приказе от 13 октября 1938 года,— до сих пор не разгромлена. Приказы НКТП 1937 года по трестам... не выполняются и саботаж стахановского движения продолжается». Число мастеров угля уменьшилось с 2651 чел. в январе до 2426 чел. в июле, а мастеров 1-го класса — со 167 чел в январе до 115 чел. в июле. На крупнейшей шахте им. Сталина треста Сталинуголь осталось всего 13 чел. мастеров 1-го класса, из них только 2 забойщика.

Нынешнее руководство трестов и комбината крайне медленно ведет борьбу за ликвидацию последствий вредительства в системах разработок. Хищнические системы (камерно-столбовая, ленты) хотя и уменьшились за 1938 г. с 23,3% до 18,7%, но все же занимают еще большое место, особенно в трестах Прокопьевскуголь и Кагановичуголь».

Кагановичуголь, шахта имени Кагановича, метрополитен имени... каково вписывать свое имя в собственные приказы? Или читать его в сводках и депешах? Наверное, бальзам по душе разливался.

А может, привычка притупила чувства: именами Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича, Ворошилова, Берии пестрела вся страна. Все, что появлялось доброго, кремлевские временщики записывали на свой «исторический» счет, а если где-то что-то срывалось, недоброе случалось, быстро находили стрелочников.

«Проверкой установлено, пишет нарком, что выполнение пункта 7 приказа НКТП № 428 от 13/X 1938 г. о борьбе с подземными пожарами в шахтах Кузбасса сорвано.

Начальник спецконторы комбината Кузбассуголь Перминов для прикрытия бездеятельности конторы представлял ложные сведения о состоянии пожаров...

Приказываю:

1. Начальника спецконторы комбината Кузбассуголь Перминова за срыв выполнения приказа и обман Наркомтопа с работы снять и отдать под суд...

Никто не спорит, за нарушения надо наказывать. Но так ли, как это делал «железный» нарком? А ведь еще до сих пор находятся люди, которые с благоговением вспоминают те времена. Тогда, мол, был настоящий порядок. Тогда, мол, строился настоящий социализм. А что сейчас? «Жизнь наглядно доказывает,— строчит один из бывших,— что практика отступления от испытанных временем партийных методов руководства коммунистическим строительством ни к чему, кроме анархии, не приведет».

По логике таких авторов писем в редакции, нужно опять до предела закрутить гайки, чтобы навести железный порядок везде и во всем. Но ведь мы же строим социализм, и тут не всякий метод пригоден. Долгие годы наше сознание как бы раздваивалось. Мы слышали бодрые марши, зачитывались романами с благополучными финалами, слышали восторженные рассказы ветеранов, но за всем за этим скрывалась какая-то другая правда.

Время все ставит на свои места, и мы начинаем узнавать истинную цену тех грандиозных дел, которыми долгие годы гордились. Мы и сейчас ими гордимся, но на новых путях старые ошибки не должны повторяться.

Социализм — это не пьедестал для памятников.

Социализм — это общество раскрепощенных людей.

«ОСНОВНАЯ ПРОФЕССИЯ — РЕВОЛЮЦИОНЕР»

«Основная профессия — революционер», — так ответил Рафаэл Мовсесович Хитаров на вопрос анкеты Исполкома Коминтерна 10 июня 1925 г. (Центр, партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, личное дело Р. Хитарова, л. 20—21, анкета № 1466).

Как бы подытоживая пройденный путь, Хитаров 3 июля 1937 г., уже находясь на посту второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б), о себе писал:

«За все время пребывания в партии ни-
каким партийным взысканиям не подвергался, ни в каких оппозиционных группировках не участвовал. Чистку 1929 г. не проходил, как член Исполкома Коминтерна, чистку 1934 года проходил в Сталинске — Западно-Сибирского края. Результат — считать проверенным. Замечаний никаких. Награжден орденом Ленина в декабре 1934 г. за постановку партийно-массовой работы при строительстве и освоении Кузнецкого металлургического комбината». (Партийный архив Челябинского обкома КПСС, ф. 288, опись 70, д. 4083).

До этого, 18 июня 1937 года, он писал своему отцу Мовсесу Геворковичу в Тбилиси: «Дорогой папа! Ты, вероятно, узнал уже из газет о моем новом назначении — я избран вторым секретарем Челябинского обкома. Выдвижение большое, и я, конечно, счастлив, что партия оказывает мне такое доверие».

Но не суждено было Хитарову проявить себя на новом посту. После ареста первого секретаря обкома ВКП(б) К. В. Рындина, Раффи Хитаров, заменявший его на этой должности, 11 ноября 1937 года был арестован. На экстренном заседании бю-

ро обкома член КПСС с 1919 года Хитаров был исключен из рядов партии и с работы как «враг народа». Решением бюро было утверждено 12 ноября пленум обкома. 16 ноября аналогичное решение принял пленум Магнитогорского обкома, где он продолжал оставаться секретарем. Вскоре были обезглавлены Челябинская областная и Магнитогорская городская партийные организации. Из членов бюро на свободе остался 1, из членов и кандидатов в члены обкома всего 19. В Магнитогорске были арестованы все секретари горкома, райкомов, в актив — более 80 человек. Таковы были отцовская забота Сталина о кадрах — «о том ценном капитале» и доказательство слов Л. Кагановича: «Товарищ Сталин поставил вопрос о кадрах в широком смысле этого слова. Мы, ближайшие соратники товарища Сталина, видим, с какой любовью он относится не только к молодежи, но и к каждому человеку в отдельности, к каждому рабочему, колхознику (Первое Всесоюзное совещание рабочих-работниц-стахановцев, 14—17 ноября 1935 года. Стен. отчет. М., 1935, с. 189).

Забота «отца народа» не обошла такую семью и родных Хитарова. В ту же ночь 11 ноября 1937 года была арестована сроком на 8 лет сослана на Север жена Раффи — Елена Константиновна, 8 лет находилась в ссылке его сестра Тамара. Был репрессирован ее муж — С. Г. Тимофеев, редактор газеты «Советская Западная Сибирь». В детском приюте оказались его вдовый сын Гога, 4- и 5-летние дочери Лариса и Нателла. Их «поощрили», назначили каждой пособие по 7 руб. 20 коп. в месяц. Через 8 лет трагически погиб Гога, в 1949 году — жена. В 1951 году были арестованы дочери — Лариса, накануне

...ых выпускных экзаменов, и На-
... студентка МВТУ им. Баумана. Они
... сначала на Лубянке, затем в Бу-
... Дзямбулскую область Казахстана.
... они пенсионерки. Здравствует се-
... Раффи — Софья Мовсесовна, извест-
... литературовед, переводчица класси-
... армянской литературы.

... в деле Хитарова, хранящегося в
... Челябинского обкома КПСС, наря-
... бюро обкома партии об его
... как «врага народа», имеется
... о личной проверке Хитарова,
... секретаря Магнитогорского окружного
... ВКП(б)». Любопытны вопросы,
... автором к справке:

1. Известно ли прошлое отца ГОРТУ.
2. С какой партией был связан националь-
... освободительный кружок. 3. Роль это-
... кружка при желто-белых правительст-
... 4. Где и когда принимался в комсо-
... в партию, кто поручился. 5. Почему
... из Закавказья в Германию, а не
... СССР (! — Г. А.). Давала ли и могла ли
... такое бессмысленное разрешение
... организация. 6. За чей счет жил до
... г. 7. За чей счет выехал в
... (НАЧОК КПСС, ф. 288, оп. 70,
... 4088, л. 13).

Очень убедительны были и «доказатель-
... магнитогорских «деятелей», выска-
... на собрании членов бюро и ра-
... аппарата горкома: «Жена мне
... что имеет подозрение о Хитаро-
... так как к нему часто приходили в ка-
... какие-то немцы»; «Многих иност-
... Хитаров сюда тянул, устраивал на
... тир, а потом они оказывались вра-
... народа»; «Однажды на блуминг
... немец и просился на работу.
... что работал в Кузнецке с Хи-
... и тот прислал его». В результате
... оказался не только врагом наро-
... который в 1919 году в большевистском
... меньшевистской Грузии 18-лет-
... вступив в партию Ленина,
... от комсомольского вожака

Тбилиси до секретаря ЦК КСМ Германии,
представителя Исполкома Коминтерна
молодежи в Китае, руководители и иде-
олога Всемирного комсомола — Коммуни-
стического Интернационала Молодежи —
КИМ, генерального секретаря его испол-
кома, члена бюро ЦК ВЛКСМ, члена пре-
зидиума и политического секретариата
Исполкома Коммунистического Интерна-
ционала, секретаря Новокузнецкого гор-
кома, Магнитогорского горкома и окруж-
кома, Челябинского обкома ВКП(б), чле-
на Центральной Контрольной Комиссии
ВКП(б). Будучи одним из признанных и
авторитетных руководителей междунаро-
дного движения коммунистической моло-
дежи, Хитаров был широко популярен в
секциях Коминтерна. Его знали лично и
уважали многие видные революционеры
зарубежных стран, руководители Комин-
терна — Васил Коларов, Георгий Димит-
ров, Сен Катаяма, Бела Кун, Богомир
Шмераль, Вильгельм Пик, Эрнст Тельман,
Вальтер Ульбрихт, Морис Торез, Марсель
Кашен, Уильям Фостер, Гарри Поллит,
Пальмиро Тольятти, Клара Цеткин.

Имя Хитарова было широко известно
по его статьям в центральных газетах и
журналах, по выступлениям на XV, XVI,
XVII съездах партии, V, VIII, IX съездах
ВЛКСМ, пленумах и конференциях, 3, 4,
5 конгрессах КИМ, 6 конгрессе Коминтер-
на, 34 и 35 заседаниями которого он
руководил, первом Всесоюзном совеща-
нии стахановцев...

Это был период, когда наряду с успе-
хами социалистического строительства в
нашем обществе начали утверждаться и
развиваться административно-командная
система управления и культ личности
Сталина, когда свирепствовали массовые
беззакония, репрессии, искажалась исто-
рия, в частности, большевистской пар-
тии. Ближайшее окружение воспеваало оди-
ночку, восхваления «вождю всех времен и всех
народов», «гению и творцу всех побед»,
«гению и творцу первенства поджа-
тила гонка за пальму первенства совеща-
ния стахановцев в декабре 1935 года ими Ста-

лина С. Орджоникидзе назвал 28 раз, А. Микоян — 33, Л. Каганович — 45. На XVII съезде Берия всю историю большевистской организации Закавказья приписал Сталину. Рекорд лести одержал К. Ворошилов. Вот его определение Сталина на совещании стахановцев:

«Нами руководит, нас ведет к новым победам первый маршал Социалистической революции, великий маршал побед на фронтах и гражданской войны и социалистического строительства и укрепления нашей партии, наследник великого Ленина, маршал коммунистического движения всего человечества — наш великий Сталин! Ему, этому маршалу коммунизма, ему, преемнику величайшего из великих людей — Ленина, ему, который из дня в день показывает нам всем лучшие образцы большевистской работы, ему, Сталину, который как никто другой знает, что нужно делать сегодня, чтобы победить и завтра и навсегда, наше пролетарское Ура!» (Первое всесоюзное совещание рабочих и рабочих-стахановцев. Стен. отчет. М., 1935, с. 355).

Хитаров был на этот счет иного мнения. Ни в одном из вышеупомянутых выступлений и докладов Раффи оды Сталину не воспевал.

Скудна и статистика упоминания имени Сталина. На XVII съезде — два раза, на съезде стахановцев — 2 раза. А это уже диссонанс общему духу. Не мог Сталин и его окружение этого не заметить, не взять «на учет». Тем более, что многие из этих выступлений происходили в их присутствии. Не могли они не заметить и другое — его глубокую любовь к Ленину, уважения ленинской гвардии. «Наша сила состоит в том, что нами руководит старая гвардия большевизма», — говорил Хитаров на 5 конгрессе КИМ. Изучение литературного наследия Хитарова показывает, что источником его силы явилось мощное марксистско-ленинское учение, а его постоянным советником и любимым учителем был Владимир Ильич Ленин, «величайший и мудрейший вождь проле-

тариата, своей деятельностью открывающую новую эпоху в истории человечества, эпоху непосредственной борьбы за социализм». Он призывал молодежь за своим достоянием ленинское идейное наследие, воспитывать себя в духе Ленина, хорошо понимая, что «жизнь и учение Ленина представляют собой единое целое, являя пример невиданной в истории человечества целеустремленности и верности в борьбе». (Под знаменем Ленина и Либкнехта. — Интернационал молодежи, 1930, № 1).

Родился Раффи в селе Тионети бывшей Тифлисской губернии 28 декабря 1901 года в семье Мовсеса Геворковича Хитарова, имевшего в Тифлисе контору по купке и поставке шерсти. В семье было 6 детей, он был вторым. В 1914 году мать Хитаровых переехала в Тифлис, и Раффи уже учился в первой мужской гимназии. Осенью 1916 года он становится членом кружка, объединяющего учеников-армян тифлисских гимназий. Кружок первоначально имел целью содействовать освобождению родного народа от турецкого деспотизма, а также развитию национальной культуры. С этой целью изучал армянский язык, история, литература издавался подпольный журнал на армянском и русском языках. Впоследствии судьбе кружка решающую роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая, по словам Хитарова, «вдохнула в наш кружок совершенно новую жизнь. Он начал быстро леветь и интернационализироваться, расширил свой состав, тогда большинство из них поступило в Коммунистическую партию».

Хитаров стал активным функционером Тифлисского комитета комсомола. Он работал пропагандистом, был членом райкома и горкома комсомола, затем председателем Тифлисского комитета.

По свидетельству современников, первый гимназист, любимец молодежи, обладал неукротимой энергией и большим личным обаянием, умением сплотить молодежь, превосходными моральными

чествам. Раффи выделялся среди своих сверстников отзывчивостью и добротой. Известен случай, когда он выхлопотал у отца деньги и внес их в фонд пострадавших от землетрясения. Любопытен и дружелюбный факт. По его настоянию отец учредил шесть школьных стипендий для детей неимущих родителей и взял на себя расходы по их образованию. В юности Раффи проявил стойкость, выдержку и настойчивость в достижении цели. Эти качества складывались и в учебе. В то время он увлекался музыкой, играл на скрипке, любил и шахматы, больше всего увлекался теорией шахматной игры, в которой проявились его незаурядные способности. Изучал он и языки, в том числе немецкий.

В доме Хитаровых молодые коммунисты изучали произведения Маркса и Ленина, Чернышевского и Добролюбова, знакомились с партийной литературой. Они готовились к решительным схваткам с меньшевистским правительством, записывались в ряды «Красной гвардии молодых коммунистов». За участие в первомайской демонстрации около ста человек, в том числе и Хитаров, были арестованы. Второй раз он был арестован в августе 1920 года и как «инородец» выслан за пределы Грузии. Меншевистская власть разрешила ему уехать куда угодно, только не в Советскую Россию. И вот Хитаров, по решению Тифлисской партийной организации, в ноябре 1920 года направляется в Германию. Перед отъездом он писал своим сестрам о своих целях, идее, которой себя посвятил: «Идея эта и дело это — освобождение, и материальное и духовное освобождение людей от тех оков, которые опутывают их со всех сторон и которые делают нашу жизнь жестокой, несправедливой, грязной, нехорошей».

Узнав об установлении в Грузии Советской власти, он из Рурской области, где работал на шахте, вернулся в Тифлис, включился в комсомольскую работу, руководил инструкторским отделом ЦК РСМ Грузии, активно участвовал в под-

готовке и проведении совещания представителей комсомольских организаций Абхазии, Азербайджана, Армении, Горской республики, Грузии, Александрополя, Баку, Тифлиса и Кавказского крайкома РСМ (Тбилиси, 15—18 июля 1921 г.) и первого съезда комсомола Кавказа (Баку, 1—7 сентября 1921 г.). На совещании с докладом выступил С. Орджоникидзе, на съезде — С. Киров. Хитаров был избран в первый состав крайкома. Он был избран также делегатом на 4 съезд РСМ.

В ноябре 1921 года Раффи Хитаров с мандатом Исполкома КИМ был направлен в Германию. Здесь Хитаров, он же Рудольф Марти, он же Мартин Клоковски, в первое время работал шахтером в индустриальном центре Рура — Эссене. Вскоре был избран секретарем Рурского и Рейнского обкомов комсомола. На VII (март 1923 г.) и VIII (май 1924 г.) съездах комсомола Германии был избран членом ЦК и его организационным секретарем. Вместе с вожаками комсомола под руководством вождя германского рабочего класса Эрнста Тельмана Хитаров проделал огромную работу для сплочения революционной рабочей молодежи Германии вокруг Коммунистической партии и Коммунистического Интернационала.

Разъясняя тактику Коминтерна по большевизации коммунистических партий и коммунистических союзов, Хитаров писал: «Тезисы о большевизации устанавливают неразрывную связь между марксизмом и ленинизмом», тот факт, что ленинизм является учением о революции для пролетариата всех стран, а не только специфически «русским явлением». (От II до V конгресса КИМ. М., 1931).

В составе делегации комсомола Германии Хитаров принимает участие в работах III конгресса Коминтерна молодежи (выступил с речью) и IV конгресса Коминтерна (ноябрь—декабрь 1922 г.), на котором с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» выступил Ленин. Доклад Ленина

и телеграммы III конгресса КИМ имели основополагающее значение в дальнейшем развертывании коммунистического движения молодежи. «Надеюсь, что несмотря на высокое звание, — писал Ленин, — вы не забудете самое главное — необходимо-сти деловым образом двигать вперед подготовку молодежи к учению». (В. И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 317). К этим ленинским мыслям Хитаров обращался часто. «Приходится констатировать, что многие наши товарищи, к сожалению, забыли это ленинское указание, — говорил он на XVI съезде ВКП(б) (Стен. отчет. М., Л., 1931, с. 459). И еще «Забвение ленинских заветов о том, что необходимо деловым образом работать над революционной подготовкой трудящейся молодежи и ее революционным участием ведет к отрыву от масс, к сектантству в рядах КИМ. (IX съезд ВЛКСМ. Стен. отчет., М., 1931, с. 224).

О его делах красноречиво говорят немецкие соратники и друзья Рудольфа, как называли Раффи в Германии.

Эрих Гюнтер был секретарем ЦК комсомола Германии, членом секретариата ИК КИМ, после разгрома фашизма — послом ГДР в Египте и Польше.

«В 1921 г. по заданию КИМ Хитаров приехал в Германию. ЦК направил его в Рурскую область, где он работал несколько месяцев на каменноугольной шахте и помогал нашему областному руководству в Эссене. Именно здесь он и получил прозвище Рудольф, которое осталось за ним на все время, пока он работал в КСМГ и КИМ. В ноябре 1922 г. мы направили Рудольфа в Берлин для усиления работы ЦК. Он был фактически членом ЦК, который состоял тогда из семи человек. Рудольф, когда приехал к нам, уже владел немецким языком достаточно хорошо, а позднее настолько превосходно, что никто не подозревал в нем иностранца — он был армянином, родился в Грузии. Ему даже доставляло удовольствие подражать различным диалектам немецкого языка, среди которых особенно хорошо знал бер-

линский. В нашем ЦК Рудольф занимал достойное место. Он был общительным, жизнерадостным, внимательным, умным и образованным человеком, обладал чувством юмора и умел делать «настроения».

Самой ценной заслугой Рудольфа являлась его инициатива — применение немецком союзе коммунистической молодежи новой организационной формы. Опираясь на опыт РКСМ и свое знание приобретенное в Рурской области, он напряженно работал по созданию фабрично-заводских ячеек. По этому вопросу в нашем ЦК расходились мнения. Рудольф принес нам ленинский лозунг «Каждый завод — наша крепость!»

Рудольф играл важную роль в преодолении ультралевых течений, господствовавшего в 1924—1925 гг. в партии и Молодежном союзе, а также в ленинском воспитании молодых коммунистов.

Смерть Рудольфа для меня также являлась тяжелой потерей, особенно потому, что я и моя жена считали его членом нашей семьи. Когда 4 января 1923 г. родился мой сын, мы назвали его Рудольфом (так звали Хитарова в Германии), а в семье его называли Раффи. Хитаров очень любил его. Сын принял советское подданство. Он погиб в Польше при выполнении задания советского командования. Немецко-советская дружба молодежи нашла свое прекрасное воплощение в Хитарове (Рудольфе), который приехал в Германию, чтобы помочь нам, и в Раффи — моем сыне Рудольфе, который будущим немцем отдал жизнь за новое свое отечество — Советский Союз».

Бывший генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Мильчаков в своих воспоминаниях рассказывает о дружбе Хитарова с Эрнстом Тельманом, которая продолжалась и тогда, когда Хитаров окончательно переехал в Москву и стал генеральным секретарем Исполкома КИМа. В дни VI конгресса Коминтерна и V конгресса КИМа их не раз видели вместе. Рафаэл был одним из самых убежденных и энергичных помощников Тель-

мана по созданию «Рот-Фронта» — союза красных фронтовиков и его молодежного резерва «Ротер-Юнгштурм».

Спустя два месяца после этой встречи поступил вызов из Коминтерна молодежи, и Хитаров переехал в Москву.

А до этого, 24 мая 1925 года в Магдебурге состоялась общегородская конференция комсомола, на которой Хитаров был избран почетным комсомольцем Германии.

25 августа 1925 года на пленарном заседании ИК КИМ Хитаров был избран в состав секретариата и президиума, утвержден заведующим оргинструкторским отделом Исполкома. По решению ЦК РКСМ он утверждается также заместителем председателя делегации РКСМ в ИК КИМ, в состав которой входили генеральный секретарь ЦК РЛКСМ Александр Чаплин, секретарь ЦК Александр Миличаков, Александр Косарев, главный редактор журнала «Интернационал молодежи» Амаяк Вартанян. Председателем был Бесо Ломинадзе, затем Лазарь Шацкин.

На протяжении всей своей деятельности в Коминтерне молодежи с присущей ему страстью Хитаров пропагандировал ленинские идеи, проявлял ленинский подход к фактам и событиям, насаждал ленинский стиль работы всюду, где только приходилось действовать, — в Германии, Франции, в Скандинавских странах, в Китае.

По направлению Исполкома Коминтерна молодежи Хитаров прибыл в Китай в апреле 1927 года, где прожил восемь месяцев. Познакомившись в Ухани — центре революции — с деятельностью компартии и комсомола, с обстановкой, в которой протекала борьба революционных и контрреволюционных сил, Хитаров посетил также занятые силами контрреволюции провинции на юге и севере страны — Шанхай, Кантон, Нанкин, Гонконг, помог комсомолу Китая выработать новую тактическую линию применительно к новым условиям, бороться как с ликвидатор-

ством, так и с авангардизмом, создавать наряду с нелегальным — легальный аппарат.

Выступая на XV съезде ВКП(б), Хитаров выразил веру, что «В Китае мы можем ожидать совершенно нового оборота событий. Не подлежит сомнению, что в недалеком будущем мы будем иметь новый взлет китайской революции. Недалеко то время, когда снова Красный флаг будет развеваться над китайской территорией, на этот раз флаг подлинно рабоче-крестьянской революции». (XV съезд ВКП(б), стеног. отчет, с. 697).

К XV съезду ВКП(б) уже началось формирование механизма культа личности Сталина. На съезде Сталиным была политически уничтожена первая группа деятелей, в которых он видел соперников в борьбе за лидерство в партии. В 1926 году был снят с поста, затем исключен из партии председатель Коминтерна Г. Зиновьев. Вскоре был заклеен как лидер «правого уклона» Н. Бухарин — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, член Политбюро, редактор газеты «Правда». А. Хитаров, выступая на VI всемирном конгрессе Коминтерна 26 июля 1928 года, заявил: «Делегация Коминтерна молодежи поручила мне заявить, что мы целиком и полностью солидарны как с линией Коминтерна в прошлом, так и с тезисами, предложенными т. Бухариным на этом конгрессе. Вы знаете, что Коммунистический Интернационал Молодежи, его секции всегда были одним из самых верных опор Коминтерна. Мы надеемся, что и в будущем выполним нашу роль». (Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. 1929, вып. 1, с. 351).

С уважением говорил он и о Рыкове и Томском — других лидерах «правого уклона». «Такие люди, как Рыков и Томский, имеют удельный вес для партии. В лице этих товарищей партия накопила определенный политический капитал, и надо стараться спасти этот капитал, насколько это возможно», — говорил он на пленуме ИК КИМ 30 ноября 1929 года.

До этого, в июле 1928 года, на VIII съезде ВЛКСМ Хитаров уже был утвержден председателем делегации ВЛКСМ в Исполкоме КИМ, избран членом ЦК и его бюро. На пленуме Исполкома КИМ он был избран генеральным секретарем исполкома КИМ. На VI конгрессе Коминтерна был избран членом президиума конгресса, входил в комиссии по выработке резолюций по отчетному докладу и по разработке проекта программы Коминтерна. 27-летний Хитаров был избран на конгрессе членом Исполкома Коминтерна, куда входили 59 видных деятелей коммунистических партий 43 стран. ВКП(б) представляли Бухарин, Лозовский, Мануильский, Молотов, Пятацкий, Рыков, Скрипник, Сталин. Как для члена президиума и политического секретариата Исполкома Коминтерна перед Хитаровым открывались широкие перспективы международной работы. Его талант с новой силой проявился на V конгрессе КИМ (20 августа — 18 сентября 1928 г., Москва), на котором выступил с политическим отчетом и заключительным словом. Конгресс приветствовали Н. Бухарин, Н. Крупская, М. Торез, М. Кашен, А. Косарев. Форум мирового комсомола принял целиком политическую линию VI конгресса Коминтерна, заверил «ленинский Коминтерн в своей непоколебимой верности его линии и принципам».

На посту генерального секретаря ИК КИМ Хитаров проявил себя как коммунист, беззаветно преданный идеям Ленина, делу революции, как руководитель ленинской школы, пламенный трибун и стойкий борец за социализм, идеолог мирового комсомола. Он проявил и свою беззаветную любовь к Стране Советов.

Выступая против тех, которые отрицают необходимость политической активности молодежи, Хитаров обратился к письмам Ленина С. Гусеву и А. Богданову, написанных в январе 1905 года, указав, что то, о чем говорит Ленин в этих письмах, «должно быть основной истиной для нас, для нашей деятельности». (Год борь-

бы, 1929, с. 2—3). И еще: «Письма Ленина — хороший ответ тем товарищам, которые еще сомневаются в необходимости политической работы комсомола». (Х пленум ЦК Коминтерна, 1929, с. 110—111).

Ленинские мысли легли и в основу доклада Хитарова на IX съезде ВЛКСМ 22 января 1931 года, в обсуждении которого участвовало 29 делегатов.

Однако не всем делегатам был по душе доклад Хитарова. Представитель ленинградской делегации заявил, что «большинство ленинградской делегации докладом т. Хитарова не совсем удовлетворено».

И вот почему: «Все установки правых теории Бухарина об организованном капитализме разбиты вдребезги. Оказалось непоколебимо верным тот прогноз, который был дан Коминтерном и товарищем Сталиным». (IX съезд ВЛКСМ. Стен. отчет, М., 1931, с. 266). В докладе Хитарова дирижировать Сталину не было.

Более того, в научном исследовании «От II до V конгресса КИМ», изданном после съезда комсомола (М., 1931, 159—160), он писал: «Вся работа V конгресса КИМ проходила под знаком решений, которые были приняты VI конгрессом Коминтерна, доклад об итогах которого был сделан Бухариным, VI конгресс констатировал начало нового — третьего периода развития послевоенного капитализма. Конгресс КИМ единогласно присоединился к решениям конгресса Коминтерна».

«Промахи» Хитарова не остались немеченными. Через два месяца после съезда он был освобожден от работы в полкоме КИМ. По решению ЦК ВКП(б) Хитаров был направлен на партийную работу в Западно-Сибирский край Кузнецк, где образовался серьезный пробел в массово-политической работе, в исполнении государственных планов. В июле 1931 года был избран новый секретарь Новокузнецкого райкома (вскоре его сменил на посту член ЦК ВКП(б) Хитаров).

Наряду с начальником строитель-

старым большевиком С. М. Франкфуртом, главным инженером академиком И. П. Бардиным и другими знатыми людьми Хитаров вскоре стал одним из признанных руководителей металлургического гиганта, душой его строительства. Современники Хитарова считали его человеком большого творческого темперамента. Его не занимали «мелочи» собственной жизни, казалось, для него они вообще не существовали. Внимание его целиком поглощено было интересами строительства комбината. Хитаров жил жизнью многотысячного коллектива, гордился его успехами и не впадал в уныние, когда появлялись «узкие места». Он уделял много внимания строительству культурно-бытовых объектов, улучшению жилищных условий рабочих, развитию сети клубов и превращению их в место подлинного отдыха строителей.

А. И. Митрофанов, направленный в то время по путевке ЦК ВКП(б) на партийную работу в Кузнецкстрой, впоследствии писал о Хитарове:

«Хитаров — весьма одаренный человек, опытный партийный руководитель. За четыре года работы в Новокузнецке он много сделал для укрепления партийной организации, мобилизации усилий коллектива Кузнецкстроя на борьбу за большевистские темпы строительства и освоение завода. Его глубоко уважали не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные рабочие, инженеры и техники, в том числе и такие крупные специалисты, как академик Иван Павлович Бардин». (Вопросы истории КПСС, 1965, № 1, с. 190).

Любовь и уважение коммунистов и всего коллектива к Хитарову особенно проявились во время чистки партийных рядов. А чистку первый секретарь горкома проходил на открытом партийном собрании партийной организации мартеновского цеха, где он состоял на партийном учете.

Имена С. М. Франкфурта, И. П. Бардина, Р. М. Хитарова, награжденных в

1934 году орденом Ленина, выбиты на мемориальной доске на здании Кузнецкого металлургического комбината. Именем Хитарова назван один из красивейших проспектов города.

В начале января 1935 года ЦК ВКП(б) рекомендовал Хитарова на пост секретаря Магнитогорского городского и окружного комитетов партии. Прибыв в Магнитогорск, он вскоре стал душой партийно-политической и производственной жизни индустриального центра Урала. Наряду с начальником металлургического комбината А. П. Завенягиным, главным инженером комбината И. И. Коробовым и другими командирами производства и специалистами, Хитаров с присущей ему настойчивостью и здесь добился повышения темпов работ по созданию магнитогорского центра Урало-Кузбасского комбината. «Жить и работать здесь особенно радостно и почетно, — писал Хитаров. — Годами напряженной работы созданы уже мощные кадры магнитогорцев, эксплуатационников и строителей комбината, работников наших городских предприятий, школ и учреждений, железнодорожного транспорта — постоянных и почетных жителей нашего города».

Такая оценка партийного руководителя была своеобразной реабилитацией деятельности бывшего первого секретаря горкома Бесо Ломинадзе, который незадолго до этого застрелился, был объявлен врагом народа.

Проявив образцы гражданской честности и смелости, на бюро горкома партии он препятствовал исключению из партии тех, кого первичные организации обвиняли «в принадлежности в прошлом к троцкистской оппозиции», «в связи с кулаком-отцом», «в поддержке отношений с мужем — активным контрреволюционером, троцкистом», «за антипартийные разговоры».

Доверие и авторитет, которыми он пользовался, не вскружили ему голову. Он был по-прежнему тесно связан с массами, советовался с рабочими, партийным акти-

вом, инженерно-техническим персоналом. Большое внимание уделял он работе среди женщин и молодежи, вопросам организации быта, отдыха людей, строительства жилых домов, детских дошкольных учреждений, больниц, поликлиник, кинотеатров, клубов, новых улиц и шоссе дорог.

Коммунисты верили Хитарову, чувствовали его заботу о людях, кадрах, его стремление спасти невинных от грозившей гибели. «Среди исключенных из партии есть люди, которые хотят остаться близкими к партии и добросовестно работают. Как советские граждане, им мы в этом деле не должны препятствовать, а помогать», — говорил Хитаров 16 декабря 1936 года в докладе об итогах VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, делегатом которого он был.

Хитаров уделял большое внимание вопросам политической агитации и пропаганды идей марксизма-ленинизма, использованию в воспитательной работе художественной литературы. Она «действует не только на ум, но и на чувства», обогащает язык и расширяет горизонт агитаторов», — считал Хитаров, будучи именно таким агитатором. Известны его глубокий и основательный доклад на собрании партийно-комсомольского актива Магнитогорска, которое было посвящено 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, его обширные статьи в местной прессе, посвященные творчеству Пушкина, Маяковского. Хитаров — инициатор присвоения имени Пушкина театру рабочей молодежи, одной из лучших улиц, школе, библиотеке города.

Неизменно скромный и в то же время волевой, глубоко интеллигентный и высокообразованный партийный руководитель, он не знал ни страха, ни колебаний.

Взгляд его постоянно был устремлен вперед, в будущее.

Своевременно звучат его принципы перестройки партийной работы, изложенные в 1936 году. «Самокритика как основной метод означает действительную связь с массами, это исключает отчужденный подход к людям, формальное отношение к делу. Ведь нельзя все говорить о перестройке, если не обеспечено это первое, главное условие всей нашей партийной работы. Второе, что надо сказать в отношении перестройки, это то, что политическая, воспитательная работа должна быть на первом плане. Третье требование перестройки — правильная расстановка людей, их правильное использование» («Советская культура», 20 ноября 1988 г.).

Безграничная вера в идеи Ленина, социализма, Советской власти чувствовалась в каждом его конкретном деле, во вседневной практике.

Однако «терпение» Сталина лопнуло. Хитаров, как автор «гнилой, антибольшевистской, антипартийной теории» о том, что в Магнитогорске нет врагов народа, был «разоблачен», а затем уничтожен. Имя его было предано забвению.

В декабре 1981 года Рафаэлу Мовсисовичу Хитарову исполнилось бы восемьдесят лет. Юбилей не был отмечен ни партийными, ни советскими органами, ЦК ВЛКСМ. Международная деятельность, кипучая работа Хитарова в Сибири, на Урале не удостоились внимания бывших руководящих работников республики. Ответ был лаконичным: «В Армении он не работал». И это было большой несправедливостью к имени верного ленинца-большевика, выдающегося интернационалиста и патриота.

ОДИССЕЯ АРНОЛЬДА ЮРГЕНСОНА

В один из декабрьских дней 1937-го печальной памяти года на территории гурьевской дробильной фабрики (она входила в систему Кузнецкого металлургического комбината, поставляла ему известняк) появился милиционер. Он решительно распахнул дверь крохотной конторки, предъявил мастеру Ивану Мульченко документ, велел позвать со смены Юргенсона, машиниста дробильной установки.

Через несколько минут перед ними предстал молоденький паренек. Видно было, что бриться ему еще не довелось.

«Ну и контрреволюционеры нынче пошли!» — подумал блюститель порядка. Однако удивления своего не показал и сухо бросил:

— Вызывают в милицию, собирайся!

По дороге зашли за документами. Арнольд с матерью и сестрой жил в землянке. Натальи Петровны дома не оказалось. Евдокия Гарченко, соседка, увидев парня с милиционером, забеспокоилась, заподозрила неладное. Лишь с месяц назад, вот так же, прямо со смены, забрали ее мужа, кузнеца механического цеха. С тех пор как в воду канул.

— Хлеба не забудь взять, сынок! — крикнула женщина.

Аресты в гурьевском районе продолжались уже не первый месяц. Со всех его концов, из отдаленных, глухих деревень, с рудников и таежных приисков, из Салаира, Гурьевска все везли новых арестантов. Арнольд Юргенсон — один из оставшихся в живых свидетелей тех драматических событий.

Камеры были забиты до предела. Уже не помещать задержанных было некуда. Решили использовать конюшню райотдела милиции. А на дворе был декабрь.

Как и большинству арестованных, семнадцатилетнему рабочему парню предъявили обвинение в контрреволюционной

деятельности. Что это за отец с матерью, что воспитали у сына ненависть к власти рабочих и крестьян?

Отец Арнольда, эстонец по национальности, бывший балтийский матрос. За участие в революции 1905 года был сослан в Сибирь. Почти двенадцать лет томился в печально знаменитом Александровском центральном. Февральскую буржуазно-демократическую революцию встретил в кандалах.

Эдуард Юргенсон — крупный, неунывающий и башковитый мужик, был из той породы людей, которым не страшны любые жизненные передряги.

Жители алтайской деревни Ваничкиной, что в Сорокинском районе, на сельском сходе, в ответ на просьбу о приселении, задали Юргенсону вопрос:

— У тебя-то что есть?

Эдуард Карлович подумал и с достоинством ответил:

— Жена и двое детей. — И показал собравшимся свои большие рабочие руки, легко постучал пальцем в висок и не без гордости добавил: — Есть еще голова.

Собравшимся ответ явно пришелся по душе.

Не нахлебником-иждивенцем, мастером-умельцем явился в алтайскую деревню эстонец. Дело было в 1923 году. В ту пору повсюду в Сибири бездействовало много заброшенных мельниц.

— Дайте мне мельницу-развалюху, — обратился к жителям деревни Эдуард Карлович. — Я ее отремонтирую, налажу и пущу. Вы будете с мукой. А чуть обживусь, стану на ноги — выкуплю мельницу у общества.

В 1918-м суматошном году Юргенсон женился. Избранница его, Наталья Эрец, дочь питерского рабочего, сосланного за революционную деятельность в Сибирь, была много моложе своего суженого. Чув-

ствовать себя в замужестве надежно, как за каменной стеной, женщина могла лишь в том случае, если муж ее — надежный опора.

Арнольду едва исполнилось двенадцать, когда отца не стало. Память о нем до сих пор живет в его сердце неистребимо. Эдуард Карлович был человеком высоких моральных качеств. Мне рассказывал Юргенсов-младший:

— Я никогда не видел отца пьяным. Он не обижал мать. Это был очень добрый человек, готовый поделиться с ближним последним куском.

Кстати, любовь к технике у Арнольда Эдуардовича тоже от отца. Ни минуты не просиживал Эдуард Карлович без дела: всегда что-то мастерил, слесарил, плотничал. Навыки свои, естественно, старался передать сыну.

— В раннем детстве, — рассказывает Арнольд Эдуардович, — я смастерил pedalный автомобиль. Отец лишь помог выгнуть ось.

У Арнольда рано обнаружились немалые способности к музыке. Лет с пяти он выучился играть на гармошке. Старенькую гармошку, как драгоценную реликвию, хранит Арнольд Эдуардович по сей день. Правда, с нею соседствуют сегодня три баяна. Тяжко бывает иногда на душе: после пережитого — не нервы, жалкие лохмотья. Берет в такие минуты старый комбайнер в руки баян, льется задушевная мелодия... И вроде бы тяжелое забывается.

В Гурьевск Юргенсоны приехали с Алтая в памятном 1929 году.

Эдуард Карлович устроился в артель «Красный флаг», нашел для себя привычную работу. Ему поручили давно заброшенную мельницу купца Аксенова, а в 1932 году отца в семье не стало. Наталья Петровна до сих пор хранит свидетельство о смерти мужа, заверенное круглой гербовой печатью. Здесь обозначена и причина смерти — брюшной тиф.

Супруги прожили совместно четырнадцать счастливых лет. Мать Арнольда —

ровесница нашего века. Ныне ей почти 90-й год. Живет от сына отдельно, управляет с небольшим хозяйством самостоятельно. Даже вскопать огород не позволяет. А огород у Натальи Петровны немалый — восемь соток. Огородник-милец всегда был предметом особой заботы у сибирячек.

Несколько дней спустя после ареста Арнольда Юргенсона доставили в тюрьму Ленинска-Кузнецкого. Здесь, как и в других городах Кузнецкого округа, работала большая группа следователей, недавних выпускников спецшкол. Тщательно инструктированные, они вели дело напористо. Времени им отвели мало, поэтому торопились изрядно.

Молодой краснорожий крепыш, затннутый в новую портупею, буквально ошеломил нелепыми чудовищными вопросами:

— Куда припрятали пулеметы? Зачем ездил на эстонскую границу? Сознавшись кто с тобой готовил взрыв моста?

— Дяденька следователь, — потеряв лепетал паренек, — неправда все это. Я какой я не диверсант. Я — комсомолец. Из Гурьевска никогда не выезжал. Взрывчаткой никогда не имел дела. Армии еще не служил. Как же я мог готовить взрыв моста?

Следователей истина мало интересовала. Центр торопил, требовал доказательств, что зинovieвцы и бухаринцы опутали страну густой сетью террористических шпионских банд.

Что касается показаний, то их сочили, признания — выколачивали. В показаниях для Юргенсона показаний пришло, что он со своими сообщниками готовил взрыв гурьевского моста, «лишить домны Кузнецкого комбината известняка». Кроме того, ему инкриминировались: участие в подготовке вооруженного восстания, шпионаж, террор, диверсионная деятельность — страшная статья с целым букетом ее подпунктов.

вторым, четвертым, шестым, девятым, одиннадцатым.

Двадцать лет спустя, уже после XX съезда партии, из Москвы придет официальная бумага с гербовой печатью начальника секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР полковника юстиции И. Полюцкого. Она подтвердила, что постановление от 16 января 1938 года в отношении Юргенсона А. Э. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Юргенсон А. Э. по данному делу реабилитирован.

Однако до того благословенного дня реабилитации нужно было еще дожить, пройти тернистой дорогой сквозь ад сталинских тюремных этапов, бесконечных пересылок и лагерей.

Память, память, что только она способна творить с нами. Мысленно Арнольд Юргенсон часто возвращается в те холодные, январские дни 1938 года.

Новый 1938 год в тюрьмах Кемерово, Сталинска, Мариинска, Ленинска-Кузнецкого встретили десятки тысяч людей. Большинство из них обвинялись в преступлениях против своего народа и рабоче-крестьянского государства.

12 декабря в камеру привели инженера-железнодорожника. В Кузбасс он приехал из Ленинграда. Его арестовали на выборах, сразу же после голосования, впоныхах забыли забрать у него партбилет. Так оказался он в тюрьме с партбилетом. Однажды после очередного допроса железнодорожник возвратился с перебитыми пальцами рук.

В тюремной камере молодой гурьянин встретил старого большевика. Человек этот был буквально истерзан пытками, с великим трудом двигался. Он объявил следователям, что на допросы больше не пойдет, не глядя подпишет любые показания. Так он и поступил на глазах у сокамерников.

В тюрьме Юргенсану исполнилось восемнадцать. Теперь-то его могли судить как взрослого. Как себя вести? Подписывать ли показания?

Смушал партработник из Промышленной. Больше года его таскали на допросы, однако сломить не могли.

— Не подписывайте эти грязные листки! — убеждал он товарищей. — Это чудовищная провокация! Они еще за это поплатятся. Вот увидите, узнают в Москве, в ЦК партии, воздадут мучителям должное.

Кому верить? Как себя вести? Подписывать себе смертный приговор или отказаться наотрез? Подобные вопросы в те дни терзали не только Юргенсона. И он держался молодцом. Как только не ломали его на допросах! Лежачего били ногами в живот, наганями проломали голову. Так ничего и не добившись, бросили в подвал.

Седовласый чекист добрым словом буквально за считанные минуты добился того, чего трем дюжим молодцам не удалось за несколько суток.

— Подпиши, хлопчик, — тихо произнес он. — Так надо. Ты молодой. Дадут тебе десять лет — отсидишь... А эти гориллы тебя убьют.

Он приказал принести горячего супа, чаю, досыта накормил строптивца. Вот так, не мытьем, так катаньем, у кого пытками выколачивали, у кого хитростью выжимались подписи под показаниями. Многих валяла наповал эта неотражимая логика — так надо.

В середине января стали формировать этап. В одном из тупиков станции Кольчугино стоял эшелон из товарных вагонов. Охраняли его стрелки с овчарками. Погрузка длилась трое суток. Вагоны не отапливались, многие из заключенных были в легкой одежде: сколько обморозились, даже погибали от холода еще до отправки, трудно сказать.

На станции Топки состав простоял несколько суток. Еще перед отправкой в Ленинске-Кузнецком заключенным дали по две селедки и по булке хлеба. Воды в вагонах не было. Скоро над путями повис истощенный вопль: «Пить! Дайте пить!»

На шум начал сходиться народ. Люди

вторым, четвертым, шестым, девятым, одиннадцатым.

Двадцать лет спустя, уже после XX съезда партии, из Москвы придет официальная бумага с гербовой печатью начальника секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР полковника юстиции И. Полюцкого. Она подтвердила, что постановление от 16 января 1938 года в отношении Юргенсона А. Э. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Юргенсон А. Э. по данному делу реабилитирован.

Однако до того благословенного дня реабилитации нужно было еще дожить, пройти тернистой дорогой сквозь ад сталинских тюремных этапов, бесконечных пересылок и лагерей.

Память, память, что только она способна творить с нами. Мысленно Арнольд Юргенсон часто возвращается в те холодные, январские дни 1938 года.

Новый 1938 год в тюрьмах Кемерова, Сталинска, Мариинска, Ленинска-Кузнецкого встретили десятки тысяч людей. Большинство из них обвинялись в преступлениях против своего народа и рабоче-крестьянского государства.

12 декабря в камеру привели инженера-железнодорожника. В Кузбасс он приехал из Ленинграда. Его арестовали на выборах, сразу же после голосования, в попытках забыли забрать у него партбилет. Так оказался он в тюрьме с партбилетом. Однажды после очередного допроса железнодорожник возвратился с перебитыми пальцами рук.

В тюремной камере молодой гурьянин встретил старого большевика. Человек этот был буквально истерзан пытками, с великим трудом двигался. Он объявил следователям, что на допросы больше не пойдет, не глядя подпишет любые показания. Так он и поступил на глазах у сокамерников.

В тюрьме Юргенсону исполнилось восемнадцать. Теперь-то его могли судить как взрослого. Как себя вести? Подписывать ли показания?

Смушал партработник из Промышленной. Больше года его таскали на допросы, однако сломить не могли.

— Не подписывайте эти грязные листки! — убеждал он товарищей. — Это чудовищная провокация! Они еще за это поплатятся. Вот увидите, узнают в Москве, в ЦК партии, воздадут мучителям должное.

Кому верить? Как себя вести? Подписывать себе смертный приговор или отказаться наотрез? Подобные вопросы в те дни терзали не только Юргенсона. И он держался молодцом. Как только не ломали его на допросах! Лежачего били ногами в живот, наганями проломляли голову. Так ничего и не добившись, бросили в подвал.

Седовласый чекист добрым словом буквально за считанные минуты добился того, чего трем дюжим молодцам не удалось за несколько суток.

— Подпиши, хлопчик, — тихо произнес он. — Так надо. Ты молодой. Дадут тебе десять лет — отсидишь... А эти гориллы тебя убьют.

Он приказал принести горячего супа, чаю, досыта накормил строптивца. Вот так, не мытьем, так катаньем, у кого пытками выколачивали, у кого хитростью выжимались подписи под показаниями. Многих валила наповал эта неотразимая логика — так надо.

В середине января стали формировать этап. В одном из тупиков станции Кольчугино стоял эшелон из товарных вагонов. Охраняли его стрелки с овчарками. Погрузка длилась трое суток. Вагоны не отапливались, многие из заключенных были в легкой одежде: сколько обморозились, даже погибали от холода еще до отправки, трудно сказать.

На станции Тонки состав простоял несколько суток. Еще перед отправкой в Ленинске-Кузнецком заключенным дали по две селедки и по булке хлеба. Воды в вагонах не было. Скоро над путями повис истощенный вопль: «Пить! Дайте пить!»

На шум начал сходить народ. Люди

с жалостью смотрели на происходящее. До охранников стали явственно доноситься крики:

— Что творят, изверги! Измываются над людьми, как хотят!

Начальник караула забеспокоился. Начались бачки, кружки. Конфликт погасили.

Тысячи кузбассовцев в 1937—1938 годах прошли дорогой скорби от старого кемеровского вокзала на Ягуновку. Строем по четверо в ряд гнали арестантов. По обе стороны на лыжах, с овчарками на длинных поводках, в добротных белых полушубках шли стрелки-конвойные.

Наконец цель достигнута. И снова бараки, нары, соленая рыба, нехватка питьевой воды. После каждой ночи дежурные уносили из барakov десятки трупов. Здесь, в кемеровской тюрьме, умер земляк Юргенсона, двадцатилетний художник из Салаира Карл Баум. Его отец погиб в лагерях Дальнего Востока.

В начале марта снова стали формировать очередной этап, грузить так называемые «столыпинские вагоны». До сих пор держит цепкая память Юргенсона имена сотоварищей по вагону — шахтеров из Ленинска-Кузнецкого Альберта Смилкина и Смирнова, Виктора Юса из Салаира.

В пересыльной тюрьме Новосибирска стали наконец проявляться истинные масштабы репрессий, этого всенародного бедствия: в центре Сибири в те дни встречались москвичи и ленинградцы, жители Средней Азии и Кавказа.

Первый этап лагерной одиссеи Арнольда Юргенсона закончился в лесах архангельского Севера. На лесоповале молодого рабочего парня хватило на полтора месяца. У него начался гнойный плеврит. Кому нужен арестант-инвалид? Арнольда из лесосек Крайнего Севера отправили умирать в сторону южную, в Караганду. До желанного освобождения оставалось двенадцать лет.

В Карлаге Арнольд Юргенсон провел двенадцать долгих лет.

Двенадцать лет лагерной жизни... И эти даже физически крепкого человека способны превратить в жалкую рабскую массу. Но Юргенсону в самые драматические моменты жизни на выручку неизменно приходили старшие товарищи. Кто-то обязательно подставлял плечо. Все эти годы рядом постоянно находились чутельные люди, настоящие коммунисты, представители старой ленинской гвардии, люди высокой чести и культуры. Многие из них понимали, что вряд ли доживут до тех благословенных времен, когда вдова восторжествует. И старики давали шанс выжить молодому.

В Карлаге Юргенсон работал в строительной бригаде. Рабочий день у заключенных продолжался десять-двенадцать часов. Выполнишь норму — получишь порцию баланды и 600 граммов хлеба. Не исполнишь — останешься с тремястами граммами хлеба. Норма — пять кубов грунта на земляных работах. Заключенным ежедневно выдавали по две пары лаптей. Их хватало только на одну смену.

Национальный состав бригад был разным — русские, поляки, евреи, узбеки, китайцы... Среди заключенных царил дух подлинного братства. Моральное здоровье коллектива в немалой степени зависело от личных качеств его руководителя. Бригадирствовал бывший летчик Лясковский.

Оговорюсь сразу. Никакая, даже очень пространная публикация, не способна должным образом отразить одиссею Арнольда Юргенсона. Потому и сконцентрирую разговор вокруг отдельных фактов, конкретных документов. Так будет и точнее, и убедительнее.

У меня в руках великолепно выполненный карандашом портрет. Датирован 5 января 1945 года. Написан на обороте «На память любимой маме и сестрам. Мама! Посылаю вам то, что описать могу. Мама! Это я».

Любопытно происхождение этого сунка. Заключенным не возбранялось участвовать в художественной самодеятельности.

Наоборот, такие увлечения поощрялись. Лагерным драмкружком, который посещал Юргенсон, руководил режиссер театра имени Вахтангова. На эдешней сцене выступали певицы Наталья Тюрнер и Марина Альферович, балерина Александра Сокольская. В 1948 году, после отсидки, Марина Альферович направилась из Казахстана в Кузбасс. Здесь, в одном из детских домов, находился ее сын. Может, кто-то из моих земляков встречался с этой женщиной и сможет поведать о ее дальнейшей судьбе?

В клубе самарского отделения Карлага Арнольд познакомился с молодой художницей — Анной. Вместе с сестрой она находилась в соседнем лагере для ЧСИР (членов семей изменников Родины).

В разговоре выяснилось, что Анна родом из Кузбасса. Ее отец в начале 20-х годов руководил строительством железной дороги от станции Бачаты до Прокопьевска, не раз бывал в родных Юргенсоновых местах. Его перевели на дипломатическую работу, назначили советским атташе в США. В 1940 году последовал внезапный вызов в Москву, затем — расстрел. Жену и детей упрятали по лагерям. Мать оказалась в лагере под Петропавловском, дочери — в четвертом отделении Карлага.

Перед нами еще один любопытный документ-подлинник. На нем круглая гербовая печать, дата — 29 марта 1941 года, подписи. Он подтверждает, что Арнольд Юргенсон успешно закончил шестимесячные курсы бригадиров тракторных бригад, на отлично сдал квалификационные экзамены.

Лагерные курсы — явление также заслуживающее пристального внимания. На курсах комбайнеров, трактористов преподавали истинные светила науки, профессора, доктора наук, выдающиеся инженеры-изобретатели, бывшие командиры и командармы советской индустрии. В классе их приводили под конвоем, после окончания немедленно отправляли в зону.

В 1941 году Юргенсона переводят в Бо-

родиновку, в одно из крупнейших сельскохозяйственных подразделений Карлага. Начальник участка старший лейтенант Купин встретил новичка настороженно. Кого ему подбросили? Посыльный, почувствовав настроение начальства, загадочно улыбнулся и сказал:

— Можете не беспокоиться. Этот парень не подведет!

И точно — с первых дней молодежный экипаж набрал очень высокий темп работы — при норме восемь гектаров убирал двадцать пять. В этот год помощником у Арнольда работал Франц Шпенц, двухметрового роста немец, воспитанник одного из детдомов.

Вскоре Бородиновка проводила старшего лейтенанта Купина на фронт. Ему повезло — вернулся целым и невредимым, в чине майора. По этому поводу устроили торжественную встречу.

В самый разгар праздничной суеты Купин вспомнил про лихого комбайнера, попросил пригласить его к столу. В нарушение всех традиций, встал ему навстречу, крепко пожал руку и подчеркнуто громко, явно для публики, произнес: «Здравствуй, товарищ Юргенсон! Вот и встретились!»

О том времени напоминает пожелтевшая любительская фотография: большая группа механизаторов-заключенных.

Кто они — эти люди? Большинство — вчерашние колхозники, люди рабочие, малограмотные, нелепыми обвинениями загнанные в разряд КРД, КРА. Василий Абросимов, например, свои десять лет получил за пререkanie с председателем колхоза, Степан Опенько, механик, попал в тюрьму за расплавленный трактористом подшипник...

Эти люди показывали настоящие образцы ударного труда. В 1949 году Белоног, помощник комбайнера, в трудовом соревновании обошел Юргенсона. Петр в тот сезон убрал 900 гектаров, Арнольд — 810.

А как берегли они технику! На обороте фотографии написано: «Это — комбайн «Коммунар». На нем я отработал десять

лет, убрал шесть тысяч гектаров. За сохранность техники в 1951 году мне прислали 2500 рублей».

Любой человек гордится делом рук своих. Потому и хранит Арнольд Эдуардович грамоты за победу в трудовом соревновании. А было таких побед немало. На комбайн Юргенсон пришел в 1938 году. Его наставник, узбек Абдула Амурзаков, свалился в приступе жестокой лихорадки. Пришлось молодому комбайнеру выкручиваться самому. В первую же жатву девятнадцатилетний неопытный механизатор убрал 510 гектаров при норме 180.

Запомнился Арнольду и такой случай. В тот год пахали зябь, пахали до самой зимы. Мерзли страшно, особенно ночью. Однажды утром к трактору подъехал начальник самарского отделения Сорокин. Спросил у учетчицы, жены бывшего наркома, как выработка. «7,2 гектара при норме пять», — доложила учетчица. Иван Андреевич удивленно посмотрел на озябшего паренька, одетого в какие-то пеленые лохмотья, приказал выдать ему одежонку понадежней.

Снова и снова я задаю себе один и тот же вопрос — что заставляло этих людей, несправедливо превращенных во «врагов народа», в «контрреволюционеров», трудиться на пределе возможного, буквально выкладываться на работе? Природная, веками воспитанная крестьянская основательность, с молоком матери воспитанная любовь к труду, к земле.

Сколько добрых, мудрых людей встретилось Арнольду на пыльных дорогах ГУЛАГовского архипелага. Самым добрым словом вспоминает он ленинградского врача-терапевта еврея Семена Маркувича Розанецкого, спасшего жизнь множеству заключенных, своего первого наставника-комбайнера узбека Абдулу Амурзакова, выпускника Тимирязевской сельскохозяйственной академии Ивана Завьялова, инженера латыша Виктора Терона, напарника по комбайну неунывающего украинца Петра Белоного.

С Геллером их соединила многолетняя

дружба. В 1937 году студента МВУ стовали и выслали в Красноярский В тамошних лагерях он продержался долго, перевели в Карлаг.

В Самарке Лев Геллер встретил жену. Лагерь, конечно, калечил, отнимал у них последнее здоровье, кто помоложе, выстоял. Лев создал по возвращении из Карламы, вырастили детей, увидели Лев Борисович защитил кандидатскую диссертацию.

Передо мною удивительно честный документ, такой документ, который вольно редко дается в руки историка. Письмо Сони Геллер Арнольду Юргенсу. «Скажи, — спрашивает она друга, — не тянет ли тебя посмотреть на старую марку, старые места? Меня до сих пор тянет туда. Ведь там прошла наша жизнь, там были чудесные люди».

В семье Геллеров до самой войны жила старушка Грунюшка, бывшая марская «контрреволюционерка». Она после освобождения из лагеря некуда. Потому и прибилась к нам, людям.

Лев Геллер, например, занявшись научным делом, стал преподавать в Казанском политехническом институте. Дочь Лиза закончила медицинский институт, потом аспирантуру, защитила диссертацию. Семья Геллеров, понятное дело, не была идеальной, но в то же время весьма характерный пример.

Переход к новой жизни проходил гладко. У миллионов людей освобождения пришлось на время расцвета страны. Потому и мук было немало. Понятно, что история этого процесса хорошо проследится на судьбе рядового советского человека, простого крестьянина Арнольда Юргенсона. Последнюю главу своей новой повести я бы и озаглавил — «и продолжается».

В декабре 1947 года Арнольду раздали наконец покинуть зону. Остались за спиной десять лет отсижки. Первое желание, — скорее

опостылевшие места, эту Самарку, — помчаться к родным. Однако пыл остудили в комендатуру: «Никуда не дергаться, ждать особого разрешения».

«Особого» пришлось ждать еще два года. С кадрами механизаторов в Казахстане было плохо. Юргенсон зарекомендовал себя мастером на все руки.

Попыбовали уговорить Арнольда остаться в Самарке.

— Куда ты поедешь с таким клеймом? Нигде тебя на работу не примут. Ты теперь навеки.

Два года добивался Арнольд права возвращения на родину. Своего добился. В Гурьевск приехал в самом конце 1949 года. Тогда-то и начали сбываться зловещие предсказания лагерного начальства.

Отдохнув пару дней с дороги, он отправился в совхоз «Гурьевский». Вроде бы поначалу обрадовался кадровик. В совхозе человек на вес золота. Но заглянул в паспорт, увидел там особую отметку:

— Извини, брат, не положено.

Такая же заминка случилась в 208-м совхозе. С большим трудом удалось наконец устроиться в Бачатскую МТС.

Привезенные из лагеря документы об окончании курсов механизаторов, богатая практика комбайнера здесь, на воле, значили мало. Пришлось заново, уже тридцатилетним переростком, заканчивать Гурьевско-Судженскую школу механизации сельского хозяйства. Держал в руках документ об ее окончании. Там по всем предметам, включая политподготовку, одни пятерки.

Где бы ни работал Арнольд Юргенсон — дело у него спорилось, всюду он был в почете. Однако 58-я статья, клеймо КРД с гугунными гириями висели на нем. Чуть что — начальственный окрик:

— Не забывайся, кто ты есть!

Сказать, что XX съезд заронил в души миллионов узников сталинских лагерей

зерна надежды, еще ничего не сказать. Арнольд начинает хлопотать о пересмотре своего дела. Непросто у нас достучаться в высокие инстанции.

Однажды в поле (в то утро Юргенсон возился с комбайном) прибежал старый приятель. «Смотри, Арнольд, какая бумага в контору пришла». И он, захлебываясь от волнения и радости, прочитал справку Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Долго ждал этой минуты Арнольд Эдуардович. Однако, как часто бывает, новость ошеломила. Свет померк в глазах, голова пошла кругом, грохнулся на землю. С трудом вернули человека к жизни. Однако с той поры стал серьезно прихварывать. Всему, видно, есть на свете предел.

Стал хлопотать путевку на курорт — не вдруг. Что с того, что реабилитировали тебя? В лагере сидел? Зря у нас не «содют»! Много обид пришлось пережить Юргенсону.

Более четверти века Арнольд Эдуардович в партии. Он уже немолод, пошел семидесятый. Давно заслужил право на пенсию. Куда там! Ветераны совхоза «Гурьевский» и поселка Раздольный избрали его своим председателем.

Много людского горя повидал Юргенсон. Но не зачерствело его сердце, наоборот, научилось откликаться на чужую беду. Самого не раз спасали добрые люди, теперь и он считает долгом своим прийти на помощь нуждающемуся.

Как у миллионов, в тайниках души Юргенсона неистребимо живет хозяин. Не может равнодушно смотреть он, как разворовываются, топчутся, теряются поля и по дорогам корма.

Терпел, терпел безобразия Юргенсон, не выдержал, решил пойти в объездные фуражиры. Не знаю, надолго хватит Аники-воина? Работа беспокойная. За дело Арнольд Эдуардович взялся круто. Твердо заявил доставщикам кормов к фермам — кто приедет за саном без вил и веревок — кормов не получит. Удивились мужики, пошумели, повозмущались...

и затихли. Деться некуда — слово у Юргенсона твердое.

Есть в совхозе «Гурьевский» обыкновенный деревянный дом, каких на родной земле пашей — миллион. Живут в нем, как, к сожалению, нынче повелось в деревнях, два пожилых человека — Арнольд Эдуардович и Анна Ивановна. Да, та самая Аннушка, которая ночами снилась молодому узнику острова Карлаг. Очень симпатичные старики, хлопотливые, непоседливые.

Всю жизнь Анна Ивановна прожила на одном месте. Более двадцати лет отдала тепличному хозяйству. Не огорода — кудесница. Лет пятнадцать проработала в животноводстве. Птичник в ту пору под руководством Анны Ивановны приносил хозяйству изрядные доходы. Ее многолетний труд отмечен орденом, медалями, грамотами.

Живут старики в тепле и в достатке. Есть у них автомашина, дом, дача. Достаточно кое-какую скотину, излишки домашнего производства вывозят в город. Белого, Гурьевск, Белово, поселок Бачатского района. Продукция Анны Ивановны и ее бой рекламе не нуждается. Постоявшие клиенты вглядываются, не покажется ли «лимузин» Арнольда Эдуардовича.

Судьба Арнольда Юргенсона, молодого парнишки из небольшого сибирского городка, показывает, насколько велик размах беззаконий.

Нелепо сегодня взывать к мещанности. Способно породить только зло. Но вещи своими именами мы просто обьявляем. Во имя того, чтобы случившееся когда больше не повторилось. Для этого нужна нам гласность, для этого нужна нам правовое государство, для этого нужны нам конституционные гарантии.

«КОГО ВЗЯЛА ВОИНА»

Виль Рудин НА БЕРЛИН!

Согласитесь, не часто так бывает, чтобы выросли в одной семье два брата и оба — генералы — именно это меня прежде всего поразило, когда я в Новокузнецком историческом музее много лет назад увидел стенд, посвященный братьям Евгению и Николаю Ушаковым.

О старшем из братьев, Евгении Григорьевиче, сейчас ничего не скажу, хотя материю о нем и его боевом пути набралось много, а скажу о младшем, Герое Советского Союза генерал-майоре артиллерии Николае Григорьевиче Ушакове.

Из его личного дела видно, что родился он 17 июля 1902 года в Кузнецке, на Форте, в многодетной семье. Отец занимался извозом, потом старательством на Мальских золотых приисках, в первую мировую войну был ополченцем-ратником извезда. Отец и определил Николая в семилетнее Кузнецкое городское училище с таким названием «Высшее начальное», однако в 1918 году отец умер, и дальнейший Григорьевич свой жизненный путь выбрал сам, и выбрал он в то беспокойное, трудное время добровольную службу в 1-м полевом отряде Красной Армии, и пришлось в декабре 1919 года по весну 1920 года воевать против бывшего партизанского отряда Новоселова-Рогова. Это сейчас, спустя 70 лет, многие исследователи и публицисты пытаются повернуть дело так, словно анархистов в этом отряде не было, и беспринципные эти люди не творили, и не грабили, и против Соввласти не выступали, а кого-то убили, то «убили правильно», как пишет Н. И. Полосухин. Однако же тогда, в 1920 году, сразу после изгнания колчаковцев все было совершенно очевидно. Газета «Красная коммуна» в № 135 от 8 июля 1920 года сообщила, что 3 июля председателем ячейки Титовской волости Барнаульского уезда т. Полетаев собрал 12 человек, обложив Рогова и сопровождающего его бандита в д. Евдокимовка — Николая Ушакова не пожелал и был убит, второй бандит сдался.

В 1920 году он стал комсомольцем, в 1924 — кандидатом в члены РКП(б). Однако в марте того же года из партии был исключен решением бюро Щегловского уезда за небрежение контролем за работой ссыльных пунктов и заготовок на железной дороге.

Николай Григорьевич в том заключался, что он честно сказал на бюро — не буду больше в расчет не приниматься. Вновь вступил в партию в феврале 1942 года, когда в отряде «Восток» в расчет не принимались.

В отряде «Восток» в расчет не принимались. Вновь вступил в партию в феврале 1942 года, когда в отряде «Восток» в расчет не принимались.

ясь назва-
ть, заменив
рушпайка,
легкое. А
исчезли
ом совре-
мелства.
ду: «Плав-
ностью».
ода, вни-
сь дере-
дома да
На вер-
ость. На
е входа,
остовым
«В оном
звнх и
1, дере-
внх —
птелей:
щан —
й — 38,
16, вто-

уезда
ны все
тением
Боль-
пахот-
щн у
Авто-
иной,
пного
Те-
фонн-
евой,
рай-

стра-
да-
ое с
шне

нижал семь субординационных ступенек, поднимаясь от начальника связи артдивизиона до начальника штаба артполка. 22 июня 1941 года Николай Григорьевич получил предложение: прибыть в Абикскую, километрах в сорока от Новороссийска, приступить к формированию 33-го запасного артполка...

Потом были бои на Дону и в Сталинграде, ранения, возвращение в строй. В июле 1943 года Николай Григорьевич командовал 1166 артполком — встал у Малоархангельска на Курской дуге и немцев до конца их наступления, до 16 июля, не пропустил, а 19-го, когда развернулось наше контрнаступление, попал под немецкий минометный налет — жгучим осколком ему отрезало пальцы на правой руке.

Адъютант руку перебинтовал, и Ушаков пошел в бой. Еще несколько минут спустя Ушаков с адъютантом опять попали под огонь немецких минометов, и осколок минометного отсека, оторвал правую руку Ушакова по локоть, мелкие осколки впились в грудь.

Лишь в ноябре 1943 года Николай Григорьевич вышел из госпиталя. И не знаю, каким образом Николай Григорьевич смог убедить членов медицинской комиссии, что он, безрукий калека, обладает достаточной силой, чтобы вернуться в строй. Однако Ушаков не только вернулся в строй — в ноябре 1943 года он принял 33-ю Гвардейскую минометную бригаду и с ней прошел с боями Белоруссию, Польшу, форсировал Вислу и Одер, с ней штурмовал Берлин в последние дни войны.

Книга о Николае Григорьевиче Ушакове — исполнение моего долга перед памятью отца, «кого звали война» — привожу здесь святые слова А. Т. Твардовского.

I

30 января 1945 года рейхскампфлер А. Гитлер призвал по радио немецкий народ к последней, решающей и жестокой схватке. Спусти сутки, в рассветном сумраке 31 января, вырвавшийся далеко вперед полуторатысячный отряд из состава 5-й Ударной армии генерал-полковника П. Э. Берзарина вышел к Одру севернее Кюстрина, переправился по хрупкому, подтаявшему льду с правого берега на левый, даже перетащили на тросах несколько орудий — лежавший перед русскими солдатами городок Кинитц, товарная станция, вокзал мирно досыпали последний предрассветный час. На путях стоял воинский эшелон — 13 офицеров и 63 солдата были захвачены полусонными, однако несколько солдат успели выпрыгнуть из вагонов, этим удалось бежать через поле, укрыться... От них немецкое командование и узнало: русские на этом берегу! В суточной сводке штаба группы армий «Висла» от 31 января высказано предположение, что на плацдар-

ме у Кинитца укрепились до двух тысяч русских с орудиями и танками.

Немедленно последовал приказ: «Русских истребить!» Однако ни бомбежки, ни непрерывные танковые атаки ни к чему не привели: русские держались.

Гитлер потребовал от 9-й армии: «Ликвидацию всех плацдармов врага завершить в 00 часов 13 февраля».

В среду 12 февраля начальник штаба 9-й армии генерал-майор Хельц лично прибыл в Кинитцу, чтобы руководить очередным штурмом плацдарма. Все, что увидел и пережил в тот день генерал Хельц, уложилось в две строчки его донесения: «Наступление сопровождалось высокими кровавыми потерями и завершилось провалом».

II

33-я армия генерал-полковника Цветаева получила от командования 1-го белорусского фронта задачу выйти к Одеру южнее Франкфурта, частью сил пересечь Франкфурт с юга, часть сил пер-

...через Одер и создать там, на
...берегу, собственный плацдарм
...наступления.
...здесь, в среднем течении, доста-
...до четверти километра, глу-
...до двух метров. В те дни начала
...еще стоял, только местами
...прибывшая с верховьев во-
...было, что лед вот-вот
...Одер не перебраться.
...тогда через Одер не перебраться.
...И хотя продвижение войск 33-й ар-
...было весьма стремительным, Цвета-
...выбросить вперед подвижную
...группу — достаточно мобильную,
...выйти к Одеру через сутки, доста-
...сильную, чтобы, захватив плац-
...на левом берегу, удержать его сут-
...даже трое — до подхода главных
...армии.

После тех боев, что армия провела на
Восточном плацдарме у Пулавы и Ка-
...межа, после того как полковник Ни-
...Григорьевич Ушаков и его гвардей-
...минометная бригада блестяще себя
...после того как сам Ушаков
...показал себя великим мастером по управ-
...массированным огнем — после все-
...этого генерал Цветаев без колебаний и
...решил, что основу подвижной
...должна составить именно 35-я
...Гвардейская минометная бригада, тем
...более, что передвигалась она на могучих
...«студебеккерах». На эти машины посади-
...два батальона пехоты 222-го полка
...дивизии, группе придали броне-
...транспортёры и самоходные орудия. Цве-
...лично напутствуя Ушакова, сказал:
...Григорьевич, на тебя надеюсь,
...на господ бога! Ты и есть бог вой-
...артиллерия! В бои с отходящими
...не ввязывайся, гарнизоны обхо-
...Вот, смотри по карте: отсюда до Оде-
...полторы сотни километров — проскочи
...как только можешь быстро. Выйдешь
...Франкфурта, перебирайся на за-
...берег Одера, вцепись в него и
...к тебе придем, но ты про-
...Группа Ушакова вышла к Одеру, как

и назначено было, южнее Франкфурта, у
крохотной деревушки Купитц* к утру
3 февраля.

Фронт остался далеко позади.

Ушаков поставил свои полки на огне-
вые позиции по восточному берегу Одера
от деревни Купитц до деревни Аурит,
тапками и самоходками прикрыл себя с
тыла.

В течение дня разведчики под редким
немецким огнем поползли по льду, прове-
рили прочность, и в ночь на 4-е через ре-
ку перешла пехота, прикрытая массиро-
ванным огнем минометных полков.

За день 4 февраля солдаты Ушакова
разметали в Аурите все, что было из де-
рева — ограды, сараи, сеновалы; бревна
и снятые с петель ворота и двери стащи-
ли к Одеру и в ночь на 5 февраля настл-
лом поверх льда уложили до того бере-
га. Первыми — за разведчиками — поплы
Ушаков и командир 131-го полка Пова-
ляев, радисты. За ними минометчики та-
щили на руках минометы: Ушаков пере-
правил дивизион (18 минометов) 114-го
полка, дивизион 131-го полка, 4 батареи
115-го и одну батарею 210-го полка. Ост-
альные дивизионы прикрывали перебра-
ву огнем с восточного берега. Мины песли
в ящиках. Ушаков понимал: река вскры-
ется, без мина пропадеешь, приказал взять
два боекомплекта.

На том берегу настил уперся в дамбу —
не то на беду, не то на счастье. В дамбе
Ушаков приказал вырыть КП бригады,
цели для минометов: за дамбой, в низин-
ке, оказалось несколько каменныхдоми-
ков — при появлении первых наших сол-
дат жители в ужасе разбежались. В этих
домиках, на чердаках, в полуподвалах,
вокруг домиков рассыналась, закрепилась
пехота, засели наблюдатели со своими ра-
циями.

До утра Ушаков так и не заснул: ни-
чего, ни одной мелочи упустить было нельзя.

* Сейчас территория Польши, не далеко от
г. Купитц.

С утра стоявший в Лоссове, километрах в десяти, штаб 286-й пехотной дивизии немцев доложил в штаб 5-го Горного корпуса СС: «Русские перебрались на западный берег Одера напротив деревни Кунитц».

Однако командование эсэсовского корпуса просто недооценило «этих русских»: считая, видимо, что перебрался через Одер какой-то небольшой отряд и что справиться с ним будет несложно, с утра группу Ушакова вообще не беспокоили, а ближе к вечеру подвезли из Берлина на грузовиках батальон полиции, человек 600.

Николай Григорьевич со своего командного пункта отлично видел в бинокль, как из огромных немецких грузовиков спешно выскакивали немцы в голубоватых долгополых шинелях, не в касках, а в красивых высоких шапках. Он было подумал — не иначе из личной гвардии самого фюрера, красиво больно одеты, не по-фронтовому. Но если эти немцы и были чему обучены, то только не тому, как воевать, и Ушаков это сразу увидел. Он приказал не стрелять, подпустить этих войк поближе. Потом, после команды «огонь!» их в упор расстреляли из пулеметов и автоматов, забросали гранатами.

В тот вечер на Одере началась подвижка льда, ночью по черной, стилой воде пошла пуга. Ушаков вызвал Повалаяева, еще раз уточнил, сколько боекомплектков здесь, а то до того берега теперь не доберешься, мни пока никто не добавит.

Повалаяев весело ответил — на тех немцев, что перед нами, хватит вполне, еще и останется!

Однако немцы, видимо, решили заняться группой Ушакова всерьез.

За ночь они придвинули к плацдарму целый полк СС из дивизии имени «30 января»* и с утра открыли по дамбе, по низине перед ней ураганный огонь из орудий и минометов, потом налетели «юнкерсы» —

начался тот самый ад, который с самого начала предвидел Николай Григорьевич, заставляя рыть щели для бойцов и укрытия для минометов.

Ушаков на КП думал об одном: как не пропустить тот миг, когда обстрел прекратится и эсэсовская пехота поднимется в атаку. Он знал, что все четыре его полка с замиранием сердца ждут команды, что сердечное замирание за минуту до атаки все артиллеристы на Первом Белорусском фронте называли «натянуть шнуры».

И Николай Григорьевич уловил тот миг, когда грохнул последний немецкий снаряд и когда поднялась эсэсовская пехота и скомандовал радисту — «огонь!» В мощных цепях сразу же началось непрерывное кипение огня... Минометные выстрелы били, чередуясь, залпами, с интервалом в несколько секунд, и этот поток огня Ушаков остановил лишь тогда, когда остатки эсэсовского полка откатились обратно, к шоссе.

Второй день был тяжок для группы Ушакова.

Немцы атаковали непрерывно. Теперь в батальонах и на минометных батареях было много раненых, они так и лежали в боевых порядках, уходить с линии огня было попросту некуда. В этот день кое-где дошло дело до рукопашных схваток, но столкнуть наших в Одер немцам так и не удалось.

Разъяренные эсэсовцы в бессильной ярости орали через громкоговорители: «Мы утопим вас всех в Одере вместе с вашим одnorуким бандитом!»

«Утопим...»

Та широкая низинка, что тянулась между занятой нашими дамбой и шоссе к южной оконечности так называемой «Одербруха», «Одерского провала», который простирается вдоль западного берега Одера далеко на север; глубина его около полутора, кое-где и два, дамба ограждена провалом от весенних разливов Одера. Отсюда, почти к самому плацдарму, сюда выходил канал Одер-Шпрее. До первого было километра полутора. И на

* 30 января 1933 г. президент Веймарской республики Гинденбург назначил канцлером Германии А. Гитлера.

В этот день боев немцы этим воспользовались, они открыли шлюз канала, в пизин-
гу хлынула волна; наших прижали к дам-
бе плотную, а за ней Одер нес к морю
бурную пугу, и отходить было некуда.
С левого фланга плацдарма, от кирпич-
ного завода в деревушке Цильтендорф,
где закрепился 131-й полк Поваляева,
уже к вечеру открыли огонь из реактив-
ных минометов по дамбе, затем бросились
в атаку. Ушаков снова накрыл их огнем
из минометов, но часть эсэсовцев все
прорвалась к дамбе, и дело снова до-
шло до рукопашной.

Круто пришлось минометчикам Пова-
ляева: вода отрезала их от дамбы, помочь
им Ушаков не мог. Отседавших нем-
цев отбивались гранатами. Погиб и сам
Поваляев...

От двух пехотных батальонов осталось
к вечеру в живых едва ли больше двухсот
человек. Но в этот самый день к восточ-
ному берегу Одера наконец вышли пол-
ки 62-го Неманского корпуса — берег ог-
ласился ревом орудий, перед немцами
стала плотная завеса огня, она надежно
укрыла плацдарм, за который заплачено
было столькими жизнями...

В ту же ночь началась переправа —
нашлись смельчаки. Они пробивались на
лодках, на снятых с домов дверях, на свя-
занных бревнах к высеченной ракетой
дамбе, прыгали в узкие, вырытые в дам-
бе щели... К утру пуга с Одера сошла,
скатилась к Балтийскому морю. На ту
сторону ринулись через Одер сотни, ты-
сячи наших солдат, большими и малыми
группами, кто на чем... К вечеру немцев
дружной атакой отбросили от кирпичного
завода в Цильтендорфе, на правом фланге
оттеснили в сторону Брискова. Вода в
канале оказалась где по грудь, а где и
по колено — солдаты, разведав броды,
бросились вперед, к недалекому шоссе...
С того дня и до конца марта плацдарм
неуклонно ширился вверх и вниз по те-
чению, немцев все оттесняли и оттесняли
от реки. Немцы бросали в бесконечные
огняные атаки все, что прибывало к

ним из Берлина: роты полицейских, ох-
ранный батальон, юнцов из «Гитлерю-
генда» — однако Николай Григорьевич
теперь думал не о том, как устоять, как
удержаться, потому что ясно стало: нет
у немцев сил, чтобы сбросить нас с плац-
дарма. Теперь Николай Григорьевич наме-
рен был стянуть поближе к себе всю бри-
гаду.

131-й полк — его после гибели Поваляе-
ва принял гвардии майор Приходченко —
перетянуть через затопленный участок
оказалось невозможно, пришлось вернуть
его на восточный берег, а затем снова пе-
реправлять на плацдарм — в приказе по
бригаде указано: «Переправить на запад-
ный берег р. Одер... и к рассвету 16.02.45 г.
занять боевой порядок в районе отметки
23,2...»*

25 марта Ушаков воспользовался уже
наведенной переправой и побывал на пра-
вом берегу, в Кунитце, где оставался штаб
бригады. День был по-весеннему теплый.
Ушаков сбросил наконец свой замызган-
ный полушубок, снял шапку-ушанку.
Штабной фотограф упросил — усадил его,
начальника политотдела бригады, под-
полковника Жегалова и других офицеров
у стены, залитой ярким солнцем, запечат-
лел на память...

В тот приезд Ушаков решил, что на
плацдарм теперь должен перебраться
210-й минометный полк, и дал начштаба
подробные указания, что и как надлежит
сделать, ибо продумал все досконально:
штабу полка переправиться в ночь на
27 марта; командиру полка разведать
систему инженерных сооружений немцев;
на переправу минометов отведено было
две ночи, на 29 и 30 марта, к утру 31-го
переправу завершить; в ночь на 29 поста-
вить по одному пристрелочному миноме-
ту на каждую батарею, остальные убрать
в подвалы, щели, тщательно замаскиро-
вать; на огневые позиции минометы

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С,
д. 1, л. 45.

выставить по особому распоряжению...
Это было знаменитое боевое распоряже-
ние № 0013 от 26 марта, а подписал нач.
штаба бригады майор Мартыненко, со-
смакой на Ушакова: «командир бригады
приказал...»

Со самого начала нашего наступления
Н. Г. Ушаков так и оставался здесь, на
плацдарме, на своем КП. Организацию
огни всех четырех полков Николай Гри-
горьевич, как делал это на Казимежском
плацдарме, снова взял в свои руки. С
командного пункта он видел цепи эссов-
цев и позвучие перед ними черные тан-
ки, они появлялись то с рассветом, то
позже после ярких артобстрелов: они
надвигались волнами то с севера, от Брис-
кова, то с запада, от Визенау, то от Фо-
гельзанга, с юга, то сразу со всех сторон.
Ушаков неизменно успевал накрывать
их огнем своих минометов, жег танки,
рыл осколками пехоту...

В первых числах апреля обстановка на
плацдарме была совсем не та, что в фев-
рале-марте: теперь немцы ограничива-
лись только артоналами, атаки пехоты
прекратили.

Оказалось, что Ушаков еще в феврале,
когда вышел к Одеру, весьма удачно оп-
ределил место будущего плацдарма: река
здесь изогнулась плавной дугой от Фо-
гельзанга на юге до Брискова на севере,
теперь фланги расширившегося плацдар-
ма прочно уперлись в берега: у Фогель-
занга в конце марта шли ожесточенные
бои, немцы едва не прорвались в только
что захваченную нами деревню, но нахо-
дившийся вместе с пехотой командир ба-
тарей 11-го полка гвардии старший лей-
тенант Пермяков и начальник разведки
дивизиона гвардии старший лейтенант
Запороженец вызвали по радио огонь мино-
метов — наседавших немцев отбросили,
тех, кто успел ворваться в деревню,istre-
били, и больше эссовцы здесь не насту-
пали, не пытались даже.

Потом у немцев отбили деревню Визе-
нау, в самом центре немецких позиций,
по периметру плацдарма, Визенау был
немцев узлом и опорой, здесь была
железная дорога и автострада.

Уже шла проработка плана нашего
шего наступления. Ушаков уже знал, что
прорыв немецких позиций намечен имен-
но здесь, и он перебросил сюда все четы-
ре полка бригады. Тактику применял
прежнюю, проверенную: чтобы немцы не
обнаружили сосредоточение бригады, при-
казал минометы разобрать, упрятать
щели и подвалы, на огневые позиции на-
ставил по одному пристрелочному мино-
мету от каждой батареи. Бригада ста-
на огневые позиции в ночь на 15 апр-
ля, но об этом чуть позже...

III

Первое сообщение о начале общего на-
ступления русских на Одере поступило
сводке за 16 апреля: «С трех часов 30 м-
нут линия обороны 5-го Горного корпу-
СС вплоть до южного обвода Франкфур-
как и вся линия обороны 11-го танкового
корпуса СС ... находятся под сильным
огнем артиллерии»*.

В этом могучем реве орудий и мино-
метов всех армий фронта никто бы и
расслышал, не различил разрывов тех-
ся футасных, и осколочных, и зады-
тельных мин, которые обрушились на
фланг 5-го Горного корпуса СС мина-
ная бригада Н. Г. Ушакова. Те, кто
жил этот день, говорили, что грохот
стрелов перекрывался еще более
громом сплошных разрывов на
немецкой обороне.

Однако первый день боев
успеха не принес. 17 апреля
армий «Висла» доложил в ОКХ
атаки русских отбиты, уничтожено
русских танков, далее говорится
между Франкфуртом и Фрай...

выставить по особому распоряжению...»
Это было знаменитое боевое распоряжение № 0013 от 26 марта, а подписал нач. штаба бригады майор Мартыненко, со ссылкой на Ушакова: «командир бригады приказал...»

До самого начала нашего наступления Н. Г. Ушаков так и оставался здесь, на плацдарме, на своем КП. Организацию огня всех четырех полков Николай Григорьевич, как делал это на Казимежском плацдарме, снова взял в свои руки. С командного пункта он видел цепи эсэсовцев и ползущие перед ними черные танки, они появлялись то с рассветом, то днем после яростных артобстрелов; они надвигались волнами то с севера, от Брискова, то с запада, от Визенау, то от Фогельзанга, с юга, то сразу со всех сторон, но Ушаков неизменно успевал накрывать их огнем своих минометов, жег танки, рвал осколками пехоту...

В первых числах апреля обстановка на плацдарме была совсем не та, что в феврале-марте: теперь немцы ограничивались только артналетами, атаки пехоты прекратили.

Оказалось, что Ушаков еще в феврале, когда вышел к Одеру, весьма удачно определил место будущего плацдарма: река здесь изогнулась плавной дугой от Фогельзанга на юге до Брискова на севере, теперь фланги расширившегося плацдарма прочно уперлись в берега; у Фогельзанга в конце марта шли ожесточенные бои, немцы едва не прорвались в только что захваченную нами деревню, но находившийся вместе с пехотой командир батареи 131-го полка гвардии старший лейтенант Пермяков и начальник разведки дивизиона гвардии старший лейтенант Запорожец вызвали по радиации огонь минометов — наседавших немцев отбросили, тех, кто успел ворваться в деревню, истребили, а больше эсэсовцы здесь не наступали, не пытались даже.

Потом у немцев отбили деревню Визенау, в самом центре немецких позиций, по периметру плацдарма, Визенау был немцев узлом и опорой, здесь сходились железная дорога и автострада.

Уже шла проработка плана нашего наступления, Ушаков уже знал, что прорыв немецких позиций намечен именно здесь, и он перебросил сюда все четыре полка бригады. Тактику применял прежнюю, проверенную: чтобы немцы не обнаружили сосредоточение бригады, приказал минометы разобрать, упрятать в щели и подвалы, на огневые позиции поставил по одному пристрелочному миномету от каждой батареи. Бригада стала на огневые позиции в ночь на 15 апреля, но об этом чуть позже...

III

Первое сообщение о начале общего наступления русских на Одере поступило в сводке за 16 апреля: «С трех часов 50 минут линия обороны 5-го Горного корпуса СС вплоть до южного обвода Франкфурта, как и вся линия обороны 11-го танкового корпуса СС ... находятся под сильным огнем артиллерии»*.

В этом могучем реве орудий и минометов всех армий фронта никто бы и не расслышал, не различил разрывов тех тысяч фугасных, и осколочных, и зажигательных мин, которые обрушила на левый фланг 5-го Горного корпуса СС минометная бригада Н. Г. Ушакова. Те, кто пережил этот день, говорили, что грохот артобстрелов перекрывался еще более громким громом сплошных разрывов на линии немецкой обороны.

Однако первый день боев решающего успеха не принес. 17 апреля штаб группы армий «Висла» доложил в ОКХ, что все атаки русских отбиты, уничтожено 140 русских танков, далее говорилось: «Битва между Франкфуртом и Фрайенвальдер

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр, оп. 160260-С, л. 1, л. 53.

* «Германия во 2-й мировой войне», Берлин «Академия», 1985, т. 6, с. 694.

...не достигла наивысшего напряжения»*. 13 апреля корпус 69-й и 33-й армий, наступавшие севернее и южнее Франкфурта, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление немцев, продвигались крайне медленно, ибо командование 9-й немецкой армии бросало в бой на критических направлениях все новые и новые резервы — их брали из Берлинского двухсоттысячного гарнизона: охранный полк, крепостной пулеметный батальон, снова полицейские батальоны, первая бригада фольксштурма, части ПВО — все бросалось в бой, чтобы задержать русских на третьей линии обороны.

19 апреля силы немцев иссякли, затыкать дыры больше было нечем.

В этот день Н. Г. Ушаков сосредоточенным многослойным огнем своих тяжелых минометов просто взломал, разметал то, что еще оставалось от немецкой обороны южнее Франкфурта. Штаб 5-го Горного корпуса СС еще в первый день наступления русских доложил, что у деревни Брисков развернулись тяжелые бои**, три дня спустя Брисков был взят, и Н. Г. Ушаков переместил туда штаб бригады, а линия боев теперь передвинулась далеко на северо-запад.

В частном боевом распоряжении от 21 апреля, изданном в Брискове, указано, что бригада поддерживает огнем части 62-го Неманского стрелкового корпуса на линии «...Маркендорф — лес три километра западнее Лихтенберг, далее на юго-восток церковь Хоенвальде — на Шлаубенхаммер и по северному берегу канала Одер — Ширее»***.

В результате ожесточенных боев фронт немецкой 9-й армии оказался расколот на три части, притом наступление дивизий 62-го корпуса отрезало от немецких линий обороны гарнизон Франкфурта, а 11-й

танковый и 5-й Горный корпус СС потеряли связь со своим северным соседом, 56-м танковым и 409-м артиллерийским корпусом фольксштурма.

К 24 апреля остатки южного крыла 9-й армии генерала Буссе, около двухсот тысяч человек, 2 тысяч орудий и 300 танков и самоходных установок, были отброшены за Шпрее и очутились в огромном котле в районе Хальбе.

Что до минометной бригады Н. Г. Ушакова, то, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего № 357 от 2 мая 1945 года в связи с ликвидацией немецкого котла юго-восточнее Берлина она и упоминается, и благодарность бригаде и Н. Г. Ушакову вынесена, и в 21 час 2 мая салют в ее честь отгремел*, но все же бригада в заключительных боях по разгрому группы Буссе не участвовала: по решению штаба артиллерии I Белорусского фронта ее вывели из подчинения 33-й армии — бригаде предстояло принять участие в разгроме врага в Берлине, где бои были в самом разгаре.

24 апреля в 9 часов утра Н. Г. Ушаков издал боевое распоряжение по бригаде № 0020. Полкам приказано было походной колонной следовать от Хоенвальде до Франкфурта, далее через Лебус — Шенфлисс — Мюнхеберг выйти к Нойенхагену.

...Николай Григорьевич, как принято было, держась левой рукой за скобу, сидел рядом с водителем Олегом Клепиковым. Упругий теплый ветер бил в лицо. Шоссе, казалось, само стлалось под колесами, летело стремительно...

Еще год назад немцы бы нашим такой наглости не позволили: открыто, по шоссе, четырьмя полками, при ясном солнышке... Конечно, не позволили бы! Николай Григорьевич помнил по сорок второму — сорок третьему году, как свирепствовали немецкие пикировщики. Но, думая о ныпешних немцах, Николай Григорьевич ясно видел, что силы их на исходе и что

* «Приказы Верховн. гла. команд.», Воениздат, М., 1975, с. 493.

* «Германия во 2-й мировой войне», Берлин, «Академия», 1985, т. 6, с. 697.
** К. Шеель, «Иллюстриerte хисторише ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр, оп. 160260-С, л. 64.

авиации у них, собственно, не осталось. Он все же предусмотрел вариант: вдруг да налетят? Потому в распоряжении по бригаде сказано: «Колонны вести на установленных дистанциях. При налете авиации противника расчленили глубину, не прекращая движения».

«Расчленили глубину» значило увеличить на ходу расстояние между машинами, а большей предосторожности не требуется: теперь на редкие немецкие самолеты шла настоящая охота, стоит им появиться, наши летчики сразу набросятся, бомбить не дадут...

Имперская автострада № 1 летела напрямиком на запад.

Николаю Григорьевичу знающие люди объяснили, что она и за Берлином пойдет дальше, но у него была карта только Берлина — хорошая, подробная штабная карта. Правда, Николай Григорьевич пока не знал, какому корпусу 5-й Ударной армии будет придан со своей бригадой, в каком районе Берлина придется воевать, и он за этот час пути от Зеелова до Нойенхагена все смотрел и смотрел на эту имперскую Германию, до которой ему идти так трудно досталось.

Война только вчера прокатилась здесь чудовищным, жестоким своим катком, еще не были убраны с полей и холмов наши сожженные фаустпатронами «тридцатьчетверки», ни разбитые немецкие «Тигры» и «Пантеры», еще дымилась справа и слева от автострады в супесчаной, желтоватой почве, пахли остро и привычно стеревшим пироксилином воронки, стояли пустые, мертвые, брошенные деревушки, и буйно цвели вокруг, куда ни глянь, яблони и вишни, и было все бело и празднично...

А впереди лежал Берлин, и война еще не кончилась.

IV

Еще в феврале 1945 года ОКВ объявило Берлин «зоной обороны» с тремя боевыми линиями. Первая, внешняя, была

вынесена на сорок километров за пределы города, вторая проходила в черте Берлина, но считалась «внешним кольцом обороны». Третье, внутреннее кольцо проходило по линии электрички, знаменитой S-Bahn, проложенной по гребню старинных XVII века крепостных, никакими старыми не пробиваемых валов многометровой толщины. И еще была «Цитадель» — укрепленный правительственный квартал в самом центре Берлина.

Все эти три кольца обороны поделены были на сходящиеся к центру сектора и обозначены буквами латинского алфавита: «А» и «В» на востоке, «С» и «D» на юге, «Е» и «F» на западе, «G» и «H» на севере. «Цитадель» обозначалась буквой «Z».

Именно через сектора «А» и «В» наступала, рвалась к центру Берлина 5-я Ударная армия генерал-полковника Н. Берзарина, и ее 32-й стрелковый корпус к 24 апреля вышел к самой Шпрее и взял штурмом после ожесточенного боя Салевский вокзал. Отсюда, что называется, рукой было подать и до «Алекса», как ласково и чуть насмешливо называли берлинцы Александер-плац, эту круглую, шумную, с трамвайным лязгом и перекатом площадь, и до сложенной из красного кирпича ратуши с ее ажурной, 97-метровой башней, и до Дворцовой площади, на которой Карл Либкнехт в ноябре 1918 года провозгласил Германскую Советскую республику, и до Острова Зеев, и Бранденбургских ворот. Брать их предстояло, преодолевая сплошной огонь эсэсовского огня, платя за каждый метр отбитой мостовой, за каждый этаж отбитого дома жизнями наших солдат. К этому дню стало очевидно, что именно 5-я Ударная армия будет громить Берлин. Она уже вышла сюда, в этот центр, и потому маршал Жуков именно в этот день, 24 апреля, назначил генерал-полковника Берзарина советским комендантом Берлина. Бригада Ушакова вошла в город Берлин 24 апреля, ее придали 416-й стрелковой дивизии.

32-го корпуса. К вечеру Николай Григорьевич подписал боевое распоряжение по бригаде: «1. Противник группами и отдельными подразделениями фольксштурма при поддержке артиллерии и минометов удерживает западный берег реки Шпрее, восточную окрестность аэродрома Трептов... Мой командный пункт — Силезский вокзал».*

В тот же вечер Николай Григорьевич испытал потрясение. Казалось бы, после столь жестокой, равноправной и беспощадной войны можно бы ко всему привыкнуть — а нет, ж ты...

Но то из офицеров крикнул — товарищ полковник! Смотрите, что же это делается?

Николай Григорьевич много лет спустя вспоминал, что увидел. В доме перед вокзалом, на той стороне неширокой площади, в одном из распахнутых окон шлачая схватка: какой-то немец пытался выбросить женщину, она отчаянно сопротивлялась, что-то кричала.

Николай Григорьевич в ту же секунду командовал замершим рядом с ним офицером — а ну, бегом! Те кинулись, но тут немец одолев — женщина, нелепо раскинув руки, повеселась на мостовую, и не успев оттуда, с седьмого этажа, прыгнул за ней.

V

25 апреля 416-я дивизия пробивалась к центру Берлина вдоль восточного берега Шпрее — левофланговый полк выходил к вокзалу Инновилльбрюкке, правый фланг дивизии штурмовал дома по правой стороне Хольцмарктштрассе. Отсюда Шпрее раздвигалась, расходилась на два рукава, обтекая Остров музеев.

Развернуть минометные полки по фронту дивизии Ушаков просто не мог, да и где их развернешь по мрачным, глубоким

дворам-колодцам, по-за домами? Он свел все полки в одно место, на перекрестке Хольцмарктштрассе и Лихтенбергштрассе, выстроил их один за другим. По схеме огня на 26 апреля видно, что впереди стояли дивизионы 114-го полка, за ними, в затылок, у самой реки, 210-й полк, чуть правее — 115-й полк, 131-й полк замыкал построение*.

Эти полторы сотни тяжелых 120-миллиметровых минометов изрыгали непрерывный огонь, прикрывая наши танки и пехоту, сжигая немецкие огневые точки.

По прежним временам Н. Г. Ушаков себе такого бы никак не позволил: все полтора ста минометов на крохотном пятчке! По прежним бы временам на такой пятточок — один немецкий воздушный налет, пара-тройка немецких бомб, и нет целой бригады! Но в апреле сорок пятого в Берлине если и была немецкая авиация, то Николай Григорьевич ее просто не видел: в небе беспрерывно висели только наши самолеты, и потому Николай Григорьевич немецких бомбежек не боялся.

Немецкие штабы теперь укрывались — если было возможно — на станциях метро; сюда же, в этот ад крошечный, набивались тысячи и тысячи людей: женщины с детьми, старики искали под землей убежище от сокрушительного русского огня.

В эти грозные дни страх берлинцев перед «восточными варварами», перед «ордами большевиков-азнафов» иссяк. Разговоры среди горожан крутились вокруг лозунга доктора Геббельса «Берлин останется немецким!» Берлинцы говорили — хотим жить независимо от того, останется ли Берлин немецким или станет русским! Полетели, понесли слухи, что русские обращаются с населением по-человечески; что раздают хлеб жителям; что кормят из полковых кухонь; что жители районов Вайссензее и Фридрихсхагена встречали русских с восторгом. 24 и 25 апреля были

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 69.

отмечены случаи, когда люди, в одиночку и группами, в том числе женщины с детьми, перебегали через линию фронта в кварталы, уже занятые Красной Армией, при этом эсэсовцы открывали по таким группам огонь. Появились случаи вовсе неожиданные: помещице женщины стали уговаривать молодых солдат дезертировать, при этом обещали помощь, укрывали, одевали в штатское. Эсэсовские заградительные отряды вешали на балконах и фонарях солдат и офицеров, бросивших оружие, на грудь мертвецам прикрепляли таблички: «Так умрут все изменники родины», «Я сговаривался с большевиками», «Я вишу здесь потому, что не умел пользоваться оружием, данным мне фюрером», «Я вишу потому, что был трусом».

...Бои придвинулись к Александерплац — тут четыре наших полка, поддержанные танками и артиллерией, штурмовали огромное железобетонное здание Polizeipresidium; полки 266-й дивизии ведут бои за Красную ратушу; дивизии 32-го корпуса, оставив справа Александерплац и Красную ратушу, прорвались наконец на Остров музеев — в этих боях солдаты 416-й дивизии отличились особо, как позже вспоминал член Военного совета 5-й Ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков, а там, где отличилась пехота 416-й дивизии — там показала себя героически и минометная бригада Н. Г. Ушакова.

Бои шли за огромное четырехэтажное здание дворца императора Вильгельма I, за Берлинский собор, за музеи — их здесь, на Острове, много: Старый музей, за ним Новый, дальше Пергамский, правее его, у берега восточного рукава Шпрее, Национальная галерея, а там, где оба рукава вновь сливаются, огромный Бодемузей с высочайшим куполом...

Но после двух первых дней боев в Берлине бригаду Ушакова у 416-й дивизии отобрали: командующий 32-м корпусом генерал-лейтенант Жеребин и командующий артиллерией корпуса полковник Ку-

ницкий, увидев, с каким мастерством сированного огня они имеют дело, поняли, что Ушаков со своими минометчиками вполне в состоянии заменить артиллерию в условиях города, его узких улиц и высоких каменных домов — каждую

Ушаков показал себя наилучшим образом: он мог придвинуть полки к самым позициям пехоты на самую близкую дистанцию минометного огня, на 500 метров, для стрельбы прямой наводкой, и накрыть многослойным массированным огнем своих полков любую цель в глубине немецких позиций — батареи в садах на перекрестках, на площадях, мог стать огневые точки немцев на чердаках на крутых черепичных крышах. Ушаков, как обычно, высылал в штурмовые группы дивизионных наблюдателей с рапелом, потому ясно видел, что происходит на немецкой стороне, и реагировал мгновенно: беспокоящий обстрел чередовал с прицельным огнем дивизионов и батарей по отдельным объектам, накрывал огнемходящие к позициям резервы, мощным огнем налетом всей бригады привлекал броски наших штурмовых групп...

При всем при том две вещи удивляли Ушакова: во-первых, перебегавшие к немцы с готовностью рассказывали, иногда и на карте указывали, где чистили нацистов расположено. Николай Григорьевич очень быстро разобрал, что это — немцы говорили «яци» — это есть фашисты, те, с кем он воевал. Эти немцы — женщины, ребята, и жилые мужчины с желтыми повязками на рукавах — это просто немцы, население, никакие они не «яци».

Три дня спустя, когда бои в Берлине придвинулись к Бранденбургским воротам, одна молодая женщина спасла Ушакова и шофера: они на «виллис» выскочили из штаба корпуса да по ним заскочили в квартал, где еще сидели немцы; их обстреляли сверху — Копина

расско завернул в подъезд, переждать.
Выскочила немка, молодая, пальтишко
распахнуто, на голове чалма из махро-
вого полотенца — руками замахала:
«Weg, weg, Herr Oberst, da oben sind
Nazi!»

А сверху, куда немка пальцем тычет,
грохот солдатских сапог. Дали задний ход,
развернулись — и назад. Выскочили на
Вильгельмштрассе — тут уж свои...

Вот это отношение к нам немцев и бы-
ло «во-первых». Во-вторых, по корпусу,
как и по всей 5-й Ударной, отдан был
приказ: без особой, крайней нужды по
музеям, храмам, театрам не стрелять, их
не рушить...

Как известно, Гитлер в 15 часов 15 ми-
нут 30 апреля покончил с собой. По при-
казанию нового рейхсканцлера, доктора
Гейббельса, боевые действия в Берлине
были приостановлены. К русским для
переговоров о перемирии направляется
генерал Кребс. Однако Кребс вернулся в
рейхсканцелярию ни с чем: дать согласие
на капитуляцию, которой требовали рус-
ские, он полномочий не имел. Потому от
командования I Белорусским фронтом
последовало в 21 час 30 минут распоря-
жение по всем армиям, в свою очередь
командующий 5-й Ударной армией ге-
нерал Берзарин отдал приказ по своим
корпусам — 9-му, 260-му и 32-му — «В
ночь с 1 на 2 мая продолжить уничтоже-
ние противника. Ко 2 мая создать свежие
штурмовые группы, 2 мая следует пред-
принять штурм центра Берлина. Артил-
лерийская подготовка с 10.00 до 10.15. На-
чал штурма в 10 час. 15 мин.»*

Соответственно и Ушаков в ту ночь из-
дал боевое распоряжение по бригаде:
«...Начало артподготовки в 10.00...»

Это — последнее боевое распоряжение
по 35-й Гвардейской минометной брига-
де.

* К. Шеель. «Освобождение Берлина»,
сборник док-тов, Берлин, Ферлаг дер Виссен-
schaften, 1985, док-т № 141, с. 178.

VI

Утро 2 мая вставало в притихшем Бер-
лине. Ни рева наших штурмовиков в дым-
ном от многодневных пожаров небе, ни
орудийного грохота... Над городом навис-
ло ожидание...

В 15 часов по остаткам моста через
Ландверканал к советским боевым лини-
ям вышел генерал Гельмут Вейдлинг, ко-
мендант Берлина, и заявил, что сдается.
Ему предложили отдать приказ об общей
капитуляции Берлинского гарнизона.
Вейдлинг тут же написал: «30 апреля фю-
рер покончил с собой и таким образом
оставил нас, присягающих ему на вер-
ность, одних. По приказу фюрера мы,
германские войска, должны были еще
драться за Берлин, несмотря на то, что
иссякли боевые запасы и несмотря на об-
щую обстановку, которая делает бессмыс-
ленным наше дальнейшее сопротивление.
Приказываю: немедленно прекратить со-
противление.

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший
комендант округа обороны Берлин».

Это был конец.

С наших позиций было видно, как вы-
ходили из укрытий, из шахт и тоннелей
метро немецкие солдаты; ненужные те-
перь автоматы, карабины, подсумки с пат-
ронами, каски летели в огромные кучи на
углах улиц, у входов в станции метро;
солдаты строились в огромные колонны —
несли впереди белые флаги, медленно дви-
гались к сборным пунктам; к Бранден-
бургским воротам, куда вышли наконец
части 5-й ударной армии, в тот день сно-
сили, вели под руки раненых, они лежа-
ли на носилках, сидели понуро на разво-
роченном асфальте, на поверженных, рас-
щепленных лицах — едва ли кто из них,
ожидая хлеба и воды, вспоминал те бле-
стящие парады и факельные шествия, ко-
торые так любил проводить здесь фюрер...

По журналу распоряжений 35-й Гвар-
дейской минометной бригады Н. Г. Уша-
кова никакие боевые действия полков за
2 мая не отмечены. Очередное распоря-

жение по бригаде, датированное 3 мая, гласит — бригаде «сняться с боевых порядков и к 18.00... сосредоточиться в районе... Нойенхагена»*.

В тот же день вездесущие разведчики бригады натолкнулись в Нойенхагене на целый Детский городок, он так и назывался — Детский городок: еще фашистские власти свезли сюда детишек от двух до пяти лет, оставшихся без родителей, их было до двухсот. Теперь старых властей не стало, у нового магистрата для содержания ребятишек ничего нет, ни денег, ни еды, потому ребятишки попросту голодают.

С этим и пришел к Ушакову начальник политотдела бригады, гвардии подполковник Жегалов. Вообще-то человек спокойный, уравновешенный, на этот раз Жегалов был явно взволнован:

— Детишки там совсем голодные, Николай Григорьевич! Что станем делать?

Ушаков еще в дни боев в Берлине видел не раз, не два, как немецкие женщины и подростки, не обращая внимания на ортобстрелы, бесстрашно выстраивались в очередь к нашим полковым кухням, как наши кашевары сноровисто выплескивали в подставленные котелки и кастрюльки наваристый горячий борщ; видел, как интенданты раздавали буханки хлеба в протянутые руки изголодавшихся, оглушенных многодневными боями людей... Спросил Жегалова — ты сам там был, в Детском городке?

— Был. Там с ними женщина, не то директор, не то надзиратель, не понял, только нас очень боится, и дети тоже... Запуганные, видно...

— Еще бы им не бояться! Не знаешь разве, как Геббельс немцев азиатской ордой страдал!

Словом, Николай Григорьевич рассудил, что дети есть дети, что вины на них, само собой, никакой нет и потому гвардейская бригада должна и обязана взять Детский

городок на временное довольствие, и солдаты, отделив от себя хлеб, масло и сахар, кормили детей, пока оставались в Нойенхагене.

Разумеется, Николай Григорьевич не знал — не мог знать! — что в первые послевоенные дни двигались своими путями два штабных документа, двигались независимо друг от друга, и имели они самое непосредственное отношение к только что миновавшим боям, к тому, что совершила в этих боях 35-я Гвардейская минометная бригада и Николай Григорьевич лично.

Вернусь немного назад.

Командующий артиллерией I Белорусского фронта генерал В. И. Казаков еще 23 апреля, в разгар боев по окружению группы Буссе, считая, видимо, дело решенным, вывел 35-ю минометную бригаду Ушакова из подчинения 33-й армии и перебросил ее в Берлин. Однако же командующий 62-м корпусом 33-й армии генерал-майор Воробьев, расставаясь с бригадой, проявил и душевную признательность, и благодарность, реально оценив ту роль, которую бригада сыграла в минувших боях — начиная с прорыва на Казимежском плацдарме и кончая переправой через Одер.

Воробьев приказал подготовить и представить ему на подпись наградной лист на гвардии полковника Н. Г. Ушакова и этот лист подписал 27 апреля. Он достаточно большой по объему, но я приведу его почти полностью — он того заслуживает:

«При прорыве противника на Казимежском плацдарме т. Ушаков руководил минометной группой в составе 5 минометных полков на главном направлении прорыва корпуса.

Благодаря четкому планированию огня и хорошей организации управления, минометная группа явилась основным огневым кулаком корпуса, подготовила и обеспечила прорыв обороны противника на всю тактическую глубину, нанесла колоссальные потери в живой силе и технике противника. При бое в глубине и

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 75.

преследования противника т. Ушаков, несмотря на свою инвалидность — отсутствием руки, все время находился на передовом наблюдательном пункте, четко управлял огнем бригады, подавлял отдельные элементы сопротивления и огневые точки, наносил противнику большие потери в живой силе и технике, чем обеспечил быстрое продвижение нашей пехоты от реки Висла до реки Одер, при малых потерях ее.

Далее в реляции сухим и ясным языком военного документа указано все то, что свершил Николай Григорьевич и его бригада в феврале-марте: и что с пехотными батальонами 222-го полка первыми в корпусе вырвался к Одеру, и что форсировал его с ходу, и что во время жесточайших боев на плацдарме прикрыл свою пехоту, не дал сбросить ее обратно в Одер.

Командующий 62-м корпусом генерал Воробьев высоко оценил подвиг Н. Г. Ушакова — так высоко, как мог: посчитал, что Николай Григорьевич «за проявленное мужество и отвагу достоин присвоения звания Героя Советского Союза»*.

Командующий артиллерией 33-й армии генерал-лейтенант Бодров 28 апреля реляцию подписал — «Достоин», еще два дня спустя подписи поставили командующий генерал-полковник Цветаев и член Военного Совета армии генерал-майор Габовичук, и представление ушло в штаб В. И. Казакова.

Одновременно и генерал-полковник Н. Г. Берзариц, командующий 5-й ударной армией, нашел, что бригада Н. Г. Ушакова и сам он весьма отличились в боях за Берлин — в представленной им реляции указано, что Н. Г. Ушаков, «массивным огнем отражая яростные контратаки противника, прикрыл левый фланг Центральной группы войск, чем способствовал взятию города Франкфурт и выходу в Берлин»**.

За берлинские бои Н. Г. Ушаков представлен был к ордену Ленина.

Эта реляция также прошла все надлежащие ступени: 16 мая 1945 года ее подписал генерал-полковник Берзариц, и она тоже ушла в штаб того же В. И. Казакова.

Начальнику артиллерии фронта Казакову оставалось только развести руками: сразу две армии, 33-я и 5-я Ударная представили к награде одного и того же человека! И вспомнился ему декабрь 1943 года, когда он, Казаков, командовал артиллерией Белорусского фронта, и начальник отдела кадров пришел к нему советоваться: прибыл из Москвы полковник и требовалось доложить в Москву, на какую должность будет допущен присланный полковник. Допущен... Почему именно «допущен»? Словно бы не везде мог служить, требовалось еще какое-то «допущение»... Когда же явился пред очами Казакова вызванный к нему полковник, стал, как положено, и доложил твердо, и в волевом, значительном лице не было ни просительности, ни сомнения, а пустой рукав кителя весь, от плеча, лежал ровно, при повороте полковника чуть отлетел от полы кителя — Казаков вспомнил! Этого полковника Казаков знал по боям на Курской дуге, там он командовал гвардейским тяжелым артполком, и немцы на том — на Малоархангельском — направлении не только не прорвались, но наших и не потеснили, а 19 июля, когда фронт отбросилседавших немцев и сам перешел в наступление, этот полковник был ранен...

Да, Ушакова генерал помнил, и потому из штаба артиллерии фронта Ушаков уехал с предписанием — «убыть на должность командира 35-й Гвардейской Речной минометной бригады РГК», время прибытия к месту службы Казаков собственноручно проставил 19 декабря 1943 года.

По характеру пунктуальный, даже дошный, генерал Казаков не выпускал эти месяцы из виду бригаду и ее коман-

* ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 793756, л. 49, 128.
** ЦА МО СССР, личное дело Н. Г. Ушакова № 0734988.

дира. Казаков, конечно, знал, как дрались минометчики врукопашную с немцами, но не выпустили, не дали им вырваться из Бобруйского котла; знал, как в августе-сентябре 1944 года держали плацдарм на Висле...

В сентябре 1944 года Казаков вывел бригаду с Казимежского плацдарма во фронтовой резерв, дал ей три месяца передышки, но в декабре, за две недели до начала нашего наступления, занятый сверх меры, сверх человеческих сил работой плана артиллерийского огня, все же выкроил время и побывал в бригаде Ушакова перед самым новым, 1945 годом.

Казаков уже знал, что перебросит бригаду по январскому льду через Вислу на Казимежский плацдарм, что приказ уже готов и подписан будет 2 января, через четыре дня, а 28 декабря поехал в Турув, где в лесу, в имении графа Потоцкого располагалась бригада. Казаков решил лично вручить бригаде ордена — Бо-

евого Красного Знамени и Богдана Хмельницкого.

Знал Казаков и о том, как с началом боев на Казимежском плацдарме действовала 35-я бригада, каким разумным офицером показал себя Ушаков: договорился с командующим корпусом и с его согласия собрал воедино все полковые минометы пехотных частей, создал при себе еще один минометный полк — массивным огнем пяти полков проломил, вспорол немецкую оборону, и покатались немцы от Вислы до самого Одера — за 21 день нашего непрерывного наступления нигде, ни на одной из семи линий обороны практически не зацепились, не удержались... Не смогли.

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков все же отложил реликвию 5-й Ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Георгий Скакунов

БРУСНИЦЫНСКИЙ ПЛАСТ

Один из угольных пластов Ленинск-Кузнецкого рудника называется Брусницынским. Почему? Кто такой Брусницын? Предлагаемый очерк — результат многолетних разысканий автора. Это, по-видимому, первая попытка объединить в целом по крохам собранные архивные, музейные и литературные сведения о незабвенном человеке, горном инженере-геологе Федоре Павловиче Брусницыне, работавшем с академиком А. П. Карпинским, членом-корреспондентом Академии наук В. И. Меллером, профессором И. В. Шкетовым. И сам он был необычайно талантливым исследователем, много сделавшим для изучения недр Урала, Средней Азии, Якутии, Кузбасса. Можно без преувеличения утверждать, что именно Федор Павлович Брусницын заложил теоретические и практические основы широкого исследования угольных запасов Кузбасса: здесь было открыто и разведано первое в нашем крае крупное промышленное месторождение (Кольчугинское), на котором им же была заложена первая шахта. С тех пор по тем временам шахта. С тех пор «есть пошла» каменноугольная промышленность Кузбасса.

Конечно, легендарный Михайло Волгин, первым из русских поднявший голый камень на берегу Томи, заслуживший высочайшей чести: благодарные потомки поставили ему памятник, назвали его именем одну из площадей Кемерово. Но разве

труды Ф. П. Брусницына, положившего начало «второй кочегарке» Отечества нашего, не заслуживают более высокой оценки?

Пользуясь случаем, чтобы выразить глубокую признательность инженеру одного из Ленинградских НИИ Скакуновой О. Г., сотруднице Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР Герус Е. Г., работникам Ленинградского Горного института Боркиной М. И., Салахутдиновой Д. К., Бауману В. Г. и многим другим, кто принял живое участие в поисках распылившихся со временем сведений и материалов об этом незаслуженно забытом деятеле славной когорты русских геологов.

Шел год тысяча восемьсот восемьдесят второй. Сильные лошади легко несли крепкие сани-кошевку. На облучке ловко орудовал вожжами ладный ямщик, а сзади одетый в шубу-ягу, обутой в мягкие казанские пимы, прикрытый медвежьей полостью сидел молодой еще человек. Видно было, что он уже изрядно утомлен дальней дорогой. Унылая белая равнина расстиралась вокруг, глазу не на чем было остановиться, временами одолевала неотступная дремота. В памяти всплывали одна за другой картины пережитого.

Три недели назад Федор Павлович Бру-

Брусницын вызван был к управляющему Кабинетом его императорского величества*. Генерал сказал, что слышан о нем как о широко образованном горном инженере, сделавшем несколько важных открытий, что уважаемые профессора Горного института Валериан Иванович Меллер, Александр Петрович Каршинский и Николай Александрович Иосса рекомендовали его, Федора Павловича, в состав комиссии по всестороннему изучению Алтайского горного округа, что сам император соизволил всеилостивейше утвердить эту комиссию. Протягивая руку на прощание, добавил: «Я искренне рад, что вы, господин Брусницын, удостоены столь высокой чести. Моя радость тем более велика, что я хорошо знал покойного вашего родителя и высоко ценю его редкостный талант. Слышан также о заслугах перед отчеством деда вашего Льва Ивановича. Искренне желаю вам успехов на новом поприще!»

И вот тридцатитрехлетний горный инженер (по традиции его еще нередко называли горным офицером) мчится от станции к станции по великому сибирскому тракту к далекому городу Барнаулу, где находится управление Алтайского горного округа.

Вспоминает Федор Павлович деда Льва Ивановича Брусницына. И хоть мал был внук, но запали ему в голову рассказы дедушки об Уральских горах, о несметных богатствах, тающихся в них, о том, как он, дед, нашел первые золотые россыпи близ города Екатеринбурга, придумал приспособления для добычи из них драгоценного металла.

Позже, уже будучи студентом, Федор

* Кабинет его императорского величества — это своеобразное министерство, которое ведало лично царю принадлежавшими землями, заводами, рудниками. Так называемые «кабинетские земли» занимали огромные территории. Площадь только одного Алтайского округа составляла около 450 тысяч кв. км. Значительная часть современного Кузбасса находилась на «кабинетских землях».

Брусницын прочитал в «Горном журнале»* об удивительном открытии бывшего промывальщика Березовского золотого рудника. Здесь с помощью кирки, клина и кувалды выламывались куски «жилая» — прочных золотосодержащих пород. Они измельчались, превращались в песок с помощью примитивных дробилок, приводимых в действие лошадьми или энергией воды. Из полученной массы промывкой извлекалось золото. Работа тяжелая, трудоемкая, а добыча — ничтожная.

Лев Иванович по собственным наблюдениям знал, что все горные породы под воздействием природных сил со временем разрушаются, превращаясь в песок и глину. Значит, и золотосодержащие породы тоже разрушаются. Выходит, что золото как металл благородный должно находиться в песке и глине, из золотосодержащих пород образующихся. Надо только узнать, где сосредоточивается освобожденный металл. И он сделал это великое открытие!

Пользуясь разработанной им методикой, он сразу же нашел кусочек золота весом в восемь с половиной золотников (более 35 граммов), а затем, промыв трехпудровую тачку песка, получил 2 золотника (4,5 грамма) драгоценного металла. Уже через год после первых опытов, в 1815 году, получено из россыпей около 5 пудов (80 килограммов) чистого золота.

По способу Л. И. Брусницына на Урале открывают новые и новые россыпи, быстро растет добыча. К 1823 году она достигает 105 пудов (1680 килограммов). При этом себестоимость россыпного золота была в несколько раз ниже, чем жиланого.

Открытие Льва Брусницына имело особую ценность в связи с окончанием Отечественной войны 1812 года. Наполеон наводнил Россию фальшивыми ассигнациями (бумажными деньгами), что в значительной мере расстроило финансовую

* «Горный журнал», 1864 г., № 5.

...му страны. Резкое увеличение добы-
...монта позволило уже в 1817 году во-
...чеканку золотых пятирублеви-
... (полумпериалов) и десятирублеви-
...ков (периалов). Это сильно способствовало
...щению денежного обращения.

Вскоре весть о россыпном золоте дошла
...бири, и здесь открываются богатые
...ждения. Первый прииск был за-
... на речке Берикуне в 1827 году, а
... году найдены россыпи и в Салаир-
... крае на «кабинетских землях». Так
... дед Лев Иванович Брусницын имел
...стное отношение и к тому краю, куда
... теперь его внук.

Разработка россыпей в России соверши-
...переворот в мировой практике добычи
...ота. Так, вся Северная и Южная Аме-
... до 1845 года добывала этого металла
...вее 600 пудов, а через два года после
...рытия россыпей в Калифорнии добыча
...та возросла в десять раз! Позднее
...работка золотоносных россыпей раз-
...алась в Австралии, а потом и в Юж-
...Африке, охватив таким образом весь
...тр. А началось-то все с догадки и опы-
...в неизвестного уральского горняка —
...стливого деда Льва.*

«И ведь вот парадокс, думал Федор
...вич: великое открытие деда не из-
...ило его судьбы. Так и остался он до
...а дней своих в податном сословии, и
...и дети его обязаны были работать при
...зде, не вольны они были распоря-
...ться своей судьбой. Лишь сын его Па-
... в 1845 году за заслуги в медальерном
...исстве был освобожден от заводской
...ности и получил право «пользовать-
...с потомством вечною и совершенною
...дой и вольностью и вступать в служ-
...у, в какую сам пожелает». Не случись
...и, тянуть бы отцу до манифеста
... года казенную лямку.

Вспоминает наш путешественник свое-

го отца. Павел Львович родился в год три-
...умфа деда Льва. После окончания завод-
...ского училища как один из способней-
...ших учеников отправлен был начальст-
...вом в Петербург для продолжения обра-
...зования в горнотехнической школе. Одна-
...ко, имея тяготение и незаурядные способ-
...ности к художествам, добился разрешения
...обучаться одновременно медальерному
...искусству при монетном дворе у знаме-
...нитого медальера Андрея Грубе. А вскоре
...позволили ему посещать и классы Ака-
...демии художеств.

Здесь Павел Брусницын получает воз-
...можность учиться у земляка-уральца,
...воспитанника знаменитого Златоустовско-
...го оружейного завода, а теперь академи-
...ка П. П. Уткина, главного медальера
...медального класса Академии. Успехи от-
...ца были блистательны: через три года он
...становится помощником учителя медаль-
...ерного искусства в горной технической
...школе, а с 1842 по 1845 год работает учи-
...телем штемпельного искусства при мо-
...нетном дворе в Екатеринбурге.

1845 год — самый знаменательный в его
...жизни: он и его дети получают волю. Пе-
...реезд в Петербург. Творческая работа до
...полного изнеможения. Редкие часы от-
...дыха. Эскизы, рисунки — десятки вари-
...антов, лепка модели, резание штампа из
...стали. Работа адская: требуется величай-
...шая аккуратность при столь малых дета-
...лях изображения.

Начав напряженную работу, будучи
...малолетком, он рано подорвал здоровье,
...и теперь сырой Петербург не способство-
...вал его сохранению. Федор запомнил отца
...вечно согбенного над своими работами,
...сначала просто кашляющего, а потом ка-
...шлявшего кровью...

И все-таки отец многое успел сделать.
...Десятки великолепных медалей создали
...ему славу крупного художника, вписав-
...шего свою страницу в историю русского
...искусства. Отец особенно гордился меда-
...лью Русского географического общества,
...присуждавшейся выдающимся путешест-

* См. «Речь А. П. Карпинского, произне-
...денную в день празднования 200-летней го-
...родины Горного ведомства — 6 декабря
... (Собрание сочинений, том 4, с. 394).

венникам, известным ученым-географам*, а также медалью «В память М. В. Ломоносова», на которой вырезал такие полные глубокого смысла слова: «За кем пойду». Высоко ценил он медаль «На открытие памятника 1000-летию России», штемпель с изображением Петра Великого. Труды П. Л. Брусницына по разоблачению подделывателей таможенных пломб были высоко оценены и правительством: ему пожалован был орден Святого Станислава II степени.

В 1859 году отец стал академиком Академии художеств, а спустя десять лет ее профессором. Увы, к этому времени чахотка «доедала» отца. Через два года он умер.**

Федор Павлович не пошел по стопам отца. У него был интерес к искусствам, он неплохо рисовал, обладал красивым и сильным голосом, любил музыку, хорошо играл на фортепьяно***. Но артистическая карьера не привлекала его. Тяготил холодный Петербург, где родился и рос. Он мечтал о встрече с прекрасной природой Урала, о котором столько чудесного слышал от деда и отца. Его влекли путешествия в неведомые края, жажда открытий. Для учения избран был Горный институт.

Несомненно, что в горнозаводских кругах это было самое престижное учебное заведение. Еще в начале XIX столетия русские инженеры проходили стажировку

* Первой золотой медали Русского географического общества работы П. Л. Брусницына был удостоен исследователь Северного Урала Э. К. Гофман (1849 г.); позднее в числе награжденных ею были Н. М. Пржевальский (1874 г.), И. В. Мушкетов (1880 г.), Н. А. Северцов (1883 г.).

** О П. Л. Брусницыне более подробно можно прочитать в специальных изданиях. Вот некоторые из них: Русский биографический словарь, Том 3. СПб. 1908 г. Художники народов СССР, Том 2. М., 1972 г. Косарева А. В. Искусство медали. М., 1977 г.

*** Ф. П. Брусницын всю жизнь общался с большим кругом людей искусства. Он, например, с удовольствием и успехом музицировал с известным композитором Глазуновым, учившим музыке племяннику Федора Павловича.

либо в Англии, либо в Саксонии. Теперь из Горного института выходили специалисты высшего класса. Вот, например, воспитанники института, а затем его, Федора, преподаватели. Валериян Иванович Мёллер достойно представлял русскую науку на первых Международных геологических конгрессах в Париже (1876 г.) и Болонье (1881 г.). Молодой адъютант Александр Петрович Карпинский выслал Конгрессу доклад (на французском языке), вызвавший большой интерес виднейших ученых мира. Оба теперь профессора, авторы многих научных работ и крупных открытий. (Заметим в скобках, что позднее В. И. Мёллер будет целое десятилетие директором Горного института, станет членом-корреспондентом Академии наук, выступит в роли настойчивого инициатора создания единой государственной геологической службы в России — Геологического комитета, а А. П. Карпинский возглавит этот комитет, будет избран академиком, а затем и президентом Академии наук СССР с 1917 года до смерти в 1936 году.)

Когда Федор Павлович закончил курс наук, В. И. Мёллер пригласил новоиспеченного горного инженера в состав своей группы, которая в летние месяцы производила каменноугольные разведки на Среднем Урале. Сбылась-таки мечта юного Брусницына! Это было в 1872 году.

В начале лета они приехали в Уткинский завод графини Стенбок-Фермор. Близ широкого заводского пруда был арендован двухэтажный дом, где удобно разместилась их экспедиция. Напротив — «господский дом» — с колоннами и мезонином. Там жил управитель завода. Справа, на самом берегу пруда, располагались заводская контора и училище.

По другую сторону пруда на скалистой возвышенности вздымалась церковь. В зеркальной воде отражалась стройная высокая колокольня, ярко раскрашенные купола, золоченые кресты и вековые ели и сосны, в изобилии росшие по берегам.

Под плотиной ритмично хлопали меха-

...ские молоты плющильной фабрики, можно вдыхали мехи кузнечных горнов, выжигала временами руда при засыпке шихты в домну. Вечерами в небе полыхали багровые отсветы расплавленного чугуна, что выпускался из доменной печи. Заводской поселок окружен невысокими лесистыми горами. Будто волны зеленого моря, взметнувшись однажды, застыли навечно в буйном порыве. Смотрел и не мог насмотреться на окружающий мир молодой Брусницын, не мог надышаться чистым, настоящим на хвое воздухом. Какой контраст с суетной и чопорной столицей!

Вскоре начались работы. Предстояло произвести обстоятельные геологические исследования в Уткинской и Илимской казенных дачах — полосе вдоль реки Чусовой верст на 150 в длину и 20—30 в ширину. Работа от зари до зари. Описания обнажений, шурфов, разрезов, отбор образцов — и так изо дня в день. К вечеру молодые ноги будто свинцом наливались.

Места кругом были живописнейшие. Позднее Чусовую опишут в столичных журналах и газетах, десятки страниц, целые книги посвятят ей литераторы, художники изобразят на десятках полотен.

При первых же шагах самостоятельной деятельности Федора Брусницына ждала удача. Нашел-таки он месторождение каменного угля в неперспективном районе Правда, на казенных землях ему удалось «поймать» лишь хвост пласта, который уходил во владения графов Строгановых. Производить разведки на графских землях не входило в задачи экспедиции Маллера.

Тщательный анализ литературных источников и собственного материала, накопленного в ходе полевых работ, привел Брусницына к предположению о наличии богатых месторождений на восточном склоне Уральских гор. Позднее это подтвердилось изысканиями других геологов и самого Брусницына. Когда

А. П. Карпинский, которому были поручены каменноугольные разведки на восточном склоне Урала, пригласил Федора к себе в помощники, тот охотно принял предложение зятя.

Десять лет отдано Уралу. Обследована громадная территория площадью не в одну европейскую страну. По результатам исследований опубликовано несколько статей в научных журналах. Его работу высоко оценило Уральское общество любителей естествознания: в 1875 году двадцатилетний геолог избран его действительным членом. Членами общества состояли крупнейшие отечественные и зарубежные ученые: А. П. Карпинский, В. И. Мёллер, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев, Н. П. Пржевальский, Ф. Навсен, Э. Нордшельд и многие другие.

В 1877 году на собрании общества в Екатеринбурге Федор Павлович выступил с обзором осадочных пород восточного склона Уральского хребта. Особый интерес собравшихся вызвало сообщение о находках пластов каменного угля. Позднее А. П. Карпинский, обобщив результаты собственных исследований, а также работ своих помощников Брусницына и Гебауера, выделил «Главную угольную полосу Урала», которая протянулась с севера на юг и месторождения которой до сих пор дают основную добычу уральского каменного угля.

Большую известность Ф. И. Брусницыну принесли открытие, разведка и оценка запасов Егоршинского месторождения.

Пришел на память давний случай. После окончания полевого сезона 1874 года вернулся он в столицу и конечно же решил навестить свой родной институт. Помнится, это было 4 ноября. Проходя по знакомым коридорам, услышал в одной из аудиторий шум. Оказалось, там бурлила сходка. Горняки совместно с «технологами»* выступили в поддержку сту-

* «Технологи» — студенты Технологического института.

дентов Медико-хирургической академии. Те протестовали против «антиингилистической» брошюры их профессора И. Ф. Циона. Решено было прекратить посещение занятий. Среди студентов Горного начались аресты и высылки. Брусницын не удержался и похвалил будущих горных инженеров за братство и товарищество. Ареста тогда он избежал, а вот официальное запрещение посещать Горный институт «впредь до особого по сему предмету распоряжения» получил. От более сурового наказания спасло его тогда заступничество старого друга и зятя преподавателя института Александра Карпинского.

Познакомились они еще будучи студентами. Александр был постарше, раньше окончил курс обучения и уехал работать на Урал, но вскоре вернулся в столицу и стал преподавать в Горном. Молодой адъюнкт все чаще и чаще стал бывать в доме Брусницыных на Галерной улице. Благо, это совсем недалеко от квартиры Карпинского: стоило лишь перейти Неву по Николаевскому мосту. Александр тоже любил музыку, но еще больше его привлекала младшая сестра Федора Сашенька. Александр часами слушал ее игру на рояле. Любовь оказалась взаимной, Александр обратился с рапортом к директору института и получил милостивое разрешение на бракосочетание.

Летит, летит время! У Сашеньки и Александра уже четверо детей.

Мысли нашего путешественника перенесли на свои семейные дела: мало бывает он дома, большая часть года проходит в экспедициях. И волна жалости к жене, к малолетнему сыну, нареченному в честь деда Львом, охватила сердце.

Брусницын спешит по сапному пути добраться до таинственного Барнаула — столицы Алтая. Местность стала постепенно изменяться. На смену редким березовым колкам пришли вытянувшиеся в виде широких лент сосновые боры. Привыкнув за годы работы на Урале к сплошной тайге, местами трудно проходимой,

он с удивлением и любопытством смотрел на это необычное явление природы. Заметнее становились холмы, показался наконец и Барнаул.

В сравнении с деятельным Екатеринбургом, с его прямыми проспектами и улицами, Барнаул выглядел убогим.

После встреч с начальством Алтайского горного округа Брусницын заспешил в дорогу: ему предстояло обследовать огромный горнопромышленный район, официально именовавшийся Салаирским краем. Работы предстояло много, а сибирское лето такое короткое! Спутником и помощником его стал Г. Н. Майер.

Избрав в качестве базы Салаир, приступает к геологическому изучению ближайших и дальних окрестностей. Площадь в несколько тысяч квадратных километров покрывается сетью маршрутов (экскурсий, как тогда было принято выражаться). Проходили их либо верхом на лошади, либо пешком. Район исследований был ограничен на юге Кузнецком, на севере — истоками реки Ур, на западе — рекой Обью, а на востоке — Каракайскими горами и средним течением Томь.

Наиболее подробно изучен Салаирский край и часть Кузнецкой котловины в бассейне Ини. Удалось посетить и высшую точку края — гору Копну. Кроме выполнения чисто практических работ, изучения выходов серебросодержащих руд, Федор Павлович получил здесь большое эстетическое удовольствие: с вершины горы открывался чудесный пейзаж. На десятки верст простирались вокруг поросшие лесом горы, по мере удаления они из зеленых делались все более голубыми, сливались на горизонте с чистым голубым небом. Как это напоминало ему Урал!

На одном из склонов Копны внимание Брусницына привлекло углубление, заросшее травой. Явно было видно, что это следы деятельности человека. Расчистив яму, нашел куски древесного угля, бурого железняка, доменного шлака и заржавевшего пористого железа. Стало ясно, что в давние времена местные жители

или кузнечные татары — выплав-
ляют в примитивных «домницах» чу-
жатым металлом длительной проковкой рас-
плавляя металл получали железо. Все
нужное было рядом — и залежи ру-
ды, из которого выжигали уголь.
Брусницын проводит не только общее
геологическое исследование края, но и
погружается в детальное изучение место-
рождений полезных ископаемых, обследо-
вание полезных ископаемых, обследо-
вание (включая, например, си-
стему крепления) и оценивает работаю-
щие и заброшенные рудники. Несомнен-
но интерес для историков и краеведов
представляют его описания салаирских
«завосов» — карьеров по добыче руды,
условий работы и оплаты труда
рабочих, той системы разграбления за-
пасов золота, которая велась на стара-
нских приисках чиновниками — сбор-
щиками (объездчиками) в сговоре с при-
казчиками и хищниками-перекупщиками.
Между прочим, вопреки принятому мне-
нию, Брусницын утверждает, что 1-й Са-
лаирский рудник был «открыт ясачным
татаринном Нарышкиным, но объявлен
улопскателем Поповым в 1781 году».
Отдав необходимую дань месторожде-
ниям железных, серебряных и медных
и золотосодержащим россыпям, залежам
и строительного камня, все же
особое внимание уделяет он каменному
уголю. К этому времени работали два не-
большых рудника. Бачатская копь, от-
крытая в 1851 году, состояла из трех
шахт: Александровской (75 метров глу-
бины), Петропавловской (66 метров) и
Михайловской (52 метра). Но, по заклю-
чению Брусницына, «крутое положение
делов, непостоянство каменноугольных
пластов, т. е. значительные более или ме-
ншие резкие изменения в толщине и частос-
те выклинивания и сравнительно плохое
качество угля, делают добычу его доволь-
но затруднительною и не оправдываю-
щую тех надежд, какие возлагались на
Бачатскую копь при начале ее разработ-
ки».

Мерети, притока Иши, была заложена
Соснинская шахта. Брусницын осмотрел
ее. Глубина шахты составляла 22 метра,
а разрабатываемый пласт достигал тол-
щины около 5 метров. Однако большой
приток воды при отсутствии парового дви-
гателя для ее откачки делали дальнейшую
добычу угля здесь нецелесообразной.

Кроме словесного описания Соснинской
копи, Брусницын зарисовал ее. Это едва
ли не единственный документ, который
дает нам наглядное представление о пер-
вых кузбасских шахтах.

Ознакомившись с Бачатскими и Сосни-
нской шахтами, Брусницын приступил к
выполнению главного задания: разведать
такое месторождение, которое обеспечи-
ло бы дешевым и высококачественным
углем потребности салаирских предприя-
тий, а в будущем, в связи с проектирова-
нием и началом строительства трансси-
бирской железной дороги, возможность
продажи угля как русским, так и зару-
бежным промышленникам.

За первый же полевой сезон были в об-
щих чертах определены контуры и запа-
сы месторождений в окрестностях насе-
ленных пунктов Конево, Бабанаково, Бе-
лово, Байкаим, Кольчугино, Хмелево и
ряде других мест.

Итоги исследований Ф. П. Брусницын
изложил в обширном «Отчете по обозре-
нию рудных и каменноугольных место-
рождений Салаирского края Алтайского
округа», к которому прилагались много-
численные планы, схемы геологических
разрезов, рисунки. Выводы и расчеты мо-
лодого исследователя подкупают обстоя-
тельностью и точностью прогнозов. При-
веду только один.

Перечислив многочисленные выходы
ископаемого топлива прекрасного каче-
ства по Томи и ее притокам, Брусницын
писал: «Не могу не выразить желания
когда-нибудь видеть свободную каменно-
угольную промышленность, под влиянием
которой может развиться и фабрично-ма-
нуфактурная, если предоставить частным
лицам широкое пользование минеральным

топливом, которое в настоящее время тайно расхищается и тайно же сплавляется, как я лес, в город Томск и даже по Оби, не принося никакой пользы Кабинету Е. И. В.».

Сбылась мечта исследователя недр Кузбасса. Развилась в колоссальных масштабах и каменноугольная, и другие виды промышленности. И не его, Ф. П. Брусницына, вина, что при бестолковом руководстве современных чиновников развитие это идет неразумно, не принося должной пользы ни государству, ни людям, здесь живущим.

По завершению работы в составе Алтайской комиссии Федор Павлович был назначен управляющим Салаирскими рудниками. В 1883 году под его руководством близ селения Кольчугино была заложена современная по меркам того времени шахта с символическим названием «Успех».

Успех горного инженера Брусницына был и не случайным, и не кратковременным. Уже в 1884 году было добыто 2,5 тыс. тонн угля, а к 1890 году добыча возросла до 8,5 тыс. тонн. В связи с началом работы Кольчугинской копн кустарные шахты близ Бачат и Сосновки свою деятельность прекратили.

Успех Ф. П. Брусницына был обеспечен высочайшей его квалификацией, прекрасной школой, пройденной под руководством геологов мирового масштаба, опытом, накопленным за десять лет работы на Урале. Открытое им Кольчугинское месторождение вот уже более ста лет дает уголь. Теперь здесь работают крупные шахты и разрезы. Ежегодная добыча измеряется миллионами тонн высококачественного угля, часть которого идет за рубеж.

Административная работа в должности управляющего пришлась не по душе Федору Павловичу. Его влекли новые края, новые открытия. Лишь после двухлетних настойчивых просьб откомандировали его сначала в Царство Польское, а потом в Сибирь. Это юго-восточная часть Казахстана — район семи рек, впадающих в

озеро Балхаш. Здесь он занимается разведками угля, а также другими геологическими изысканиями. Особенно памятным оказался 1888 год: по приглашению профессора И. В. Мушкетова он принимал участие в изучении катастрофического Верянского землетрясения 1887 года.

В 90-е годы Брусницын ведет разведки угля в Якутии и Канско-Ачинском бассейне.

Экспедиционная, не всегда хорошо оплаченная в бытовом отношении жизнь подорвала казалось бы несокрушимое здоровье исследователя российских недр. В 49 лет он вынужден был выйти в отставку. Уже будучи тяжело больным, по приглашению одного из заводчиков Брусницын покидает столицу и едет на Урал для руководства разведочными работами. Но болезнь делает свое дело. Вернувшись в начале осени 1901 года в Петербург, едва достигнув 52-х лет, Федор Павлович скончался.

Смерть его не прошла незамеченной. Заслуги Ф. П. Брусницына перед отечественной наукой и горной промышленностью были отмечены в некрологах нескольких изданий. В «Уральском горном обозрении» особо подчеркивалось, что «покойному принадлежит честь стать первым исследователем Егоршинского бассейна», а в «Горном журнале» отмечалось: «Из работ Ф. П. Брусницына наибольшее практическое значение имеет открытие лучшего из известных на Алтае Кольчугинского каменноугольного месторождения и устройства на нем копи». К заслугам видного исследователя относят также активное его участие в создании в 1886 году Общества горных инженеров.

Ф. П. Брусницын оставил нам немало печатных работ. Кроме упомянутого «Отчета...», изданного отдельной книгой, были его публикации в «Горном журнале», в «Известиях общества горных инженеров», в «Записках Уральского общества любителей естествознания», в «Геологических и разведочных исследованиях по линии Сибирской железной дороги» и других из

Брусницын. Он был одним из соавторов первой геологической карты восточного склона Урала, вышедшей из печати в 1884 году.

* * *

Брусницынский пласт... Официальное название одного из многих угольных пластов Кольчугинского месторождения. Но

для меня это понятие не только чисто техническое, но и понятие гуманитарное. Широко бытует примитивное представление о культуре как сумме достижений в области литературы, музыки, изобразительных искусств. Вероятно, этот усеченный взгляд сформировался у многих под влиянием того поля деятельности, которым ведает наше Министерство культуры и его органы на местах. Думается, что культура — понятие значительно более широкое, включающее в себя также и достижения человечества в науке и технике. Видимо, ограниченное представление о культуре является одной из причин

того, что Общество охраны памятников истории и культуры так мало уделяет внимания сохранению теперь уже немногочисленных остатков оригинальной отечественной техники (сооружений горнодобывающего и металлургического производств, гидротехнических сооружений и т. д.).

Отечественные горняки, металлурги, гидротехники и машиностроители — это мощный пласт русской культуры. И среди них достойное место занимает славная династия Брусницыных*. Предметом нашей гордости служит то обстоятельство, что брусницынский культурный пласт прошел и через наш край.

* В год смерти Ф. П. Брусницына его сын Лев окончил Горный институт. Было бы интересно проследить дальнейшую судьбу династии славных русских горняков. К сожалению, у автора этих заметок нет уже на то сил. Может быть, кто-то из молодых завершит начатую мной работу?

Елена Лутовинова

О СОБИРАНИИ И ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА КУЗБАССА

В нашей стране вместе живут представители 112 национальностей и этнических групп. Сосуществование и взаимовлияние различных культур, сохранение культурных традиций, повышение этнического самосознания — так кратко можно обозначить процессы, происходящие сейчас в Кузбассе.

В Новокузнецком педагогическом институте создан Научный центр по изучению шорского народного творчества, возглавляемый доцентом кафедры литературы А. И. Чудояковым. Исследованию шорских эпических поэм и мифологических представлений родного народа посвящены многие работы ученого.

Фольклор телеутов, проживающих на территории Кузнецкой котловины, записывали А. Н. Анохин, Н. П. Дыренкова, П. А. Макиенко, Г. Г. Фисакова, К. В. Меркурьев, Б. Н. Моргунов, В. Т. Сыркашева и др. У бачатских телеутов побывали в разные годы экспедиции из Новосибирска, Барнаула, Ленинграда, Горно-Алтайска, Казани, Кемерово. Записывали Кайчорчок — героический эпос, сейчас не бытующий — ушли из жизни старики-сказители. Записывали чорчок-сказки про Козика и Баян-слу, Актын-Дас и Талым-Кыс, записывали сарын — народные песни. Но, к сожалению, пока эти материалы хранятся в архивах исследовате-

лей. Собрать эти ценнейшие жемчужины народного творчества в единый сборник и опубликовать их — задача ближайшего будущего.

Кузбасс — единственная, пожалуй, область в РСФСР, где ни разу еще не издавались собрания записей русского фольклора, а ведь 90 процентов его населения — русские. Немногочисленные публикации русского фольклора Кузнецкого округа, входившего в состав Томской губернии, можно найти в газете «Томские губернские ведомости» за 1860—1865 годы. Эти записи сделаны В. И. Вербицким. В изданиях прошлых лет, ставших уже библиографической редкостью, печатались легенды и были (Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Новосибирск, 1938), песни (Антология «Русский современный фольклор», Л., 1967. Материалы В. М. Потявина). В нашей области записаны сказки, вошедшие в сборник «Русские сказки Сибири» (Новосибирск, 1977, с. 167—170) и «Русские народные бытовые сказки Сибири» (Новосибирск, 1985, с. 209—210).

Большой вклад в исследование русского фольклора нашей области внес известный ученый В. М. Потявин. Василий Михайлович, доцент Кемеровского университета, вместе со студентами филологического факультета побывал во всех районах области, в самых глухих ее уголках, записывал песни, сказки, частушки.

На основе изучения кузбасского фольклора В. М. Потявиным была написана монография «Современные русские народные песни» (Вып. 1. Кемерово, 1968; Вып. 2. 1976.), статьи «О собирании и изучении народной поэзии Кузбасса» (1964), «Современная народная поэзия Кузбасса» (1964), «Современный рабочий фольклор Кузбасса» (1965) и другие. Преданный народной поэзии, Василий Михайлович воспитывал у молодежи настоящую любовь к ней и горячее желание отыскать и сохранить бесценные сокровища мыслей, чувств и искусства народа. Во время его работы в Кемеровском университете на самостоятельной студенческой сцене

было необычное представление: старинная русская свадьба. К сожалению, с уходом В. М. Потявина заглохли традиции воспроизведения фольклора в КГУ. Сегодня радует зрителей своим искусством фольклорный ансамбль «Сказка», созданный по инициативе Старовойтовой Татьяны Леонидовны — доцента Новокузнецкого педагогического института. Студентки филологического факультета бывают в фольклорных экспедициях, шьют народные костюмы по оригинальным бабушкиным выкройкам, готовят песни к показу. «Сказка» — участник Международного фольклорного фестиваля, проходившего летом 1988 года в Москве.

Фольклорными экспедициями двух вузов области собран значительный материал, требующий научной систематизации и серьезного осмысления.

В архиве кафедры русской и советской литературы КГУ хранится более 45 тысяч фольклорных произведений. Богатейшая коллекция песен (22 тысячи) частушек (17 тысяч), пословиц и поговорок (750), загадок (400), сказок (190), детского фольклора (800), записей обрядов (100), заговоров (90) и других жанров. Есть и небольшое собрание рукописных альбомов с песнями, стихами, афоризмами. Этот ценнейший материал необходимо издавать и серьезно изучать, ведь в нем отражены мысли, чувства, настроения кузбассовцев, их этические и эстетические идеалы.

Четыре года назад из части архивного материала был составлен сборник «Русский фольклор в Кузбассе», куда вошли тексты сказок, песен, частушек. Секция фольклора Кемеровского областного оргкомитета по проведению III фестиваля народного творчества планировала его публикацию, но пока рукопись не издана.

В Кемеровском университете собран материал для сборников «Народная проза» и «Детский фольклор», составляется учебное пособие «Русские сказки на территории Кузбасса». Составляется пере-

первоначальный план обследования сельских поселений Кузбасса.

Начата работа по программе общества «Энциклопедия российских деревень». В начале года группа студентов-филологов выехала на зимнюю фольклорную практику в старинное село Зелеевское Юргинского района. Зелеевское упоминается в Историко-географическом описании Томского уезда, составленном в 1734 году

Г. Ф. Миллером. Планируется работа по составлению сборника «Старинные села Кузбасса в фольклорных памятниках».

Хочется, чтобы сами жители Кузбасса записывали услышанные от пожилых людей песни, сказки, заговоры, легенды, рассказы о прошлом. Это очень дорого для детей, молодежи, чтобы ощутили они связь поколений, сохранили душу предков.

Юрий Ширин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО ОСТРОГА

Со времен Г. Ф. Миллера не прекращается дискуссия о первоначальном расположении Кузнецкого острога. Сохранившиеся от XVII века документы позволяют предполагать, что острог был возведен в 1618 году на левом берегу реки Томи, а на правый берег перенесен позднее — в 1620 году.

Вопрос оказался настолько запутанным, что в «Истории Сибири» и «Истории Кузбасса» первоначальное положение Кузнецкого острога вообще не указано¹. Это укрепило убежденность тех, кто отстаивал правобережную версию основания острога.

Действительно, трудно поверить, что острог мог быть построен на обширной затопляемой в половодье пойме реки Кондомы, впадающей с левой стороны в этом месте в реку Томь. Эти соображения подтверждались археологической разведкой, которую провел в 1938 году А. П. Дубок. Его вывод: «Никаких следов какого-либо острога на левом берегу Томи у устья Кондомы нет»².

В таком решении проблемы настораживало одно. Сторонники правобережной версии искали следы острога в непосредственном устье реки Кондомы, тогда как источники не дают оснований для такого ограничения. Фраза «на устье Кондомы реки»³ указывает лишь ориентировочное положение острога. Зная фортификационный опыт русских, при проверке левобережной версии следовало обследовать коренную террасу устья реки Кондомы в 6 километрах ее впадения в реку Томь. Это и было нами сделано.

В ходе археологических работ 1986 года, проводимых Новокузнецким краеведческим музеем в урочище Красная Горка, были зафиксированы остатки земляных укреплений⁴. Характер укреплений и дополнительный подробный анализ письменных источников позволили нам выдвинуть предположение о связи укреплений на Красной Горке с Кузнецким острогом 1618 года.

А теперь вернемся на правый берег реки Томи, к тому месту, где Кузнецкий

¹ История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968, с. 36; История Кузбасса. Часть 1—2. Кемерово, 1967.

² Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 2, л. 9.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 453.

⁴ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 1, д. 19, л. 16—22.

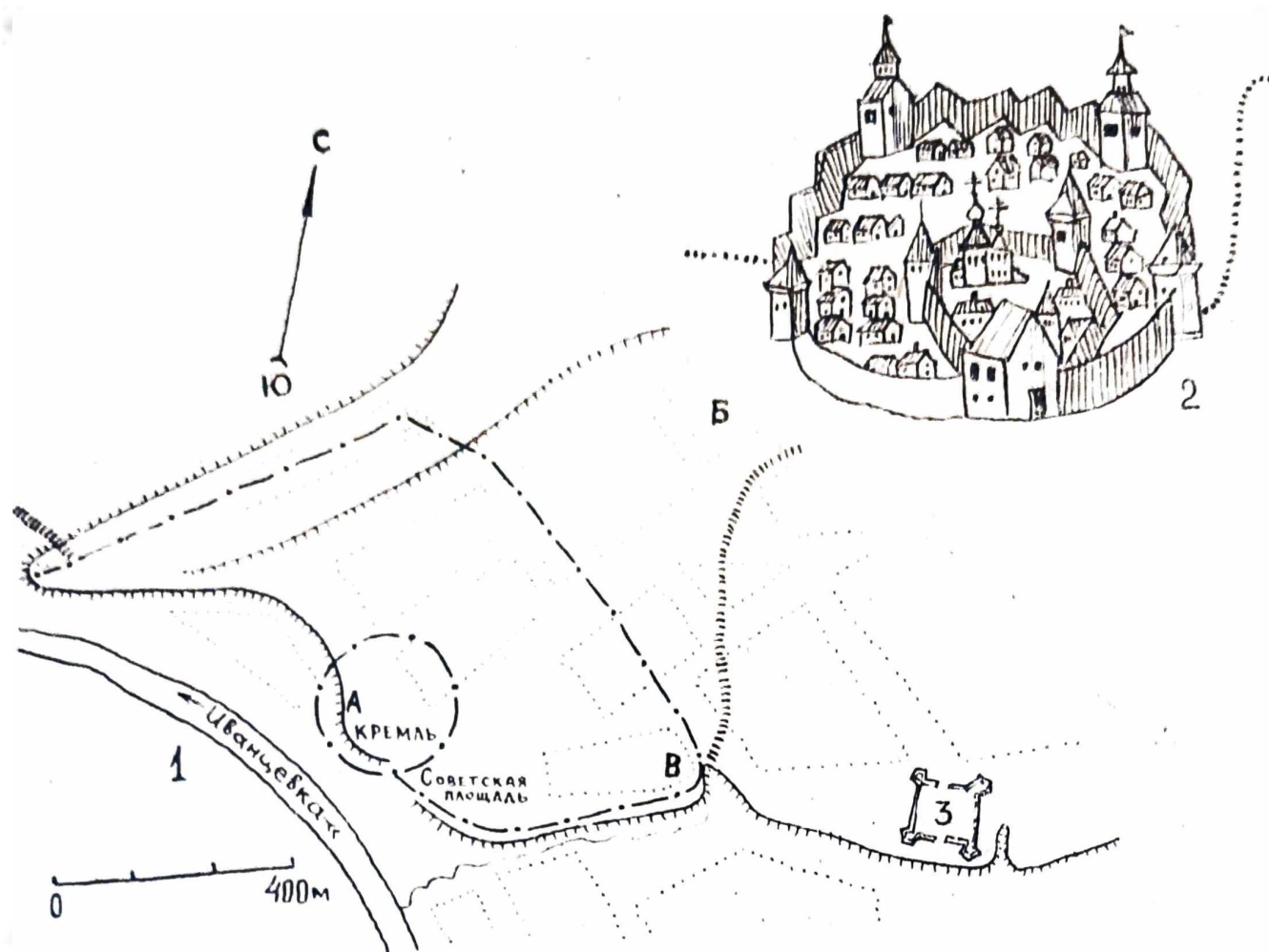

Рис. 1. Планиграфия Кузнецкого острога:

1 — территория Кузнецкого острога на плане Кузнецкого района г. Новокузнецка (памятник археологии); А — кладбище у Спасо-Преображенского соборного храма, Б — кладбище на месте Сада алюминщиков, В — кладбище у первоначального места Одигитриевской церкви; 3 — местонахождение земляных ретрашементов XVIII века; 2 — Кузнецкий острог XVII века по С. У. Ремезову.

острог стоял по крайней мере с 1620 года. Археологическое изучение правобережного Кузнецкого острога начал художник-краевед К. А. Евреинов. С его именем связаны открытия и других археологических памятников на территории Новокузнецка. Наблюдения за разрушениями культурного слоя исторического центра Кузнецкого района позволили К. А. Евреинову собрать коллекцию предметов, связанную с самыми ранними периодами существования Кузнецкого острога (рис. 3, 1—4, 8, 9).

Мощность культурного слоя Кузнецка невелика — менее 1 метра. Для сравнения: в Новгороде, в Москве он достигает 6—8 метров. Следует сказать, что участки исторического культурного слоя, наряду

с другими историческими и культурными памятниками, являются бесценным достоянием государства и находятся под охраной.

Археологические раскопки на территории средневекового города — занятие очень сложное и часто неблагоприятное. Приходится иметь дело со слоями мусора и улами пожарниц, перерытых и перемешанных в процессе роста города и при современном строительстве. Огромная удача найти в этом хаосе не потревоженный объект, связанный с зарождением города. Вот почему бесценны любые сведения о таких наблюдениях.

Правда, не критичное отношение к своим находкам и отсутствие широкого круга источников, доступного историкам-про-

к поспешным выводам. Так, К. А. Евреинов и вслед за ним А. И. Дубок приписали следы земляных укреплений, сооруженных в конце XVIII века к северо-востоку от Кузнецка (рис. 1, 3) за остатки острога 1618 года⁵. Планировка данного укрепления была использована К. А. Евреиновым для макетной реконструкции Кузнецкого острога. Несмотря на свою необоснованность, эта версия существует до настоящего времени.

Если внимательно проанализировать письменные и картографические источники, то, оказывается, даже и без помощи археологии территорию, которую занимал Кузнецкий острог, можно вычислить. Так место кремля фиксируется камепным Спасо-Преображенским соборным храмом. Известно, что он был построен на месте деревянного храма, заложенного в 1621 году⁶. Вокруг этого храма до конца XVIII века группировались все административные здания, традиционно размещаемые в кремлях русских острогов. Периметр стен кремля был около 420 м, а периметр укреплений всего острога — примерно 3270 м⁷. Зная все это и используя рисунок из книги С. У. Ремезова (рис. 1, 2)⁸ и более поздние планы Кузнецка XVIII—XIX вв., легко определить и само расположение стен. Они начинались «по горе Вознесенской от реки, от самого крутого камня», то есть проходили по тому месту, где позднее была построена Кузнецкая крепость. Северо-восточный участок стен фиксируется ровом, остатки которого еще сейчас можно разглядеть в районе нивада. Юго-восточная стена определялась кромкой надпойменной террасы — там, где сейчас проложена обьездная до-

рога по ул. Народной и вдоль Советской площади (рис. 1, 1).

По юго-восточной стене есть и некоторые археологические свидетельства. Д. М. Агеев, занимавшийся историей фортификационных укреплений Кузнецка, писал: «В ноябре 1938 года через площадь, в направлении от берега реки Томи на восток, прокладывали водопровод. При копке траншеи для трубы, на глубине около 1 м от поверхности земли был встречен частокол из хорошо сохранившихся бревен. Верхние концы их сгнили, а нижние, уходящие вглубь, выглядели совершенно здоровыми и инструментами землекопов не могли быть выбиты из своих мест. Направление частокола — под некоторым углом идет на север...»⁹. О находках стен: рубленых клетями, при работах на прокладке железнодорожных путей вдоль Народной улицы в 1938—1939 гг., сообщает К. А. Евреинов¹⁰.

Интересно, как К. А. Евреинов объяснил несовпадение первоначального места Кузнецкого острога в 1618 году, за которое, как вы помните, он принимал следы земляных ретрашементов XVIII века, и находку стен Кузнецка вдоль Советской площади. По его мнению, стены расширились в результате роста города. Другой краевед Д. Белошицкий более определенно выразил эту мысль: «Здесь (на Советской площади. — Ю. Ш.) под защитой крепости начал строиться город Кузнецк»¹¹.

Пишу об этом потому, что данная краеведческая традиция довольно укоренившаяся. До сих пор многие полагают, что Кузнецкий острог и город Кузнецк не одно и то же. Это, конечно же, не так. Напротив, несмотря на то, что Кузнецк получил статус города еще в начале XVII века, его до конца XVIII века в документах довольно часто именовали острогом.

⁵ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 22/1, л. 2, л. 10.

⁶ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 39, л. 7.

⁷ Прибыткова А. М. Кузнецкая крепость // История СССР. № 1, 1975, с. 232.

⁸ Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири 1716, 1882, л. 13.

⁹ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 37, л. 46.

¹⁰ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 22/1, л. 4.

¹¹ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 42, л. 62.

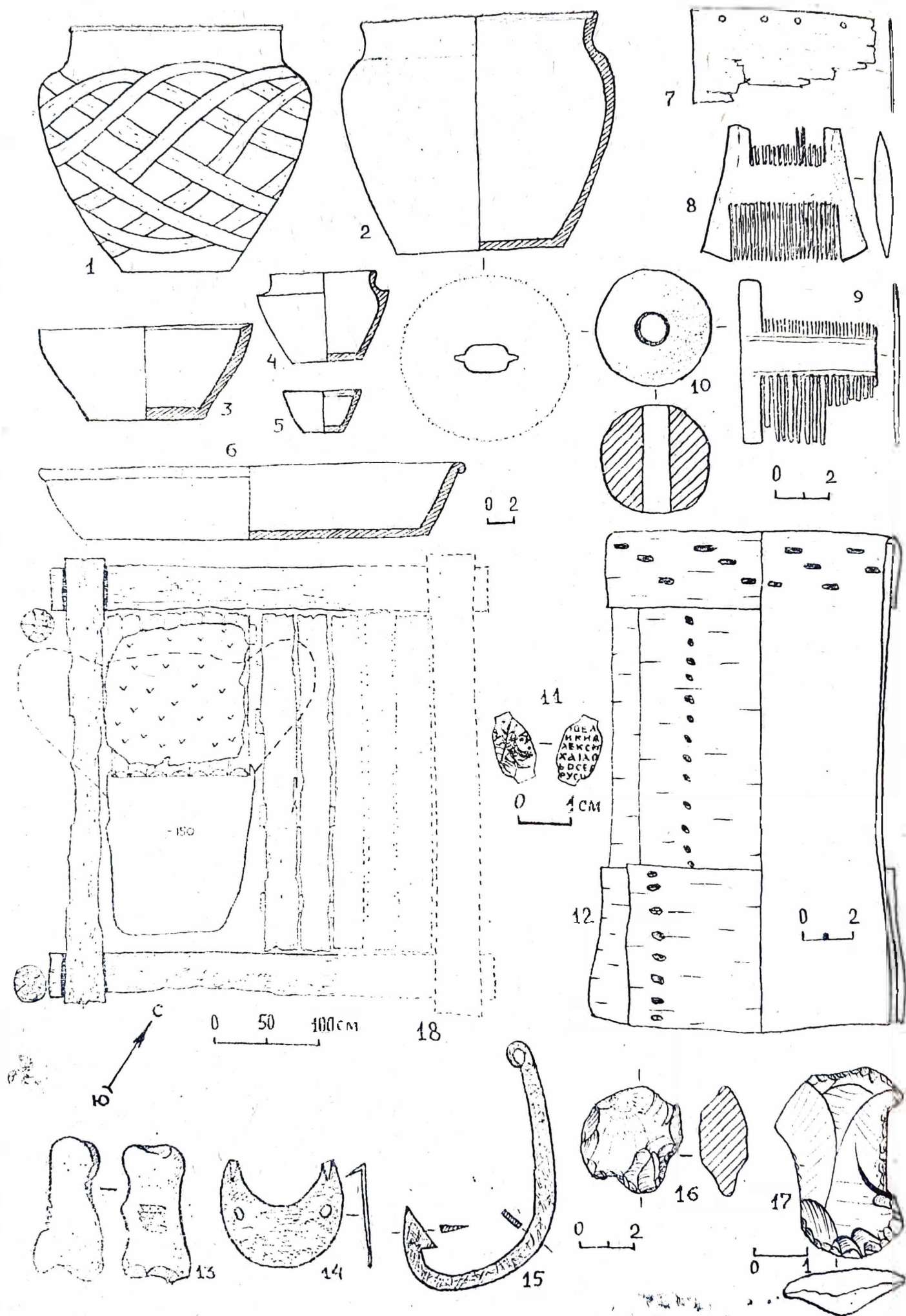

Рис. 2. Материалы раскопок дома на Советской площади:
 1-6, 10 — глина; 7 — слюда; 8, 9, 13 — кость; 11 — серебро; 12 — береста; 14, 15 — железо;
 16, 17 — камень, 18 — план раскопанного дома.

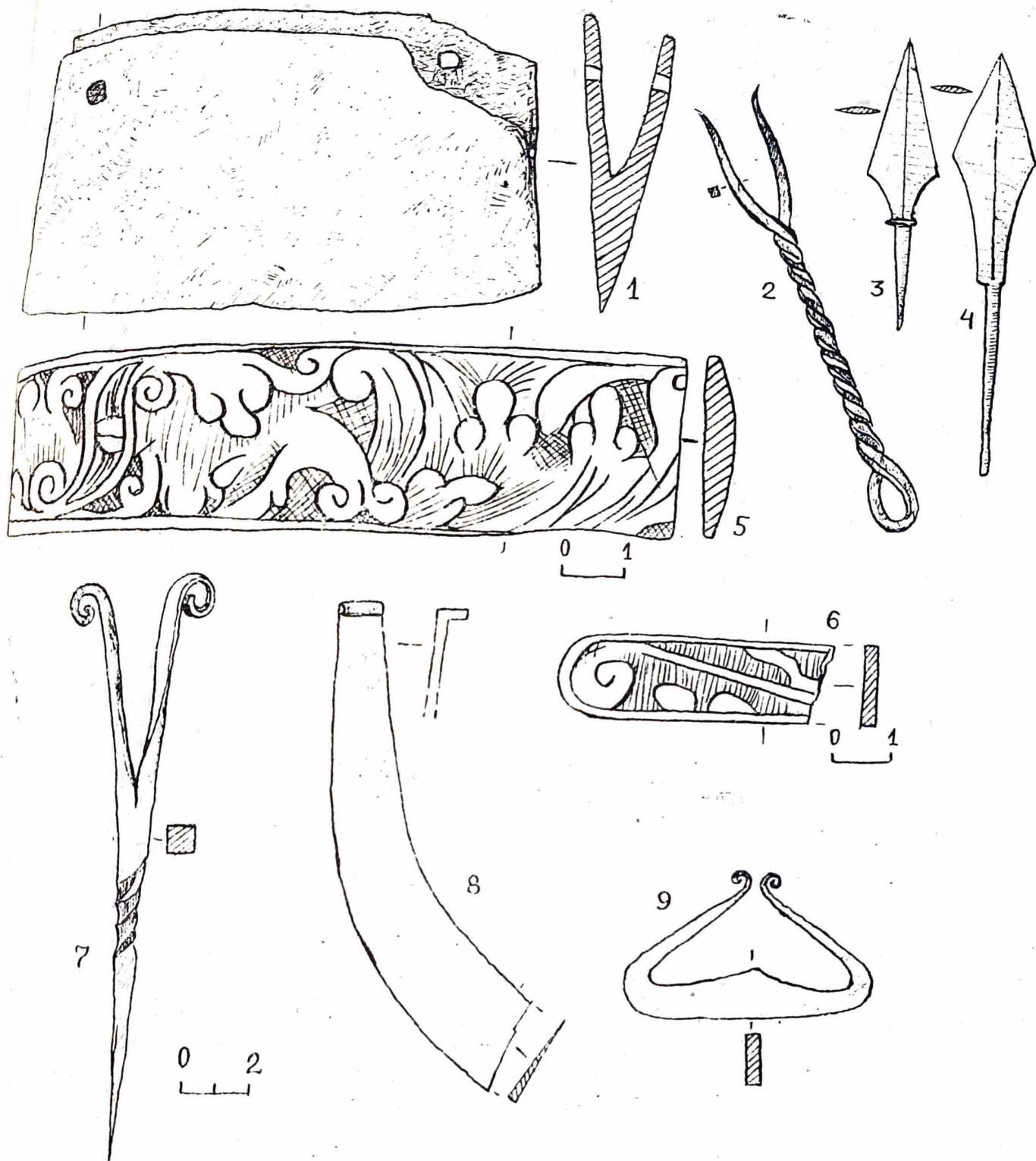

Рис. 3. Находки из различных мест Кузнецкого острога:

1 — железная оковка лопаты; 2 — железная вилка; 3—4 — железные наконечники стрел; 5—6 — костяные резные накладки; 7 — железный светец; 8 — обломок железной косы-горбуши; 9 — железное кресало.

В 1986—1988 годах археологическому отряду Новокузнецкого краеведческого музея удалось выявить остатки нескольких жилых построек XVII века. Познакомимся с материалами наиболее полного из них — объекта, раскопанного

на Советской площади. Здесь в культурном слое Кузнецка почти полностью уцелела нижняя часть дома 4×3 м (рис. 2, 18). Судя по остаткам первого венца, дом был рублен из лиственных бревен в обло чашкой вверх с небольшим остат-

ком. Пол из широких толстых плах был настелен на редкие поперечные лаги. Печь была глинобитная, сооруженная в углу на не связанном с полом помосте из расколотых пополам бревнышек, опечек был обшит досками. Печь после разрушения дома завалилась в выкопанный рядом с ней погреб глубиной 1,5 м. В стенках погреба были выкопаны под почку глубокие ниши. Все находки, за исключением одного горшка, развал которого расщипан на плахах пола (рис. 2, 2), сделаны при разборке заполнения погреба. Кроме глиняных горшков, оплетенных берестой (рис. 2, 1) в погребе оказались: обрывки кожаного сапога, выкроенного на косой колодке, с берестяными вставками в задник и под каблук, подковки для обуви (рис. 2, 14), обломки гребней, сделанных из рога (рис. 2, 8) и бивня мамонта (рис. 2, 9), набор игральных бабок (рис. 2, 13), кремни для кресала (рис. 2, 16), берестяной туес (рис. 2, 12). В слое вокруг дома найдены обломки глиняной посуды (рис. 2, 3—6), глиняное грузило для сети (рис. 2, 10), осколки слюдяных окошек-питух (рис. 2, 7), рыболовный крючок (рис. 2, 15), фигурка лошади, вырезанная из кости.

Все это — типичный набор хозяйственного инвентаря, встречающийся при раскопках домов рядовых горожан и служилых людей на русских памятниках Сибири XVII века. В то же время на территории кремля Кузнецкого острога, где тоже сохранились остатки построек XVII века, кроме уже описанных бытовых предметов и железного светца для лучины (рис. 3, 7) были найдены вещи из резной орнаментированной кости (рис. 3, 5—6), китайский фарфор, розовое стекло с белой эмалевой росписью богемского производства.

О времени бытования дома, раскопанного на Советской площади, можно предполагать не только по характерному инвентарю и сопровождающим его розовым пинцальным кремням (рис. 2, 17), а так-

же по серебряной копейке царствования Алексея Михайловича (рис. 2, 11), завалившейся в щель между опечком и полом. Дом, по-видимому, был оставлен за ветхостью. Об этом говорит отсутствие следов пожара, характер предметов, оставленных в погребе, а также чистая прослойка земли, перекрывавшая весь объект сверху. Внешний вид этого дома можно представить по чертежу С. У. Ремезова (рис. 1, 2). Это была небольшая постройка с двускатной крышей, отапливаемая по-черному, с маленькими окошечками.

Кроме бытовых и фортификационных комплексов, на территории Кузнецка известны несколько мест с остатками захоронений XVII—XVIII веков. Описание одного из них можно встретить в воспоминаниях Вен. Булгакова¹², где он описывает свой приезд в Кузнецк в 1901 году.

Специалисты давно пришли к выводу, что археологические исследования русских памятников XVII века значительно расширяют возможности исторического исследования по ранним периодам освоения Сибири. Тем не менее, они все еще считаются единичными случаями. В этой связи хочется отметить, что, хотя до недавнего времени археологическое изучение Кузнецкого острога велось стихийно и часто на любительском уровне, но уже сам факт таких наблюдений, стремление сохранить крупицы информации по истории родного города делают неоценимыми заслуги первых поколений краеведов.

Сейчас, когда в Новокузнецке осуществляется обширная программа по реставрации исторических памятников и созданию на их базе историко-мемориальной зоны сложились благоприятные условия для проведения комплексных научных раскопок. Было бы преступлением не сделать достоянием науки то, что еще сохранилось в непрерывно растущем промышленном городе от его исторических корней.

¹² Научный фонд НКМ, д. 390 б, л. 122

ЭКСПОЗИЦИЮ ОЦЕНЯТ ПОСЕТИТЕЛИ

В Кемеровском областном краеведческом музее посетители могут увидеть разнообразные отражающие историю Кузбасса с древнейших времен до начала XX века. Начинается экспозиция с рассказа о людях в первобытном обществе. И собирательство, скотоводство и земледелие, гончарное и литейное производство возникали и развивались по мере развития человеком окружающего мира. Постепенно на смену родовым отношениям приходит имущественное неравенство, власть вождей. Первым государством у нас был Тюркский каганат, созданный в VII в. н. э.

Один из разделов посвящен коренным народам нашего края — шорцам и телеутам, которые являются потомками древнего населения Сибири. В своей материальной и духовной культуре они сохранили традиции предков.

Приход русских в XVII веке оказал на местные племена большое влияние. Принадлежность земли Кузнецкой к русскому государству положила начало походной жизни. В конце XVI—XVII вв. Сибирь заселялась служилыми, крестьянами, возникали первые остроги, монастыри, села, города.

В XVIII веке царское правительство активно предпринимает ряд мер по освоению Сибири. Во-первых, сооружение Московско-Сибирского тракта, который был проложен через огромные сибирские просторы, в т. ч. по территории нашей области. Во-вторых, началось промышленное освоение сибирских богатств — в Кузнецкой котловине были открыты первые месторождения угля и руд. По указу Елизаветы II с 1747 года все это переходит в собственность Кабинета. На заводах и рудниках используется труд приписных крестьян, мастеровых и каторжников. С развитием капитализма в России Си-

бирь стала рынком сбыта не только товаров, но и людских ресурсов. Этому во многом способствовало сооружение Транссибирской магистрали на рубеже XIX—XX веков. С ее строительством резко увеличился поток переселенцев, которые пополняли ряды сибирского крестьянства. Многие из переселенцев становились старателями, пополняли число приисковых рабочих. Золотопромышленность гораздо быстрее других отраслей вступила на путь концентрации капиталов, создания акционерных обществ.

Таков краткий перечень представленных в экспозиции тем. Сотрудники музея и группа художников сделали попытку научный тематико-экспозиционный план (авторы М. А. Мельникова, Л. Ф. Кузнецова) превратить в театральное зрелище (автор художественного проекта А. П. Хуторной).

В первом разделе — это реконструкция фрагмента известного археологического памятника — Писаных скал и наскальные рисунки древних художников от неолита до раннего средневековья, далее жилище шорцев («яйлык»). Макет угловой башни острога и частокол помогают представить, как выглядел первый острог — Кузнецкий. Часть тракта с верстовым столбом, плаглаузом, сторожевой будкой, постоянным двором и «торговой лавкой» позволяет зрителю представить себя в роли путешественника XVIII в. Диорама Салаирского рудника, Гавриловского завода, реконструкция Гурьевского завода и подъемного крана воссоздают облик первых промышленных предприятий Кузбасса. Условный участок пути с нагоном, диорама «Изда переселенца», реконструкция бутары для промывки золота создают образы исторических событий того времени.

Но создание этих образов не самоцель. Реконструкция и диорамы используются

азва-
сений
йка,
е. А
езли
вре-
а.
лан
ю».
ни-
ре-
да
ер-
На
да,
ам
ом
и
е-
—
я:
—
3.
—
3
3
1

прежде всего для показа музейных подлинников: археологических и этнографических коллекций, орудий труда, бытовых предметов, утвари, документальных памятников. Среди них можно увидеть первые бронзовые изделия II тыс. до н. э., бубен и колотушка телеутского шамана, вооружение русских воинов XVII—XVIII веков, предметы бондарного промысла, продукция первого металлургического завода — Томского железодельного (XVIII в.), художественное литье гурьевских мастеров XIX в., рельс 1894 года, стационарный колокол ст. Тисуль того же времени, одежда русских, белорусских,

чувашских женщин, утварь, предметы быта переселенцев, орудия труда старателей, их фотографии и документы конца XIX—начала XX веков.

В экспозиции широко использованы произведения живописи, графики, скульптуры, росписи, мелкой пластики. Среди них работы Г. Писаренко, В. Трески, В. Колесникова, народного художника РСФСР А. Кирчанова, Г. Трофимова.

Теперь слово за посетителями. Их мнение определит: удачно ли построена экспозиция, в чем ее слабости и достоинства.

Николай Хатюшин

ИМЕНИ КРАСНОГО КОМАНДИРА

Комсомольцы профессионального училища № 38 носят имя командира большевистского Кольчугинского Совдепа Петра Федоровича Сухова.

— Мы занимаемся поисковой работой уже много лет, провели семь краеведческих экспедиций по местам боев отряда Сухова. Составили исторические справки на данные населенные пункты, уточнили фамилии и имена красногвардейцев из отряда.

В материалах о действиях отряда нам не раз приходилось сталкиваться с противоречивыми сведениями. Например, во многих печатных источниках говорится о том, что под руководством П. Ф. Сухова были созданы подпольные ячейки только в трех селах: Савенском, Серебряниковском и Боровском.

Нам удалось выявить, что под руководством суховцев были созданы партийные подпольные ячейки в селах Алтая: Харитоново, Черновка, Родино, Вознесенька, Вострово, Красноярское и многих других.

В семи экспедициях мы встретились и побеседовали со 160 очевидцами событий тех далеких лет.

Нам посчастливилось в 1982 году встретиться с участником похода отряда Сухова Степаном Григорьевичем Солосиным.

Интересной, надолго запоминающейся была встреча в 1984 году с бойцом красногвардейского отряда Александром Васильевичем Бебко. В отряде он был недолго, так как был ранен и его оставили на лечение в селе Зятькова Речка. Он убедительно доказал, что отряд Сухова — это был боевой отряд Сибирской Красной Армии.

А в 1985 году в селе Благовещенка мы встретились с Героем Советского Союза Федором Ефимовичем Санниковым, который 15-летним мальчишкой был в отряде Сухова конвозчиком. Ему особенно запомнилось то, как Сухов и его бойцы стойко и мужественно переносили все невзгоды походной жизни, как мечтали о будущем, хотели учиться. Сухов приказал по мере возможности проводить обучение грамоте бойцов своего отряда. Занятия вели начальник штаба, командир коммунистической роты и сам П. Ф. Сухов.

В начале поисковой работы нам было известно всего шесть суховцев — это Сухов, Сулим, Цаплин, Присягин, Долгих,

я установлено 96 человек из музея за эти годы накопились документы. Есть, например, конаний командира Барнауль-а И. И. Долгих, рукописной рия села Тележиха» В. Н. собый интерес вызывает ко-ия Солонешенского райиспол-еименовании улицы Нагорной иени Петра Федоровича Сухо-ие Солонешенского райкома о присвоении имени командира дружине Тележихинской сред-

изидии музея — ствол пистолета, й в селе Тюнгур на месте послед-чашка и котелок красногвардей-ы от винтовок, штык и ножны ала, найденные на месте боя в ежиха, камни с горы Будачихи и йды, с места боев в селе Тележи-нгур.

овлено, что отряд Сухова прохо-61 населенному пункту, не обследо-и не изучены пока 6 населенных ов. Особенно интересными для «Поиск» оказались населенные ы: Боровское, станция Алейская, вое (ныне Харитоново), Вострово, ю, Вознесенское, Тележиха, Малы-Лог и ряд других сел и деревень Ал-Так, например, о незаурядном та-е в военном деле П. Ф. Сухова и его альника штаба красноречиво говорит Вознесенского боя, где под их ру-одством отряд в течение суток разбил уничтожил два тысячных отряда бело-ардейцев. В ходе этой боевой операции ковцы захватили шесть пулеметов, два аа винтовок, вещевое обмундирование около 60 тысяч патронов.

Интересный факт о воинском мастер-е П. Ф. Сухова наша группа узнала в еле Малышев Лог при встрече со ста-ревшим жителем этого села Деминым (ему в ту пору было 12 лет).

После Вознесенского боя отряд из Вострово прибыл в село Малышев

Лог. Красногвардейцам предстояло пере-сечь железнодорожную линию Барнаул—Рубцовск, — рассказывает Демин. — Раз-ведка отряда к тому времени уже прове-рила подступы к этой железнодорожной ветке и доложила, что на ней белогвардей-цы используют бронепоезд и усиленно ве-дут наблюдение за подступами к железно-дорожному полотну.

В общем, белогвардейское командова-ние готовило крупный удар на данном участке по уничтожению отряда Сухова, оно рассчитывало, что отряд будет дви-гаться единым обозом и предположило, что переход возможен только неподалеку от станции Пospelиха, так как там самое удобное место для преодоления подвода-ми железной дороги. Предвидя все это, штаб Сухова принимает решение раздро-бить отряд на три части и перейти желез-ную дорогу в трех местах с последующим соединением отряда в селах Комариха и Верхнекамышанка, что и было сделано. Из села Малышев Лог отряд отправился в определенной последовательности с оп-ределенным интервалом по времени в те-чение двух суток и двигался тремя «ру-чьями». Так, после перехода первой части под станцией Хлопуново через некоторое время последовал следующий переход не-подалеку от станции Пospelиха, а основ-ная часть и штаб отряда перешли желез-ную дорогу в районе станции Мамонтово. Белогвардейский бронепоезд метался от одной станции к другой, сами белогвар-дейцы были сбиты с толку, а отряд Сухо-ва благополучно, без потерь продолжал свой героический рейд дальше, в горы Алтая, к намеченной цели на восстано-вление с Туркестанской Красной Армией.

И таких примеров можно привести мно-го. Достаточно сказать, что отряд Сухова из 20 крупных боевых операций одержал победу в 18.

Для уничтожения отряда Сухова белые вынуждены были выделить отборные вой-ска из семи своих гарнизонов, отвлечь значительные силы, которые они могли бы бросить против красных войск, оборо-

зв-
нив
ика,
А
зли
ре-
и
ан
о-
ин-
е-
да
р-
ia
а,
м
м
и

павших другие города западной части молодой Республики Советов. И если бы не предательство проводника, Сухов со своим отрядом наверняка достиг бы Семиречья и соединился с войсками Туркестанской Красной Армии.

Тяжелой болью отзывалась в сердцах трудящихся гибель красных героев. Заведенные по узкому ущелью под стволы винтовок и пулеметов, суховцы потеряли возможность принять положение «к бою» и оказались открытой мишенью для замаскировавшихся врагов, местных кулаков и эсеров. Это был уже не бой между противниками, а истребление беззащитных людей. Случилось это 10 августа 1918 года в Горном Алтае под селом Тюнгур.

Участники краеведческих экспедиций не раз задавали вопрос: «В чем заключался источник силы красногвардейцев отряда Сухова?» И при встрече со старейшими жителями сел находили ответ. Во-первых, в том, что в отряде царил твердая военная дисциплина. За малейшую провинность, которая могла бы подорвать авторитет отряда среди мирного населения, сурово взыскивалось. Работая в 1987 году в селе Вылково, мы узнали, что за грубое обращение, поборы, за употребление спиртного и пьяный скандал, за насилие над мирным населением были приговорены к расстрелу три красногвардейца. Приговор был суровым, но необходимым.

В одном из писем начальник штаба красногвардейского отряда Д. Г. Сулим по этому поводу писал: «Только что раздался залп — это расстреляли нашего красногвардейца наши же. За то, что в пьяном виде требовал у крестьянина пять рублей. У нас на этот счет сейчас строго. Малейшая провинность, малейшее насилие или посягательство на чужую собственность без приказа штаба — расстрел».

Образцовая дисциплина помогла красногвардейцам идейно влиять на крестьянство, в первую очередь на середняков, которые в начале контрреволюционного выступления белочехов оставались без-

участными, не поддерживали рабочих в борьбе за Советскую власть.

И умелая разъяснительная работа в деревне была чрезвычайно важна. Суховцы уделяли ей максимум внимания и имели значительный успех.

Во-вторых, сводный красногвардейский отряд в Алтайской губернии оставался одной-единственной единицей Красной Армии.

В-третьих, П. Ф. Сухов считал целесообразным в пути следования проводить широкую политическую работу среди населения, выявлять подпольные ячейки и снабжать их оружием для грядущих боев. Такая тактика красных героев, пример их самоотверженной борьбы за Советскую власть подготовили почву для массовых крестьянских выступлений против Временного Сибирского правительства, за установление Советской власти на Алтае и в Сибири. Уже на пятый день после гибели отряда Сухова вспыхнуло восстание крестьян в деревне Черный Дол, а к осени 1918 года в Алтайской губернии действовало уже несколько партизанских отрядов под руководством Громова, Мамонтова, Колядо, которые впоследствии были объединены в единую многотысячную партизанскую армию под командованием Ефима Мефодиевича Мамонтова.

Во всех проведенных краеведческих экспедициях приняло участие 118 учащихся СПТУ № 38. Часто нам задают вопрос: а что дают учащимся экспедиции? А вот что. Все учащиеся после экспедиций лучше узнали и изучили историю родного края, углубили свои знания по гражданской войне. Более осмысленней и ясней стали разбираться в политической обстановке в стране в период белочешского мятежа и контрреволюции.

А итогом работы краеведческой экспедиции явилось создание силами учащихся и работников училища музея боевой и трудовой славы.

В 1987 году в честь 70-летия Великого Октября проводилась очередная экспедиция. Мы побывали во многих селах: Во-

Вознесенске, Малышевом Логу, Глубоком, Тележихе, Тюнгуре встретились с интересными людьми. Собрали важный материал, уточнили и проверили некоторые факты и события, связанные с историей отряда Сухова. По поручению жителей нашего города проводили митинги памяти, а в селе Тюнгур на мемориальном комплексе героям-суховцам положили памятную плиту. В ходе работы краеведческой экспедиции от имени горожан Ленинска-Кузнецкого в селах Вылково, Вострово, Вознесенске, Тележихе и Тюнгуре к памятникам и обелискам героям красногвардейского отряда Петра Федоровича Сухова были возложены венки славы. В ряде сел участниками экспедиции были прочитаны лекции о легендарном отряде Красной гвардии, нашем зем-

ляке П. Ф. Сухове и его бойцах. Многие улицы алтайских сел и городов носят имя Петра Сухова, а в школах почетное имя присваивается лучшим пионерским дружинам. Очень многими памятниками, обелисками, мемориальными досками увековечен теперь путь продвижения сводного красногвардейского отряда в Алтайском крае. В Солонешенском районе в совхозе Медведевском одно из отделений именуется фермой имени П. Сухова. Мемориальный комплекс сооружен на братской могиле на месте последнего их боя с белыми 10—14 августа 1918 года у села Тюнгур. Постановлением Совета Министров РСФСР местный совхоз (село Катанда) назван именем легендарного командира.

Жизнь Петра Федоровича Сухова и бойцов его отряда стала легендой.

Михаил Сорокин

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

В марте 1956 года в гурьевской газете «Знамя Ильича» появилась статья. «Создадим в нашем городе краеведческий музей», — призывал земляков Федор Ильич Александров.

В ту пору Федору Ильичу было за шестьдесят. Газета сообщала, что создана инициативная группа. «Полезное и интересное культурное начинание должно найти живейший отклик среди трудящихся Гурьевска и Салаира, среди жителей всего района».

Сколько каждому из нас довелось на своем веку слышать громких призывов, прекраснотушних идей! Федор Ильич понимал, что любые призывы не будут услышаны, если не заденут чувствительных струн человеческих сердец, если не будут подкреплены кропотливой черновой работой.

Пенсионер Федор Ильич с юношеским пылом отдался новому делу. Впрочем, в этом, наверно, и состоит сущность этой

особой породы беспокойных людей, привыкших работать с полной самоотдачей.

Вскоре у Федора Ильича Александрова появились десятки добровольных помощников — рабочие, учителя, геологи, инженеры. Случись где-нибудь интересная находка — немедленно звонок. На Бачатском каменноугольном разрезе экскаваторщики откопали бивень мамонта, череп ископаемого чудовища, зуб какого-то «завра» — тут же сигнал Федору Ильичу. Приезжайте, мол, взгляните на чудо-юдо, разберитесь. Старый знакомый, телеут, привез однажды для будущего музея редкостные подарки — свадебный наряд невесты и другие предметы народного быта. А рабочий-металлург Александр Мирзоев, копаясь у себя в огороде, наткнулся на клад старинных монет: народному музею пришло солидное пополнение. Так всем миром, по ниточке да по иголочке, собирались реликвии салаирского края.

Скоро экспонатов стало столько, что

...должно, далеко не каждый представля-
ет, как не просто создать настоящий му-
зей.

Федор Ильич Александров мечтал о му-
зее со сквозной, многоплановой экспози-
цией, с солидной библиотекой, ценным ар-
хивом... А это значит нужны просторные
залы и обширные запасыники.

Сколько сил отняла у Федора Ильича
борьба за превращение музея народного,
результат общественной инициативы, в
музей государственный с небольшим шта-
том сотрудников-профессионалов! И из
этой борьбы он вышел победителем.

Организационные заботы не могли ото-
рвать Федора Ильича от поисковой ис-
следовательской работы. Он бережно со-
бирает материалы о революции и граждан-
ской войне в Кузбассе, ведет хронику важ-
нейших событий из жизни родного горо-
да. Весь устремленный в будущее, с не-
гаснущей надеждой на лучшее и прожил
свой немалый век этот неординарный че-
ловек.

Как не вспомнить здесь строки Влади-
мира Чивилихина о такого рода людях:
«спускают они из бывших учителей,
врачей, журналистов, военных, музейных,
партийных и советских работников. Но-
вая их служба, в которой они пребывают
незаметно, часто донельзя скромно, чрез-
вычайно важна и нужна — они прививают
согражданам привязанность к их родине...
Эти увлеченные отставные трудяги, кажу-
щиеся подчас чужаковатыми, составляют

работал Федор Геблер, врач, ученый, член
многочисленных научных обществ, путе-
шественник, исследователь истоков Ка-
туни (его именем назван ледник, с кото-
рого берет начало река).

Эстафету у Геблера принял Василий Ти-
стров, горняк, большой знаток природных
богатств Кузбасса, дедушка Надежды Кон-
стантиновны Крупской. Тистрова с Геб-
лером объединяла многолетняя дружба.
Первый был хранителем фондов (на об-
щественных началах) того самого музея,
создателем которого был второй.

Незримые нити, невидимые глазу крае-
ведческие импульсы! На всех этапах ис-
тории края среди сибиряков всегда на-
ходились энтузиасты-патриоты: Савва
Есипов, Семен Ремезов, братья Черепано-
вы, Федор Геблер, Василий Тистров, Ни-
колай Мартыанов...

Гурьевская газета «Знамя Ильича» опу-
бликовала мнение молодого историка:
«Огромный труд, затраченный на создание
музея Федором Ильичом Александровым,
получил всеобщее признание. Краеведче-
ский музей стал одним из популярнейших
учреждений культуры в Гурьевске. О нем
знают далеко за пределами нашего горо-
да».

Хорошо, когда бескорыстный труд по-
лучает признание земляков. Александров
стал первым в Гурьевске почетным граж-
данином города, удостоен ордена Лени-
на.

Путь Александра в краеведение, на

и взгляд. Начался в годы детства, юно-
м. Его отец, Илья Александрович, начал
туловый путь стрелочником.

Построенная в конце XIX века Великая
Иртышская магистраль потребовала мно-
го специалистов-железнодорожников.
Тогда устремились тысячи работников.
Среди них были и Александровы. Осели
они на станции Омск.

Среди школьных друзей Федор слыл
судаком, заядлым коллекционером. Кол-
лекционировал все, что попадало под ру-
ку — минералы, марки, открытки, пти-
цы, яйца, бабочек... Но кто из нас в дет-
ские годы не собирал открытки или мар-
ки?..

Транссиб в начале нынешнего века стал
реальной ожесточенной классовой борьбы.
В ее авангарде шли железнодорожники.
Организованные, грамотные, они выгод-
но отличались от других отрядов сибир-
ского пролетариата.

В пристанционном поселке, рядом с
группным депо и начал проходить свои
«университеты» Федор Александров. Труд-
но скрыть что-либо от вездесущих паца-

Подошел наконец 1905 год. Много лет
спустя Федор Ильич запишет в своих вос-
поминаниях: «Рассвирепевшие казаки из-
бивали железнодорожников. Они не ща-
дили ни женщин, ни мужчин, ни нас,
мальчишек, непреременных участников ми-
тингов и демонстраций».

Шли годы, а вместе с ними возрастала
степень причастности Федора Александр-
ова к революционному делу. Он посте-
пенно становился активным участником
событий.

Парням из рабочей слободки не раз до-
водилось стоять в боевом охранении ми-
тингов и митингов, проводимых железнодо-
рожниками на берегу Иртыша. Пройдет
всего несколько лет, и в тех же самых ме-
стах придется скрываться и самому Фе-
дору Ильичу.

По-разному приходили люди в рево-
люцию. Федора к большевикам привел
Василий Татаринцев. Татаринцевы жили

по соседству, в пристанционном поселке.
Отец их, рабочий-слесарь, умер рано, ос-
тавил молодую вдову с восемью деть-
ми.

Василий впоследствии стал чекистом. В
годы сталинского террора вместе с женой
он погиб в лагерях Колымы. Владимир,
старший брат Федора, прапорщик пар-
ской армии, также стал большевиком. За
революционную пропаганду среди солдат
он угодил в Александровский централ, где
и погиб во время восстания против колча-
ковцев. Федор закончил фельдшерскую
школу. В 1915 году его призывают в ар-
мию. Определили его в лазарет, разме-
щавшийся в Томске.

Здесь, в губернском центре, влияние
большевиков было сильно. Они вели ак-
тивную пропаганду не только среди рабо-
чих, студентов, но и среди солдат, нахо-
дящихся на лечении, отправлявшихся на
фронт. Найти единомышленников Федору
не стоило большого труда. На формирова-
ние его как большевика-ленинца оказали
влияние такие известные деятели партии,
как Яковлев, Назханович, Вегман, Голи-
ков, Тиунов. У каждого из них за плеча-
ми были годы подпольной работы, ссыл-
ки и каторги.

В те годы редко кому удавалось избе-
жать провала. Не повезло и Александро-
ву. За распространение среди солдат боль-
шевистских прокламаций Федора аресто-
вали. Ему грозил военно-полевой суд. По-
бег спас от неминуемой смерти.

Февральская революция застала его на
нелегальном положении. Солдатская мас-
са в те дни бурлила. Митинги и собрания
проводились чуть ли не ежедневно. Фе-
дор Ильич немедленно возвращается в
часть. Солдаты его избирают председа-
телем лазаретного комитета, после Октяб-
ря — комиссаром лазарета. С марта
1917 года Федор Александров — член пар-
тии большевиков.

Мятеж белочехов застал Александрова
в Омске. С мандатом губисполкома он
приехал для закупок продовольствия. Ни
минуты не медля, отправляется Федор в

местный Совет, получает боевое задание, в составе одного из полков выезжает на фронт — под Марьяповку.

Минуты были критические. И мысли Федора Ильича в тот момент, конечно, были далеки от краеведения. Однако на перроне, за несколько минут до отправления эшелона, произошел любопытный эпизод, проясняющий, на мой взгляд, существенные черты характера этого человека, его постоянную нацеленность на осмысление прошлого и настоящего.

Пробегая мимо станционного газетного киоска, батальонный комиссар заметил почтовую открытку с изображением Ленина, только что поступившую из столицы. Это было, пожалуй, одно из первых массовых изображений Владимира Ильича. Другой бы, пожалуй, промчался мимо. Другой, но только не Александров. Он закупает всю партию, оптом, и раздает открытки по вагонам. С изображением Владимира Ильича шли в бой под Марьяновкой омские железнодорожники.

Остановить белочехов в те дни не удалось. С боями отступали рабочие, уходили в степь, прятали оружие, спасались, кто где мог. Некоторое время Федор скрывался на станции Каргат, потом пробрался в Омск, устроился на работу в больницу при станции, включился в борьбу.

Колчаковские контрразведчики выслеживали Федора Ильича. Начались изнурительные допросы. По вопросам следователя он догадался, что против него нет серьезных улик. Скорее всего чей-то подлый донос, случайно оброненное слово. Не добившись признаний, его перевели в томскую тюрьму.

«Дважды ночью нас выгоняли на тюремный двор, ставили лицом к стенке, — вспоминал Александров. — Раздавалась команда — «Огонь!» Затем следовала другая — «Отставить!» После чего арестантов вновь разводили по камерам».

Освобождение пришло морозным декабрьским днем 1919 года. Восставшие рабочие и солдаты штурмом овладели тюрьмой, освободили политзаключенных. Фе-

дор Ильич возвращается в Омск, где с головой погружается в работу. Несмотря на молодость (ему не было 25) ему поручают ответственный участок — Дорпрофсоюз.

В 1921 году в жизни Федора Александрова произошло важное событие. Он впервые увидел Ленина. Произошло это на Всероссийском съезде железнодорожников, на котором представлял трудящихся омского узла. «Находился я, — рассказывал Федор Ильич, — от трибуны в шагах десяти-пятнадцати. Владимир Ильич был хорошо виден. Все мы жадно ловили каждое его слово, каждый жест».

Коммунист Александров — участник важнейших событий. Он — делегат двух партийных съездов. На XIII представлял большевиков Омска, на XV — рабочий класс Кузбасса.

По-разному приходят люди в краеведение. Крайне важен при этом личный жизненный опыт. Свидетелем каких событий был человек? Какова степень и мера его личного участия в этих событиях? Для краеведа — это вопросы первостепенной важности.

Личных впечатлений о важнейших событиях в жизни нашей страны, Сибири первой половины века у Александрова было с избытком. В течение многих лет, до начала массовых репрессий, находился он в самой гуще важнейших событий, работал рядом с видными деятелями партии и государства, возглавлял контрольную комиссию и рабоче-крестьянскую инспекцию при Омском губкоме РКП(б). В 1927 году по решению Сиббюро его направляют в Кузбасс.

В те годы здесь разворачивалась великая стройка. У рабоче-крестьянской инспекции хватало работы. Александров постоянно в разъездах: на заводах, на шахтах, в колхозах. Эйхе, Ковалевский. Норкин, Соколовский, Вегман, Скрипкин. Вот далеко не полный круг лиц, с которыми ему пришлось общаться ежедневно.

1937 год застал Федора Ильича в Но-

Новосибирске. Сомкнулись «ежовы рукави-
цы», в одну из ночей все руководство Зап-
сибкрая было арестовано, а семьи «вра-
гов народа» выброшены на улицы.

В его отсутствие (был он в служебной
командировке) Александрова исключили
из партии. От «ежовщины», от физическо-
го уничтожения чудом спасла жена, Ев-
докия. Морально убитого, полуобезумев-
шего от горя, она увозит его и прячет в
горах салаирской тайги.

В глухом таежном поселке на реке Тол-
гой жила родная сестра Евдокии —
Александра. Она заведовала здешней
больницей. Александра Павловна — фрон-
товой хирург, заслуженный врач, ордено-
носец. Почетные звания и награды при-
шли к ней позже. Тогда же, в 1937—
1938 годах она рисковала многим, может
быть, даже жизнью, скрывая семью разы-
скиваемых органами НКВД беглецов.

Так началось второе, теперь уже совет-
ское, подполье Федора Александрова. Про-
шло полвека, но даже сегодня Евдокии
Павловне и ее детям тяжело вспоминать,
как прожили они тот черный год. На
склоне холма кое-как выдолбили землян-
ку-временку. Противоположная от дверей
стена — холодная скала-монолит. Как
прожила тот жуткий год семья, где было
трое детей (младшенькой — три года) —
вспомнить страшно.

К физическим страданиям добавлялись
еще и моральные. Каково было борцу за
Советскую власть в Сибири, пережившему
такas допросов в колчаковской контрраз-
ведке, ответственному партийному работ-
нику чувствовать себя беглецом. От ко-
го?

К счастью, салаирское сидение Алек-
сандрова длилось недолго. Массовые ре-
прессии вызвали недовольство и в партии,
и в народе. Сталин, политик хитрый, ко-
варный, многоопытный, решил сманеври-
ровать. Вину за нарушения законности он
возложил на своих приспешников — Яго-
ду, Ежова. Чрезмерно затянутые гайки
решили чуть-чуть ослабить. Кому верну-

ли свободу, кому возвратили партбилеты,
кого реабилитировали...

Старый, надежный друг прислал од-
нажды записку, вызвал Федора Ильича в
Новосибирск. Евдокия Павловна перепу-
галась до смерти, не чаяла увидеть мужа
живым. Все глаза проглядела, всматрива-
ясь с холма на дорогу. Чуть отлегло от
сердца, когда заметила вдали знакомую
фигуру.

— Восстановили! Восстановили! — сооб-
щил он, задыхаясь от быстрой ходьбы и
распиравших душу чувств. Восстановили
не только в партии, но и в прежней долж-
ности.

Однако в Новосибирск Александровы
решили не возвращаться. Остались в Гу-
рьевске. И почти половину своей жизни
Федор Ильич отдал этому небольшому го-
родку. Свыше сорока лет он работал здесь
секретарем райкома, председателем рай-
исполкома, председателем райплана. Лю-
ди, хорошо знавшие его, единодушно от-
мечали его исключительное трудолюбие.

С годами у Федора Ильича стала про-
буждаться тяга к краеведению. XX съезд
партии пробудил у него особенно много
надежд. Рассказать же ему было о чем.
Потому и ушел с головой в просветитель-
скую деятельность.

Бывает так — уходит человек из жиз-
ни, и дело, им начатое, рушится. К сча-
стью, с гурьевским краеведческим этого
не произошло.

Краеведческий музей в Гурьевске один
из лучших в Кузбассе, достойный ему па-
мятник.

Спустя годы после смерти Федора Иль-
ича Александрова (умер он в 1981 году)
на здании краеведческого музея была ук-
реплена мемориальная доска, отлитая из
чугуна знаменитыми гурьевскими литей-
щиками. В тот день у здания музея со-
стоялся многолюдный митинг.

Многолюдно бывает в его не слишком-
то просторных залах. В представленных
вещах, фотографиях, документах прело-
жились веки истории, судьбы людей.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Привела меня к Вильгельму Дмитриевичу Гнездичу небольшая заметка, помещенная в газете «Правда». В ней рассказывалось об уникальной медали, которая хранится в коллекции Вильгельма Гнездича. Искусствоведы Ленинградского Эрмитажа определили, что ее чеканили приговоренные к каторжным работам декабристы, использовав обломок кандалов.

Мне захотелось увидеть воочию эту медаль, поговорить с ее обладателем.

И вот я в Тальжино. Меня встретил добродушный, седовласый человек. Знакомимся. Вильгельм Дмитриевич действительно страстный любитель старины. Изумили меня его эрудиция, умение увлечь собеседника своей страстью коллекционера.

Я попал в настоящий домашний музей, состоящий из интереснейших и притом разнообразнейших коллекций. Среди них и альбом открыток костюмов народов нашей страны, и альбом открыток, рассказывающих об Отечественной войне 1812 года, и великолепная коллекция карманных календарей.

В руках у хозяина альбом поздравительных карточек, выпущенных до революции. Невольно вырвалось: «Как Вам удалось разыскать такую красоту?»

Вильгельм Дмитриевич смеется: «Просто внимательно смотрю вокруг. Люди порой выбрасывают за ненужностью ту или иную открытку, не ведая ее истинной ценности».

Очень серьезно Гнездиц занимается изучением истории. Он показывает значки с изображением гербов городов нашей страны. Коллекция большая — свыше 300 единиц хранения. Фалеристикой (коллекционированием значков) Гнездиц увлекается давно, был в числе создателей городского общества фалеристов. Собирает

значки краеведческой тематики, по искусству.

Более 650 значков Ленинской тематики подарил он Тальжинской средней школе. Пусть ребята пополняют эту коллекцию новыми экспонатами, пусть у них развивается интерес к этому делу.

Но самый большой интерес Вильгельм Гнездиц в последние двадцать лет проявляет к собиранию бумажных денежных знаков.

Вильгельм Дмитриевич рассказывает об истории этой коллекции, о трудностях и огорчениях, о счастливых и радостных минутах, когда в руки к коллекционеру наконец попадает предмет длительных разысканий.

Слушая рассказы Гнездича о его любимом увлечении, невольно спрашивал себя: «Где же истоки этого большого и интересного дела?»

Зернышко любви к прекрасному посеял его отец, выпускник Казанского художественного училища, человек большой культуры. Именно он зародил любовь к рисованию и музыке. Эти навыки пригодились в жизни.

Вильгельм Дмитриевич пережил тяжелые военные годы на оккупированной немцами земле. В 1948 году, после окончания Тамбовского железнодорожного училища, он приехал на строительство Калтанской ГРЭС. Поправилась ему Кузнецкая земля, прикипел он к ней душой.

В моих руках медаль «В память Полтавской битвы 1709 г.». На оборотной стороне ее читаю надпись: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россия». А вот эти — «За храбрость, оказанную при взятии Очакова в 1788 г.» и «За труды и храбрость при взятии Праги. Октябрь 1794 г.» — редчайшие экспонаты, способные украсить любой музей.

Как хотелось Гнездищу передать эту коллекцию в Новокузнецкий краеведческий музей. Но вместо благодарности получил он бюрократическую отписку: «У нас музей краеведческий, а не исторический».

Разоткровенничавшись, Вильгельм Дмитриевич говорит: «Знаю, что созданы фонд культуры, музей личных коллекций

в Москве. Но я мечтаю, чтобы мои коллекции остались в нашем городе». Сейчас, когда проявляется большой интерес к истории и культуре, обидно, что гибнут порой ценные собрания, редчайшие коллекции. Не должны они пропасть бесследно. Как сохранить для города коллекцию Гнездища?

Любовь Кузнецова

НАХОДКА В СЕЛЕ БАЛАХНИНО

Клад медных монет поступил в Кемеровский областной музей в 1987 году. По народному поверью клад — это «скрытые сокровища», положенные с зарокom и даются они только тому, кто зарок исполнил. Горшок более чем с 200 монетами «дался» плотнику с. Литвиново Лавриновичу Владимиру Марьяновичу. Нашел он его в с. Балахнино Яшкинского района на огороде.

Ценность клада состоит в том, что это сибирские и уральские монеты. 180 из 213 монет изготовлены на Сузунском монетном заводе, входившем в систему Колываново-Воскресенских горнорудных предприятий. Другие монеты отчеканены на Урале, в г. Екатеринбурге 10-, 5-, 2-копечные монеты в несколько раз тяжелее и больше современных. Особый интерес представляют 48 монет 1767—1781 гг. Сибирские монеты отличаются от общегосударственных меньшим размером, на оборотной стороне изображен герб Сибири: два соболя поддерживают царскую корону. Вряд ли могла появиться подобная монета, если бы Алтай и часть Кузбасса не были собственностью Кабинета, Екатерина II, подписывая в 1763 году указ о постройке Сузунского монетного двора, заботилась не только об улучшении государственных финансов, но и о пополнении семейной казны.

С 1766 по 1781 годы в Сузуне выпущено

92 образца сибирских монет мелких номиналов. В кладе их 23, в основном достоинством в 10 и 5 копеек, нет 1 копейки, денег, полушек. На Сузунском заводе монеты чеканили из меди, выплавленной из серебряных руд, поэтому сибирские монеты имеют небольшой процент золота и серебра. Из одного пуда меди делали 25 рублей, на других монетных дворах, где медь не имела таких ценных добавок, 16 рублей. За Урал сибирские монеты вывозить не разрешалось, ими для расчета и оплаты пользовались только в Сибирской губернии.

Монеты из клада очень хорошо прочеканены: вероятно, они мало находились в обращении. Возможно, хозяин собирал их всю жизнь (ранняя монета датируется 1761 годом, поздняя — 1793-м). Набрать ему удалось немногим более 11 рублей. Много это или мало для владельца денег?

Во второй половине XVIII века 12 рублей в год получали многие рабочие Сузунского монетного завода. На эти деньги в 1770 году на Кузнецком рынке можно было купить 75 пудов (1200 кг) пшеничной муки или 7 пудов (112 кг) говяжьего сала. Если бы владелец захотел, он мог бы купить 6 лошадей. Монастыри продавали их по 2 рубля. Таким образом, по тем временам сумма немалая.

Для нас монеты представляют прежде всего историческую ценность. Они могут

рассказать об уровне товарно-денежных отношений, о развитии монетного дела Урала и Сибири. Кроме того, клад помогает изучению истории села Балахнино. Жители могут с уверенностью утверждать, что возникло оно в восемнадцатом

веке и, вероятно, обязано своим возникновением проходившему не遠далеке тракту.

Коллекцию медных монет можно увидеть в новой экспозиции Кемеровского областного краеведческого музея.

Григорий Артемов

ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА

В этот вечер коммунисты села Горскино расходились взволнованные. Смятение в души партийцев внес своим предложением работник Томского губисполкома Николай Васильевич Буинцев.

Здесь его хорошо знали: он устанавливал Советскую власть в этом крае, в марте 1919 года участвовал в восстании шахтеров в Кольчугино, затем партизанил в отряде Шевелева-Лубкова. Теперь он работал заведующим Губсобесом. В Горскино Николай Васильевич приехал в отпуск. На собрание его пригласил секретарь партячейки Василий Елыкомов.

Николай Васильевич рассказал о ленинском плане электрификации.

— Вы тоже можете много сделать для осуществления ленинского плана, — закончил он свою речь.

— А что мы можем сделать? — спросил кто-то.

— Что сделать, говоришь? Вы собрались строить мельницу. Но от мельницы можно сделать привод к динамо-машине, которая будет давать электричество. Вот и будет у нас электростанция.

Установилась тишина. Наконец, молчание нарушил бывший партизан Антон Батурич.

— А что, товарищи, Николай дело говорит. Надо подумать.

Долго спорили. В декабре 1923 года состоялось собрание жителей села. Сельский сход проходил бурно. Стены сельской школы еще не слышали столько криков,

и плыл сизый табачный дым над головами людей.

— Даешь электричество!

— Не желаем! Долой!

— Какое-то там еще электричество придумали.

— Надувательство! Когда с нашего брата драть шкуру перестанут.

Николай Васильевич терпеливо объяснял:

— Товарищи! Никакого надувательства здесь нет. До каких же пор мы будем жить в темноте и невежестве. Электричество — это наше будущее. Оно будет не только освещать наши дома, но и вращать веялки и сортировки. Словом, облегчит наш труд. Так почему же вы против этого? Где взять деньги? Мы предлагаем организовать кооператив. Каждый двор внесет пай. По нашим подсчетам пока достаточно по 5 рублей с каждого двора. Кроме того, я уверен, что нас поддержит губисполком и разрешит выделить кредит.

Большинством голосов сход постановил организовать кооперативное товарищество. Назвали его «Путь к социализму». Избрали правление. В него вошли Николай Буинцев, Григорий Батурич, Игнат Лялин, Антон Батурич, Петр Браковский. Председателем избрали Григория Батурича, секретарем Петра Браковского.

Однако радость улетучилась на первом же заседании правления. Нужен был проект, не было даже малейшего представления о том, где взять динамо-машину, электроприборы и лампочки,

— Если не сделаем то, что наметили, — сказал Николай Васильевич, — то грош нам цена — мы будем выглядеть среди односельчан болтунами.

Буинцев прервал отпуск и выехал в Томск. В губисполкоме к этой идее отнеслись с большим вниманием, приняли решение поручить Томскому политехническому институту составить проект и смету.

А пока кооператоры начали заготавливать и подвозить лес, камень к месту строительства.

Там, где небольшая речка Ур у выхода из тайги сдвигалась каменистыми берегами, издавна существовала водяная мельница богатого мужика Пешкина. В половодье 1920 года она была разрушена. Пешкин обратился к жителям села с предложением построить новую мельницу на их средства. Он брался осуществлять административное и техническое руководство. В качестве платы общество должно было передать ему один из постов в аренду на 12 лет. К сентябрю 1922 года строительство мельницы было закончено. Уездное земельное управление поручило руководство мельницей Горскинскому сельскому Совету.

Теперь одновременно со строительством электростанции планировалась реконструкция мельницы.

В Томском политехническом институте с энтузиазмом встретили предложение взять шефство над строительством электростанции. Газета «За кадры» в №№ 40—43 за 1928 год опубликовала статью И. Лазовского. В ней автор рассказывал о том, что ректор института профессор А. В. Гутовский командировал в Горскино преподавателей В. А. Надеждинского и А. П. Афанасьева с заданием исследовать реку Ур, определить место возможного строительства электростанции.

Инженеры прибыли в Горскино в январе 1924 года.

В. А. Надеждинский работал начальником строительной-монтажной части Томского электротреста. Ему-то и было поруче-

но проектирование станции в Горскино.

Проектом предусматривалось, что вода с плотины пойдет по каналу к вертикально установленной турбине. Рядом с колотцем, где находилась турбина, было запланировано двухэтажное здание электростанции. Энергия должна подаваться на повышающий трансформатор 6 тыс. вольт, а на улицах будут установлены понижающие трансформаторы до 220 вольт.

Монтировать электроосвещение в домах планировалось силами института.

Весной 1924 года проектирование было закончено. Заведующий кафедрой гидравлики А. А. Балакин по своим расчетам изготовил действующую модель. Но встал вопрос о турбине. Таких малых гидротурбин в стране не изготавливали. Осталась надежда на мастерские при институте. Осуществить руководство по ее изготовлению согласился молодой научный сотрудник Р. А. Воронов.

Однако серьезные трудности возникли в организации строительства. И первая трудность в создании «Устава кооператива». Кооператоры обратились за помощью к Автономной индустриальной колонии, управление которой находилось в Щегловске. Там обещали его отредактировать и внести необходимые дополнения.

Паевых взносов оказалось далеко не достаточно, чтобы покрыть расходы кооператива. Некоторые крестьяне заняли выжидательную позицию: «когда будет электричество, тогда и вступим».

На собрании в июле 1925 года председатель кооператива Григорий Батурин докладывал: «Кулаки распространяют ложные слухи, что якобы при пуске мельницы с пайщиков будут брать за помол по одному рублю за пуд, а с остальных по 4 рубля. В результате распространения провокационных слухов граждане неплательщики отказываются работать на запрудке, что ведет к срыву электрификации».

Весной 1925 года, когда члены правления ломали головы, как дополнить кооперативную кассу, кому-то пришла в голову блестящая идея: посеять пшеницу и про-

дать урожай. Уездный земельный отдел разрешил. Той же весной было вспахано и засеяно 57 гектаров. Пшеницу убрали, продали. Денег хватило погасить долги.

И опять ждала беда. Изготовить турбину быстро не удалось — не было вала и подшипников. Неизвестно, какими путями энтузиасты электрификации заказали вал в Свердловске, а подшипники в железнодорожные мастерские Красноярска.

Большую помощь строительству электростанции оказала АИК «Кузбасс». Григорий Михайлович Батурин обратился к Рутгерсу с просьбой выделить для Горскино провод, изоляторы, электропатроны, лампочки.

Несмотря на трудности, к 1925 году кооператив «Путь к социализму» почти полностью обеспечил себя проводом, изоляторами, выключателями и даже электролампочками, которые в то время были большой редкостью.

Сравнительно легко начался монтаж электроосветительной линии. Здесь надо сказать опять большое спасибо Томскому политехническому институту, который направил 16 студентов старших курсов. Объем работы был солидным — ведь надо было смонтировать освещение в каждом доме села. Студенты работали всю зиму 1924—1925 годов. В эти дни они были самыми желанными гостями в домах горс-

кинцев. Часто заезжие крестьяне из соседних сел с любопытством наблюдали за непонятной для них работой молодых людей из города, спрашивали хозяев:

— Что эти парни делают?

— Проводят в дома электричество, — с гордостью отвечали хозяева.

— Што это такое?

— А это ток побежит по проводам, а потом зажжет такие стеклянные пузыри.

— Ври больше, — недоверчиво отвечали гости. — Ну и шутники эти горскинские.

Между тем строительство приближалось к концу. Была возведена плотина, построено здание электростанции, поставлены столбы, а в домах уже висели стеклянные «пузырьки».

Наконец все было отлажено. Приближался день 8 Марта. В этот день и было решено зажечь лампочку Ильича в домах крестьян.

Вечером, накануне праздника улицы опустели. Все сидели в домах, ожидая чуда. И чудо совершилось.

— Ур-а! — кричали в домах и на улицах.

Так новая жизнь вошла в дома крестьян, взволновала необычным светом.

Более 28 лет электростанция верно служила людям, освещая не только Горскино, но и соседние деревни.

Сергей Тивяков

ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

Однажды, когда я работал в архиве Географического общества СССР в Ленинграде, мое внимание привлекла пачка больших листов, скрепленная зеленой лентой. На титульном листе надпись: «Атлас Томской губернии. Сочинен и начерчен в Томске при губернской чертежне 1821-го года». История, к сожалению, не сохранила имен участников этой грандиозной работы, но рукописный атлас дошел до на-

ших дней и рассказал о том, что представляла собой земля Кузнецкая в начале XIX века.

Атлас выполнен на плотной бумаге размером 35×49 см по внешней рамке и состоит из 50 листов. Он содержит 48 карт и планов уездов, управительств и городов, 14 из них посвящены Кузнецкому краю.

Осторожно раскроем первые страницы. На сдвоенном листе «Генеральная карта

Томской губернии». В начале XIX столетия в нее входила территория от Семипалатинска на юге, города Канска (ныне город Куйбышев Новосибирской области) на западе, водораздела рек Енисея и Лены — на востоке и побережья Северного Ледовитого океана на севере. Огромное пространство — 2 млн. 871 тысяча квадратных верст... И на нем всего 11 горных заводов, 3 — винокуренных, 1 солеварный. Общая численность населения губернии составила всего 236,4 тысячи человек мужского пола. Женщины статистикой не учитывались.

Бережно листаю пожелтевшие листы... Передо мной план уездного города Кузнецка с назначенными в городской выгон землями. Выполненный цветной тупью, с витиеватыми надписями, план рассказывает, какая территория принадлежала городу Кузнецку. А ему, оказывается, было приписано «возвышенных нагорных и еланых степных мест — 1289 десятин и 900 квадратных сажен, луговых сенокосных, поросших местами талом и под скотским выпуском — 1427 десятин 700 сажен. Итого удобных — 27 161 600 квадратных сажен. Сверх всего, в оной же окружности состоящих во владениях городских казаков сенокосных мест — 131 десятина 1000 квадратных сажен. При них неудобностей — 53 десятины 560 квадратных сажен, а всего — 184 десятины 150 квадратных сажен».

Невелики были городские земли центра управления Кузнецкого края по сравнению с сегодняшней территорией города Новокузнецка, раскинувшегося почти на 30 тысяч гектаров. Карта нам рассказывает, что сенокосы лежали на левом берегу реки Томи, а пастбища — на правом, ближе к городу. В Кузнецк вели дороги из Барнаула, Бийска, окрестных деревень.

Через реку Томь существовали пере-

правы. До наших дней сохранились названия большинства рек и озер, чуть изменив свое звучание — Урушпайка — Рушпайка, озеро Саралевское — озеро Горолецкое. А многие названия исчезли, как исчезли реки, озера и дороги под напором современного хозяйственного строительства.

Перелистнем еще одну страницу: «План уездного города Кузнецка с крепостью». На плане показаны кварталы города, внизу, у подножья горы, раскинулись деревянные кварталы, только три дома да церкви были выстроены из камня. На вершине горы расположилась крепость. На плане видно, что она имела четыре входа, причем северный был оснащен мостовым устройством. Читаем пояснение: «В оном городе церквей каменных — 3, казенных и общественных домов каменных — 1, деревянных — 3, обывательских: каменных — 2, деревянных — до 383-х, в нем жителей: духовенства — 19, купцов — 5, мещан — 722, помещичьих дворовых людей — 38, разного сословия, кроме войск, — 116, итого жителей — 900 душ».

Следующая карта Кузнецкого уезда Горного ведомства. На ней показаны все деревни и поселки с русским населением и населенные шорцами и телеутами. Большую ценность имеют сведения о пахотных землях. На карте показаны пашни у деревень Боровковой, Атамановой, Антоновой, Терехиной, Куртуковой, Букиной, Сосновой, Бедаревой, Митиной нынешнего Новокузнецкого района; у деревень Терентьевой, Тихоновой, Соколовой, Афонинной, Сафоновой, Черкасовой, Лучшевой, Калачевой и других в Прокопьевском районе.

Наконец, перевернута последняя страница атласа. Но в памяти остается то далекое прошлое нашего края, которое с такой любовью сохраняют пожелтевшие страницы старого рукописного атласа.

СОДЕРЖАНИЕ

К выходу первого выпуска	3
СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ	7
Евгения Кривошеина. «Настоящее открытие для Европы...»	12
Александр Берлин. Виктор Обнорский в Кузнецке	15
ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	17
Александр Шишигин. Алтайский просветитель	20
Отрывки из «Моей жизни» М. В. Чевалкова	21
Сергей Тивяков. Исследователь Горной Шории	28
Валерий Кимеев. Забытая страница истории шорцев	35
ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ	42
Николай Козубовский. Против колчаковской диктатуры	44
Григорий Артемов. Партизанский адъютант	50
«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»	59
Сталинские лагеря Западной Сибири	42
Борис Антонов. «Железный» порядок «железного» наркома.	44
Грант Аветисян. «Основная профессия — революционер»	50
Михаил Сорокин. Одиссея Арнольда Юргенсона	59
«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»	67
Виль Рудин. На Берлин!	67
ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ	81
Георгий Скакунов. Брусницинский пласт	81
Елена Лутовинова. О собирании и изучении фольклора Кузбасса	89
Юрий Ширин. Археологическое изучение Кузнецкого острога	91
Любовь Кузнецова. Экспозицию оценят посетители	97
Николай Хатюшин. Имени красного командира	98
Михаил Сорокин. Хранитель памяти	101
Владимир Пилипенко. Коллекционер	106
Любовь Кузнецова. Находка в селе Балахнино	107
Григорий Артемов. Лампочка Ильича	108
Сергей Тивяков. Весточка из прошлого	110

РАЗЫСКАНИЯ

Историко-краеведческий альманах

Составитель Михаил Ефимович Сорокин

Редактор Э. П. Дубровская

Художественный редактор В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манохина

Корректор С. А. Мазаева

ИБ № 1561

Сдано в набор 17.07.90. Подписано к печати 16.10.90. Формат 70X90^{1/8}. Бумага офсетная № 2.
 Гарнитура Обыкновенная новая. Печать шрифтом. Усл. печ. л. 8,19+0,585 вкл. усл. п. л. Усл.
 ир.-отт. 9,51. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 3000 экз. Заказ № 3163. Цена 45 к. Кемеровское книжное
 издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Ке-
 мерово, ул. Ногородская, 5

